

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 27, № 3*

Вологда • 2023

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

К вопросу о совершенствовании управления развитием территорий7

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Попов Е.В., Скворцов М.М.

Публичное управление развитием экосистемы территории10

Еремеева О.С.

Проблемы информационного обеспечения
экономического анализа территории28

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Палкина Д.С.

Принципы экологического налогообложения
и их реализация в регионах России47

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Леонидова Г.В.

Риски и возможности трудоустройства не по специальности
(на материалах регионального мониторинга)61

Белехова Г.В.

Удовлетворенность работой в крупных городах
и районах в условиях кризисных процессов 2020–2022 гг.79

Полянская Е.В.

Анализ демографических тенденций Дальневосточного региона
(на примере Амурской области)99

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Лебедева М.А.

Проблемы научно-производственной кооперации в регионах России
(на примере Северо-Западного федерального округа)113

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: март 2023 года	130
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2023 года	143

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары	152
Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН.....	158
Правила для авторов	161
Информация о подписке.....	162

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

Revisiting the Problem of Improving the Management of Territorial Development.....7

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Popov E.V., Skvortsov M.M.

Public Governance of the Development of Territorial Ecosystems10

Eremeeva O.S.

Problems of Information Support for Economic
Analysis of the Territory28

TERRITORIAL FINANCE

Palkina D.S.

Principles of Ecological Taxation
and Their Implementation in Russian Regions47

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Leonidova G.V.

Risks and Opportunities for Employment Outside the Specialty
(Based on Regional Monitoring Materials).....61

Belekhova G.V.

Job Satisfaction in Big Cities and Districts
in 2020–2022 Crisis Processes79

Polyanskaya E.V.

Analysis of Demographic Trends in the Far Eastern Region
(on the Example of the Amur Oblast)99

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Lebedeva M.A.

Problems of Scientific and Industrial Cooperation in the Regions of Russia
(on the Example of the Northwestern Federal District)113

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy in March 2023 130
Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in April 2023 143

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

Conferences, Meetings, Seminars..... 152
New VolRC RAS issues..... 158

Guidelines for the authors 161
Subscription information 162

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/O-2232-2017)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ

Усиление влияния внешних факторов на национальную и региональную экономику, таких как турбулентность мировой экономики и геополитики, санкции западных стран в отношении России, последствия пандемии коронавируса COVID-19 и т. п., актуализирует вопрос совершенствования управления развитием территорий, требует теоретического осмысления современных методов и инструментов регулирования социально-экономических процессов, выработки взвешенных и обоснованных практических рекомендаций по их реализации.

В текущем номере журнала сделана подборка статей, авторы которых предлагают решения наиболее острых социально-экономических проблем, а также рекомендации по совершенствованию управления территориальным развитием. Представим краткий обзор опубликованных работ.

В статье *Е.В. Попова, М.М. Скворцова* систематизированы методы публичного управления развитием экосистемы территории. Они могут рассматриваться в качестве методической основы стратегического планирования – важнейшего инструмента управления в условиях динамичности внешней и внутренней среды. Показано, что их применение в практике управления социально-экономическими процессами обеспечивает Тюменской области успешное развитие, о чем свидетельствует позитивная динамика основных индикаторов.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2023). К вопросу о совершенствовании управления развитием территорий // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.1

For citation: Uskova T.V. (2023). Revisiting the problem of improving the management of territorial development. *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.1

О.С. Еремеева раскрывает проблемы информационного обеспечения экономического анализа территорий, выделяемых не по административному признаку. Она обосновывает важность поиска эффективных способов сбора, обобщения и представления информации для экономического анализа таких территорий, предлагает концептуальный подход к разработке интегрированной отчетности, альтернативной статистической.

На современном этапе развития все большую устойчивость в мировой экономике приобретает тенденция внедрения экологического налогообложения как инструмента достижения целей устойчивого развития. В Российской Федерации такой механизм регулирования экономических процессов пока не выстроен. В работе Д.С. Палкиной обобщены принципы экологического налогообложения и опыт их реализации на крупнейших российских предприятиях. Делается акцент не на фискальный, а на стимулирующий характер экологического налогообложения, нацеленного на внедрение низкоуглеродных технологий, модернизацию оборудования, рациональное использование ресурсов, формирование экологически ответственного поведения.

Для российских территорий не теряет актуальности проблема поиска резервов экономического роста. В последние годы отечественные ученые и практики все большее внимание уделяют неэкономическим факторам. В качестве такого фактора роста экономики территории Г.В. Леонидова рассматривает трудоустройство не по специальности. На материалах регионального мониторинга автор проводит анализ причин, рисков и возможностей работы не по специальности занятого населения Вологодской области; убедительно доказывает, что значимыми преимуществами работы по специальности и по близкому к ней профессиональному направлению являются более высокий уровень заработной платы, эффективная реализация качества трудового потенциала, соответственно, большие выгоды для экономики. В то время как работа не по специальности имеет больше недостатков, чем возможностей.

Изучению удовлетворенности работой как еще одного аспекта трудового потенциала населения посвящена статья Г.В. Белеховой. На основе данных мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области проведена оценка изменений уровня удовлетворенности работой со стороны населения, проживающего в крупных городах и за их пределами, в условиях кризисных процессов. Выявлена тенденция к повышению удовлетворенности, а также различия в оценках, данных жителями крупных городов и районов области.

Кризисные явления в экономике, ставшие следствием влияния как внешних, так и внутренних факторов, оказывают негативное воздействие на демографические процессы в обществе. Во многих регионах отмечается существенное сокращение численности населения за счет естественной убыли, спровоцированной, в том числе, распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Анализ демографических процессов и формирующихся тенденций в одном из регионов Дальнего Востока – Амурской области – выполнен Е.В. Полянской. Внимание читателей акцентируется на демографических проблемах региона. Здесь зафиксированы крайне низкие значения ожидаемой продолжительности жизни, низкий уровень рождаемости при высоком уровне смертности. Ввиду приграничного расположения Амурской области эти демографические проблемы создают реальную угрозу национальной безопасности.

Вопросы развития научно-производственной кооперации в регионах, входящих в состав Северо-Западного федерального округа России, раскрывает М.А. Лебедева. Автор подчеркивает значимость кооперации науки и производства как одного из важнейших внутренних факторов экономического развития региона. Вместе с тем недостаточная развитость исследовательской инфраструктуры, низкий уровень финансирования научно-исследовательских работ, слабая диверсификация экономики большинства регионов округа являются главными препятствиями развития научно-производственной

кооперации. Рекомендации, предложенные автором, могут быть использованы федеральными и региональными органами государственной власти для корректировки реализуемой научно-технологической политики.

И, как обычно, в рубрике «Мониторинг перемен: основные тенденции» представлены «Мониторинг экономики», в котором М.А. Сидоров знакомит читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО по итогам марта

текущего года, и «Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области», подготовленный И.Н. Дементьевой и Е.Э. Леонидовой на основе очередного замера в апреле 2023 года динамики общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе.

Надеемся, представленные в журнале материалы будут востребованы региональными органами власти и станут хорошей основой для решения проблем развития территорий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.2

УДК 338.342.44 | ББК 65.01

© Попов Е.В., Скворцов М.М.

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЭКОСИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИИ

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

Уральский институт управления РАНХиГС

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: epopov@mail.ru

ORCID: [0000-0002-5513-5020](https://orcid.org/0000-0002-5513-5020); ResearcherID: [H-3358-2015](https://publons.com/urn:li:member:1183358)

МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ СКВОРЦОВ

Правительство Тюменской области

Тюмень, Российская Федерация

Уральский институт управления РАНХиГС

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: mmskvr@gmail.com

В мировой и отечественной научной литературе накоплен значительный арсенал результатов исследований по развитию территориальных экономических экосистем. Однако проблема публичного управления развитием экосистемы территории окончательно не решена. Актуальной представляется проблема унификации методов публичного управления подобной экосистемой. Целью исследования является систематизация методов публичного управления развитием экосистемы территории. Они сгруппированы по сферам управления: социальной, технологической, экономической и политической. Показано, что практическое применение методов публичного управления развитием экосистемы нашло отражение в самых разных регионах как развитых, так и развивающихся стран. Научная новизна полученных результатов состоит в систематизации методов публичного управления развитием экосистемы территории, дополняющей методологические основы регулирования жизнедеятельности населения регионов. Отражено практическое применение публичного управления развитием экосистемы Тюменской области на основе картографирования отраслей и сфер деятельности региона. Публичность управления в этом случае заключается в публичном обсуждении результатов прогнозирования развития сфер экосистемы до 2030 года. Публичное обсуждение содержит как экспертные оценки в виде фокус-групп и целевых опросов, так и вынесение прогнозных оценок для обсуждения в обществен-

Для цитирования: Попов Е.В., Скворцов М.М. (2023). Публичное управление развитием экосистемы территории // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 10–27. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.2

For citation: Popov E.V., Skvortsov M.M. (2023). Public governance of the development of territorial ecosystems. *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 10–27. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.2

ные палаты городов и региона. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в формировании системы методов публичного управления развитием экосистемы территории, дополняющей методологию регулирования жизнедеятельности населения регионов; практическая значимость состоит в разработке методической основы для стратегического планирования развития экосистем территорий.

Экосистема территории, публичность управления, развитие, социальная сфера, технологическая сфера, экономическая и политическая сферы, карта отрасли.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-20077.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий обусловило изменение ландшафта взаимодействий органов власти и жителей российских территорий. При формировании цифрового общества и значительном возрастании информационных обменов оценка хозяйственной деятельности требует учета всесторонних взаимодействий на уровне территории. Для подобной оценки целесообразно привлечение анализа экономической экосистемы территории.

Под экономической экосистемой территории (далее – экосистема территории) подразумевается система взаимодействий между всеми элементами хозяйственной деятельности, включающая территориальные органы власти, производственные предприятия, население, научные и образовательные учреждения, средства массовой информации, сферу услуг и сферу потребления.

В мировой и отечественной научной литературе накоплен значительный арсенал результатов исследований по развитию территориальных экономических экосистем. Однако проблема публичного управления развитием экосистемы территории решена недостаточным образом. Особенно актуальной представляется проблема унификации методов публичного управления подобной экосистемой.

В связи с этим целью настоящего исследования является систематизация методов публичного управления развитием экосистемы территории, реализуемая в виде последовательных шагов: критика предше-

ствующих исследований, формулирование исследовательской проблемы, унификация методов публичного управления экосистемой территории, иллюстрация практического применения данных методов.

Особенности развития экосистемы территории

Для рассмотрения особенностей развития экосистемы территории и формулирования проблемы исследования следует ответить на следующие вопросы. Какова сущность экосистемы территории? Как происходит развитие экосистем при цифровизации? В чем состоит необходимость управления развитием экосистемы территории? Какова сущность публичного управления развитием экосистемы территории? В чем заключается проблема исследования? Ответим на них на основе анализа предшествующих исследований.

Сущность экосистемы территории заключается во взаимосвязи всех элементов, влияющих на развитие данной территории. По аналогии с инновационной экосистемой все характеристики экосистемы могут быть объединены в три измерения: роль элементов (самоорганизация, нелинейность, общее видение развития), структура элементов (взаимодополняемость, модульность, сцепление) и процессы (возникновение, конкуренция, коэволюция). Эти измерения демонстрируют временные различия в процессах развития экосистемы (Han et al., 2022). К элементам экосистемы территории следует отнести органы власти, поставщиков и потребителей продукции и услуг, жи-

телей и общественные организации, образовательные и научные учреждения, средства массовой информации и пр.

Несмотря на отношения сотрудничества между предпринимателями, фирмами, государственными учреждениями, исследовательскими институтами, роль органов власти в экосистеме территории более значительная и состоит в функциях координаторов, катализаторов процессов, сертифицирующих органов и заказчиков в формировании стабильных отношений со всеми элементами экосистемы (Johnson et al., 2022). В целом следует отметить важность органов власти как ядра территориальной экосистемы для распределения функций между различными элементами системы. Территориальный орган власти «орkestрирует» деятельность экосистемы территории (Lingens et al., 2022).

При этом очень важное значение имеет взаимосвязь всех элементов экосистемы. Например, в Италии местная доступность университетских знаний взаимодействует с относительным присутствием кооперативных банков в местной банковской отрасли и со склонностью жителей вести себя оппортунистически при создании высокотехнологичных предприятий на территории. В этом случае высокая информационная асимметрия препятствует высокотехнологичным предпринимательским идеям, основанным на университетских знаниях, для привлечения внешнего финансирования. Кооперативные банки, которые имеют доверительные отношения с местным сообществом, потенциально являются ценным источником финансирования для этих инновационных идей, но их сдерживает присутствие им неприятие риска. Следовательно, университетские знания и местное присутствие банков могут взаимодействовать как положительно, так и отрицательно при определении создания высокотехнологичных предприятий на местном уровне. Индивидуальное отношение жителей формирует это взаимодействие, поскольку доверительные отношения более ценны в районах с оппортунистическим поведением (Ghio et al., 2019).

Внедрение цифровых технологий во взаимодействия между элементами экосистемы обеспечивает ее ускоренное развитие. Так, социальные сети постепенно трансформируют разнообразные экосистемы благодаря безграничным возможностям, которые они предлагают. Проведенное на территории Ганы исследование подтвердило, что использование социальных сетей не только оказывает положительное влияние на развитие элементов экосистемы, но и повышает их мотивацию к устойчивости. Результаты также выявили положительное и значительное влияние социальных сетей на создание ценностей, деловых связей и возможностей для устойчивого развития элементов экосистем (Bruce et al., 2022). При этом цифровизация не делает физические взаимодействия и тесные личные связи между людьми устаревшими. В любой экосистеме цифровое и физическое взаимодействие между элементами сосуществуют одновременно (Palmie et al., 2022).

В российских регионах цифровая трансформация приводит к изменениям промышленного комплекса, которые могут быть реализованы на основе формирования инновационной экосистемы территории (Плахин и др., 2020). В свою очередь формирование инновационной экосистемы территории стимулирует диверсификацию экономики региона (Корчагина, Корчагин, 2020).

Таким образом, цифровизация стимулирует развитие экосистемы территории. Цифровые технологии все больше внедряются во все сферы жизнедеятельности, меняя ее качественные характеристики. Цифровые технологии интегрируют хозяйственные, социальные и технологические процессы в рамках одной экосистемы, что трансформирует публичное управление территорией (Ватлина, 2020).

Необходимость управления развитием экосистемы предопределена эффективным использованием ресурсов и процессов и повышением доверия к управлению экосистемой, что важно с точки зрения инвесторов (Dobrowolski et al., 2022). Управление развитием экосистемы также обусловлено про-

странственной взаимозависимостью между экологическими и социально-экономическими процессами на территории. Это создает уникальную основу для разработки стратегий планирования и политического вмешательства (Hazell, 2020). В целях управления экосистемой территории, по аналогии с экосистемой фирмы, могут быть выделены пять основных возможностей для органов власти: сотрудничество и создание сетей, определение возможностей развития, предпринимательская ориентация, управление знаниями и стратегическая гибкость (Kim et al., 2022).

Эффективность управления развитием экосистемы территории может оцениваться по следующим параметрам: безопасность, способность органов управления обеспечивать доступ к качественному образованию и здравоохранению, способность обеспечивать базовую инфраструктуру (транспортные возможности, регистрацию, статистику), способность пополнять финансирование территории и умение организовать сам процесс управления (Pilgun, Leshenyuk, 2021). Эффективное управление территорией может приводить к репозиционированию экономики региона в цепочках создания стоимости на основе поиска перспективных специализаций (Румянцев, 2023).

Планирование пространственного развития территории при переходе региональной экономики в экосистемное представление заключается «в инверсии управления посредством моделирования (производственных процессов, ресурсного потенциала), формируя принципы экосистемы как высшей формы социально-экономической среды для развития новых производственных процессов на фоне развития человеческого разума. Формируются новые подходы перехода производственных процессов от конкуренции к кооперации, преобразовывая систему управления из субъективной в объективную деятельность» (Герасимова, Панаедова, 2021, с. 70). «В рамках экосистемы инновационная деятельность осуществляется на интеграционной основе, аккумулируя человеческие, финансовые, интеллектуальные и другие ресурсы для обе-

спечения эффективной коммерциализации инновационных разработок. Таким образом, инновационная экосистема является одним из ключевых инструментов повышения конкурентоспособности организаций в национальных и региональных экономиках» (Селиверстов, Люлюченко, 2019, с. 101).

Внедрение цифровых технологий приводит к значительному развитию экосистем территорий. «Цифровизация ресурсов, старопромышленных, аграрных и депрессивных регионов будет способствовать развитию высокотехнологичных кластеров в обрабатывающих отраслях и сфере услуг, способных стать драйверами роста этих территорий» (Самусенко, 2021). Эффективность формирования инновационной экосистемы как основы стратегического развития территории определяется целесообразным и публичным управлением ее развитием (Корчагина, Сычева-Передеро, 2019).

Сущность публичного управления развитием экосистемы территории заключается в прозрачном для населения принятии управленческих решений на основе их широкого предварительного обсуждения. Развитие цифровых технологий стимулирует формирование процессов сотрудничества в области управления территорией (Clarke, 2020).

Возможная теория публичного управления включает в себя политический контекст (унитарный или разделяемый, одноуровневый или многоуровневый, корпоративный или состязательный, с формальной оценкой эффективности или без нее), экосистемный контекст (степень сложности, турбулентности, а также щедрости; наличие или отсутствие социального капитала) и внутренний контекст (степень ясности и последовательности целей, организационная централизация в сравнении с децентрализацией и степень профессионализма) (O'Toole, Meier, 2014). В современных исследованиях инноваций в сфере государственной службы для типологии инноваций публичного управления рекомендуется применять два измерения: инновационный фокус (три процесса создания общественной ценности – стратегия, потенциал и операции) и инновацион-

ную локализацию (внутреннюю и внешнюю). В совокупности это приводит к шести типам направленности управленческих инноваций: миссия, политика, управление, партнеры, сервисы и граждане (Chen et al., 2020).

Отметим, что преимущества публичного управления развитием экосистемы территории заключаются в прозрачности принимаемых управленческих решений на основе наличия обратной связи от элементов экосистемы, а также в наиболее полном учете различных сторон хозяйственной деятельности. Развитие публичности такого управления обеспечивает общественную легитимность принимаемых решений.

Анализ предшествующих исследований показывает «неразработанность сервисов участия общественности в процессах принятия управленческих решений, а результаты цифровизации оцениваются как дискуссионные и противоречивые на теоретическом и на практическом уровне» (Василенко, 2021, с. 6). Таким образом, научный пробел заключается в отсутствии систематизации методов публичного управления развитием экосистемы территории. Подобная систематизация необходима для формирования прикладного аппарата управленческой деятельности по развитию экосистемы территории.

Следовательно, проблема настоящего исследования заключается в необходимости разработки системы методов публичного управления развитием экосистемы территории.

Методология исследования

В качестве объекта исследования проанализированы экосистемы территорий. Предмет исследования – экономические отношения по публичному управлению развитием экосистемы территории. Метод исследования – логический системный анализ.

Информационной базой послужили научные статьи в открытом доступе, проиндексированные в мировой базе данных Web of Science Core Collection и российской базе данных E-Library, за 2015–2023 гг. В качестве

ключевых слов для поиска было применено словосочетание «экосистемы территории».

После анализа и критики результатов опубликованных статей были выделены методы публичного управления развитием экосистемы территории. По аналогии со STEP-анализом внешней среды фирмы все выделенные методы публичного управления развитием экосистемы сгруппированы на социальные, технологические, экономические и политические. Затем в рамках обсуждения полученных результатов оценено практическое применение приведенных методов управления развитием экосистемы территории.

Методы публичного управления развитием экосистемы территории

Методы публичного управления развитием экосистемы территории исходя из широко известного метода PEST-анализа внешней среды объекта исследования могут быть дифференцированы на методы управления в различных сферах деятельности: социальной, технологической, экономической и политической.

В социальной сфере управления получили широкое развитие т. н. «живые» лаборатории – локально выделенные территории, на которых с помощью волонтеров или исследовательских групп происходит ознакомление населения с возможностями передовых цифровых технологий (Criado et al., 2021). В результате подобного ознакомления жители более активно применяют необходимые цифровые приложения в своей повседневной практике. В дальнейшем «живые» лаборатории могут выступать в качестве основы территориальной экспериментальной платформы, которая фокусируется на развитии инновационных экосистем для обеспечения устойчивости территорий (Rehm et al., 2021).

К социальной сфере управления следует отнести и цифровые социальные инновации, которые используют потенциал цифровых технологий для совместного решения широкого спектра социальных потребностей. Практики цифровых социальных инноваций мобилизуют властные ре-

шения для жителей различных территорий. Наибольшее распространение подобные инновации получили в Италии и Бельгии (Certoma, 2020).

Цифровые технологии также облегчают косвенные социальные обмены, когда граждане, проживающие на территории, выполняют иные роли, а не те, которые предусмотрены профессиональной принадлежностью. В этом случае жители территории образуют группу взаимозависимых индивидов, а не являются просто отдельными личностями. Применительно к фирмам такие социальные обмены являются полезными для совместных инициатив по брендированию работодателей участвующих в обменах фирм (Eriksson et al., 2022).

В условиях формирования цифрового общества для решения социальных проблем может быть применена соответствующая государственная цифровая платформа. В этом случае правительственная организация организует решение социальных проблем на основе запросов граждан (Addo, 2022).

Технологическая сфера деятельности подразумевает управление технологическими задачами. Прежде всего к таковым следует отнести удовлетворение потребностей населения как «клиентов нового цифрового поколения» в доставке услуг по требованию, качеству и персонализации. Наиболее инновационно активными секторами, развивающими цифровые услуги, выступают банковское дело и здравоохранение. Технологическая сфера определяет необходимость государственной поддержки инноваций и обеспечения условий для выхода новых цифровых продуктов на основе принципов доступности, своевременности, персонализации, адаптивности и безопасности (Akarkin et al., 2017). Для регистрации и популяризации успешных инновационных проектов целесообразно создание и применение соответствующей цифровой платформы (Леденева, Плаксунова, 2018).

Появление цифровых двойников также ставит вопрос о необходимости разработки виртуальных моделей управления разви-

ем территорий. «Цифровая экосистема, консолидирующая усилия органов публичной власти, хозяйствующих субъектов и потребителей, будет выступать более аутентичной средой, формирующей дизайн нового рынка соответствия за счет вовлечения в процесс большего количества фактических или потенциальных участников и обеспечения им равных прав в конкурсе на реализацию инвестиционных проектов, нацеленных на развитие территории и повышение качества жизни населения» (Морозова, Калашников, 2022, с. 425).

Технологическая сфера деятельности обуславливает разделение исследовательского и эксплуатационного уровней управления экосистемой территории. Исследовательский уровень открыт для нововведений и направлен на выявление возможностей для инноваций, а эксплуатационный уровень является закрытым для значительных изменений и направлен на использование устоявшихся возможностей для создания новых ценностей для жителей территории (Visscher et al., 2021).

Экономическая сфера управления определяется прежде всего подготовкой предпринимательских кадров. В этом случае публичное управление развитием экосистемы территории заключается в интегрированности предпринимательства со сферой высшего образования (Веселов и др., 2016). Процветающая предпринимательская экосистема направлена на создание процветания за счет генерации и преобразования экосистемных ресурсов (в т. ч. повторного использования) для определения долгосрочных экономических целей, что способствует устойчивому развитию предприятий экосистемы. Для этого необходим углубленный сбор данных на основе смешанного метода – регулярных опросов и интервью предпринимателей с помощью цифровых технологий (Moggi et al., 2021).

Важным направлением публичного управления экономической сферой выступает инициативное бюджетирование в формировании гражданского участия в государственном и муниципальном управлении.

Формирование экосистемы участия граждан в управлении территорией является настоящей необходимостью развития гражданского общества в условиях внедрения передовых цифровых технологий. Партиципаторное бюджетирование представляет собой комплексный инструмент участия граждан в государственном и муниципальном управлении (Вагин, Шугрина, 2021).

К методам публичного управления экономической сферой следует отнести формирование и поддержку бизнес-сообществ. Роль ассоциаций малого бизнеса и сетей сотрудничества между различными заинтересованными сторонами значительна для развития экосистемы территории. Необходима поддержка сосуществования частного и государственного секторов и модели устойчивого управления, которые интегрируют жителей территории с экономической деятельностью (Henche et al., 2020).

Отметим, что для экономической сферы управление экосистемой территории связано не только с автоматизацией дорожного движения, логистики и технических процессов, но и с технологическими решениями, ориентированными на человека. Таким образом, прослеживается современная тенденция к «дизайну с учетом ценностей». Подход к проектированию, учитывающий ценности общества, может способствовать более устойчивому развитию территорий (Helbing et al., 2021).

Публичное управление политической сферой экосистемы территории подразумевает прежде всего интерактивные механизмы применения социальных сетей. Информационно-коммуникативная система вовлечения граждан в политические процессы в рамках открытого обмена информацией может осуществляться на базе «электронного правительства» (Мирошниченко, 2014). В этом случае целесообразно дифференцировать различные сегменты общества на основе ролевой принадлежности. Важность признания ролей различных компаний и групп общества помогает в принятии стратегических решений и планировании будущего (Tabas et al., 2023). Удобным

инструментом стратегического планирования выступает картографирование стейкхолдеров экосистемы в ее круговой модели с размещением отдельных элементов экосистемы на разном расстоянии от ядра (органа власти территории) (Talmar et al., 2020).

Именно синтез политики и бизнеса обеспечивает успешность публичного управления политической сферой развития экосистемы территории. Нисходящее изучение политиками различных альтернатив с восходящей наукоёмкой предпринимательской деятельностью является основой продвижения к устойчивому развитию экосистемы. Иными словами, необходимы устойчивые стимулы для наукоёмкого инновационного предпринимательства, а также более активное экспериментирование и новые формы сотрудничества со стороны директивных органов управления территорией (Gifford et al., 2021).

Наконец, разработка планов действий по повышению устойчивости территории на базе адресных услуг населению выступает основой публичного управления развитием политической сферы экосистемы территории в условиях формирования цифрового общества. Это ключевой инструмент, учитывая связанную с ним сложность, неопределенность, дефицит данных, взаимосвязь между предоставляемыми услугами, а также вовлеченными заинтересованными сторонами (Cardoso et al., 2020).

Выделенные в ходе анализа предшествующих исследований методы публичного управления представлены в *табл. 1*.

Эти методы публичного управления не учитывают всего многообразия регулирующих воздействий на население территории, но являются представительными с точки зрения разумного хозяйствования и отражают современные тенденции цифрового управления.

Научная новизна полученных результатов заключается в систематизации методов публичного управления развитием экосистемы территории, дополняющей методологические основы регулирования жизнедеятельности населения регионов.

Таблица 1. Методы публичного управления развитием экосистемы территории

Сфера управления	Метод управления	Примеры
Социальная	«Живые» лаборатории	Организация творчества и сотрудничества с гражданами в решении социальных проблем локальной территории в Испании и Бразилии (Criado et al., 2021), Франции и Нидерландах (Rehm et al., 2021)
	Цифровые социальные инновации	Использование цифровых технологий для создания решений по проблемам социальных потребностей в Италии и Бельгии (Certoma, 2020)
	Косвенные социальные обмены	Обмен нефинансовыми ресурсами для более быстрого решения социальных проблем (идеями, знаниями, навыками и др.) в Швеции и Южной Африке (Eriksson et al., 2022)
	Платформа для решения социальных проблем	Государственная цифровая платформа Aadhaar для решения социальных проблем Великобритании (Addo, 2022)
Технологическая	Цифровые услуги в реальном времени	Предоставление населению цифровых услуг, формируемых по требованию, в режиме реального времени в контексте максимального доверия в Москве (Akatkin et al., 2017)
	Интегратор инноваций	Цифровая платформа для регистрации и популяризации успешных инновационных проектов в Волгоградской области России (Леденева, Плаксунова, 2018)
	Виртуальная модель управления	Модель управления социально-экономическим развитием территории, консолидирующая усилия органов власти, хозяйствующих субъектов и потребителей (Морозова, Калашников, 2022)
	Выделение исследовательского и эксплуатационного уровней управления	Исследовательский уровень применения цифровых технологий открыт для инноваций, а эксплуатационный уровень является закрытым и направлен на создание ценностных предложений для граждан Нидерландов и Германии (Visscher et al., 2021)
Экономическая	Интеграция бизнеса и образования	Подготовка предпринимательских кадров по реальным заказам бизнес-сообщества в Нижнем Новгороде (Веселов и др., 2016)
	Опрос предпринимателей	Регулярные опрос и интервью предпринимателей с помощью цифровых технологий для процветания бизнеса в Италии (Moggi et al., 2021)
	Партисипаторное бюджетирование	Инициативное бюджетирование в субъектах и муниципальных образованиях России на основе институциональной инфраструктуры сопровождения участия граждан в бюджетных решениях (Вагин, Шугрина, 2021)
	Влияние бизнес-ассоциаций	Создание сетей сотрудничества между различными сторонами на основе ассоциаций бизнеса в Испании и Аргентине (Henche et al., 2020)
	Ценностный дизайн	Проектирование объектов на основе ценностно-ориентированного дизайна с учетом культуры и этики населения в Швейцарии (Helbing et al., 2021)
Политическая	Интерактивные механизмы применения социальных сетей	Информационно-коммуникативная система вовлечения граждан в политические процессы в рамках открытого обмена информацией («электронное правительство» в регионах России) (Мирошниченко, 2014)
	Сегментация экосистемы	Управление различными сегментами экосистемы территории на основе ролевой принадлежности в Финляндии (Tabas et al., 2023), картографирование стейкхолдеров экосистемы в Нидерландах (Talmag et al., 2020)
	Синтез политики и бизнеса	Сочетание нисходящего изучения политических альтернатив политиками вместе с восходящей наукоёмкой предпринимательской деятельностью в Швеции (Gifford et al., 2021)
	Планирование устойчивости территории	Разработка планов действий по повышению устойчивости территории на основе адресных услуг населению в Испании (Cardoso et al., 2020)

Источник: составлено авторами.

Практическое применение методов публичного управления

Практическое применение методов публичного управления развитием экосистемы нашло отражение на самых разных территориях. «Живые лаборатории» активно применяются в Испании, Бразилии,

Франции и Нидерландах, цифровые социальные инновации развиваются в Италии и Бельгии, косвенные социальные обмены нашли применение в Швеции и Южной Африке, государственная цифровая платформа для решения социальных проблем создана в Великобритании.

Для успешного управления развитием территорий в Швейцарии используется проектирование объектов на основе ценностно-ориентированного дизайна, в Финляндии управление различными сегментами экосистемы территории осуществляется на основе ролевой принадлежности данных сегментов, в Швеции синтез политики и бизнеса основан на сочетании нисходящего изучения политических альтернатив и восходящей предпринимательской деятельности, в Испании разработка планов действий по повышению устойчивости территорий осуществляется на основе адресных услуг населению.

В России в сфере публичного управления развитием экосистем территорий также накоплен определенный практический опыт. Достаточно широко развито предоставление населению цифровых услуг, формируемых по требованию и в режиме реального времени; сформированы цифровые платформы для регистрации и популяризации инновационных проектов, существуют виртуальные модели управления социально-экономическим развитием территорий; ведется подготовка предпринимательских кадров по заказам бизнес-сообщества; проводятся регулярные опросы предпринимателей с помощью цифровых технологий; развито партисипаторное бюджетирование муниципалитетов. Следует отметить вовлечение граждан России в политические процессы на основе концепции «электронного правительства». Внимание российской научной общественности к проблеме публичного управления развитием экосистем территорий обуславливает значительное количество статей, опубликованных по этой теме в последние годы. В рамках настоящего исследования представлены результаты 14 исследований из совокупного библиографического списка, содержащего 41 статью.

Наглядный практический пример управления развитием экосистемы территории может быть проиллюстрирован развитием хозяйственного комплекса Тюменской области, где успешно используются различные методы публичного управления, отмеченные в табл. 1: платформы для решения соци-

альных проблем, цифровые услуги в реальном времени, интегратор инноваций, опрос предпринимателей, интерактивные механизмы применения социальных сетей и др. Наиболее активно применяется метод сегментации экосистемы, включающий управление различными сегментами на основе ролевой принадлежности и картографирование элементов экосистемы территории.

В Тюменской области на базе статистических данных и экспертных оценок разработаны карты различных отраслей и сфер деятельности региона. Типовая схема карты отрасли приведена в табл. 2. Публичность управления в этом случае заключается в публичном обсуждении результатов прогнозирования развития сфер экосистемы до 2030 года. Публичное обсуждение включает как экспертные оценки в виде фокус-групп и целевых опросов, так и вынесение прогнозных оценок для обсуждения в экспертные сообщества региона. Основной формат публичного обсуждения – стратегические диалоги, способ формирования целостного и общего понимания карты отрасли для бизнеса, науки, общественных организаций и власти в целях нахождения проблем и перспективных направлений развития. Этапы формирования карт отраслей и экосистемы территории отражены в табл. 3. Вся обработка данных производится на основе современных цифровых технологий.

К настоящему времени разработаны прогнозные карты развития следующих сфер и отраслей хозяйствования Тюменской области: транспорт, образование, строительство, наука и инновации, добыча полезных ископаемых, здравоохранение и фармацевтика, сельское хозяйство, спорт, потребительский рынок, культура, энергетика, социальное обеспечение, производство пищевых продуктов, водоснабжение и водоотведение, туризм, нефтепереработка и нефтехимия, связь, машиностроение, деревообработка, производство строительных материалов, металлургия и металлообработка.

Прогнозные карты развития отраслей и сфер хозяйствования Тюменской области выступают научно обоснованным базисом

Таблица 2. Типовая схема карты отрасли и сферы экосистемы

№ раздела п/п	Наименование раздела	Содержание
1	Показатели	Ключевые показатели отрасли по данным органов государственной статистики, федеральных и региональных органов государственной власти, ведомственные данные
2	Участники	Наиболее значимые хозяйствующие субъекты (организации, учреждения) регионального, федерального и мирового уровня, осуществляющие деятельность в отрасли
3	Продукт	Потребители и потребность, удовлетворяемая продуктом отрасли (результатом деятельности субъектов отрасли); сырье и ресурсы, необходимые для создания продукта; производительные силы, оценка их мощности и состояния
4	Тенденции	Наблюдаемые изменения отраслевых и межотраслевых процессов, влияние смены технологического уклада, конкуренции, политических и экономических факторов на перспективы развития отрасли
5	Эксперты	Компетентные представители бизнеса, науки и власти регионального, федерального и мирового уровня, вовлекаемые в Стратегический диалог
6	Выводы	Результаты Стратегических диалогов с экспертами, SWOT и PEST анализа: выявленные проблемы и способы их решения, перспективные направления развития, связи с картами других отраслей
Источник: составлено авторами.		

Таблица 3. Этапы формирования карт отраслей и сфер экосистемы территории

№ п/п	Этап	Описание	Результат
1	Подготовка проекта карты отрасли	Формирование материалов о состоянии отрасли, участниках, экспертах, продукте, тенденциях	Подготовлен пакет материалов, включая описание текущего состояния отрасли, информацию об участниках и экспертах, продукте отрасли, тенденциях и выводы
2	Обсуждение проекта карты отрасли с экспертами	Рабочие встречи по обсуждению проекта карты отрасли для получения экспертизы и обратной связи	Доработанная карта отрасли; «договор» о вовлеченности в процесс формирования карты и Стратегический диалог
3	Обсуждение проекта карты отрасли с заместителями губернатора и руководителями отраслевых органов власти	Рабочие встречи по обсуждению проекта карты отрасли для получения экспертизы и обратной связи	Доработанная карта отрасли; «договор» о вовлеченности в процесс формирования карты и Стратегический диалог
4	Проведение стратегических диалогов	Формирование целостной картины отрасли для бизнеса, науки и власти в целях нахождения проблемных и перспективных зон	Общая целостная картина отрасли; вовлеченность представителей науки, бизнеса и общественных организаций в процесс публичного государственного управления
5	Проведение форсайт-сессии	Формирование образа будущего отрасли, оценки тенденций и перспектив	Дорожная карта по достижению целевого состояния отрасли
6	Заседание Совета по стратегическому развитию / межотраслевой стратегический диалог	Организация заседания созданного Совета по стратегическому развитию для рассмотрения отраслевых материалов с целью «сшивки» карт отраслей	Единая (целостная) карта экосистемы региона
7	Разработка отраслевым органом совместно с Департаментом экономики стратегии развития курируемой отрасли	Формирование стратегии развития отрасли, в т. ч. целей, задач, мероприятий, целевых показателей	Стратегия развития отрасли / Раздел Стратегии СЭР
8	Формирование проекта корректировки / формирование новой Стратегии СЭР («Стратегия взлета»)	Внесение изменений в текущую Стратегию СЭР / формирование новой Стратегии СЭР в результате свода и объединения стратегий развития отраслей	Проект корректировки Стратегии СЭР / «Стратегия взлета»
Источник: составлено авторами.			

для стратегического планирования публичного управления развитием территории.

Основные показатели социально-экономического развития Тюменской области демонстрируют следующую картину. За период с 2018 по 2022 год объем инвестиций в основной капитал составил более 1,5 трлн руб., значительная доля которых была направлена в промышленность. За последние 5 лет индекс промышленного производства в области вырос в 1,3 раза. Индекс обрабатывающих производств увеличился в 1,7 раза. По росту обрабатывающих производств Тюменская область находится на 5 месте среди субъектов Российской Федерации. Драйвером промышленного производства в ней является крупнейший в стране и один из крупнейших в мире нефтехимический комплекс «ЗапСибНефтехим», запущенный на Тобольской промышленной площадке в 2019 году. Его мощность превышает 2 млн т полимеров в год.

По итогам 2022 года отмечен рекордный за последние годы рост производства продукции сельского хозяйства – почти 115%. Главным образом он обеспечен увеличением производства продукции растениеводства. В 2022 году урожай зерновых и зернобобовых культур в 1,7 раза выше показателя 2021 года, овощей – на 19,4%, мяса – на 8%. На протяжении последних лет по производству продукции сельского хозяйства на душу населения регион устойчиво превышает среднероссийский уровень. Среди субъектов Российской Федерации область по итогам 2022 года занимает второе место по урожайности овощей открытого грунта и шестое место – по картофелю.

В Тюменской области сформирована комфортная потребительская среда, функционирует более 21 тысячи объектов потребительского рынка. Туристический поток увеличился в 1,7 раза и составил 16 млн чел., в том числе за 2022 год – 3,3 млн чел.

Заработная плата за 5 лет выросла на 36,5% (или на 16,4 тыс. руб.) и в 2022 году составила 61,3 тыс. руб. Среднедушевые денежные доходы населения за 5 лет увеличились на 20% (или на 6,1 тыс. руб.) и в 2022

году достигли 36,2 тыс. руб. Устойчиво снижается уровень безработицы. Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (включая самозанятых) по итогам 2022 года возросла на 22,8% к уровню 2020 года, составив 322,2 тыс. чел.

Численность населения области увеличилась на 90,3 тыс. чел (+6%), объем ВРП на душу населения в 2021 году вырос относительно 2018 года на 13,7%.

Все мероприятия, реализуемые на региональном уровне, направлены на создание комфортных условий для жизни и достижение социально-экономической стабильности. В подтверждение этого по итогам 2022 года область вошла в тройку лучших регионов в Рейтинге качества жизни, формируемом Агентством стратегических инициатив. Нужно отметить, что внедряемые подходы публичного управления призваны улучшить позитивную динамику развития региона.

Заключение

В ходе исследования, проведенного с целью систематизации методов публичного управления развитием экосистемы территории, получены следующие теоретические и практические результаты.

Во-первых, на основе критики предшествующих исследований сформулирована проблема систематизации методов публичного воздействия по регулированию развития экосистем территорий.

Во-вторых, методы публичного управления развитием экосистемы территории сгруппированы по сферам управления: социальной, технологической, экономической и политической.

В-третьих, показано, что практическое применение методов публичного управления развитием экосистемы нашло отражение в самых разных регионах как развитых, так и развивающихся стран.

В-четвертых, отмечено, что по публичному управлению развитием экосистем территорий Россия занимает одно из передовых мест в мире.

В-пятых, отражено практическое применение публичного управления развитием

экосистемы Тюменской области на основе картографирования отраслей и сфер деятельности региона. Публичность управления в этом случае заключается в публичном обсуждении результатов прогнозирования развития сфер экосистемы до 2030 года. Публичное обсуждение включает как экспертные оценки в виде фокус-групп и целевых опросов, так и вынесение прогнозных оценок для обсуждения в экспертные сообщества региона.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в формировании системы методов публичного управления развитием экосистемы территории, дополняющей методологию регулирования жизнедеятельности населения регионов; практическая значимость – в разработке методической основы для стратегического планирования развития экосистем территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Вагин В.В., Шугрина Е.С. (2021). Роль инициативного бюджетирования в формировании экосистемы гражданского участия в государственном и муниципальном управлении // Финансовый журнал. Т. 13. № 2. С. 9–24. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-9-24>
- Василенко Л.А. (2021). Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане // Цифровая социология. Т. 4. № 3. С. 6–15. URL: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15>
- Ватлина Л.В. (2020). Формирование цифровой экономики и направления ее влияния на социально-экономическое развитие и трансформацию публичного управления // Вопросы инновационной экономики. Т. 10. № 4. С. 1993–2004. URL: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.4.111177>
- Веселов К.С., Назаров М.Г., Широкова Д.В. (2016). Исследование факторов развития предпринимательской экосистемы региона (на примере Нижегородского региона) // Региональная экономика: теория и практика. № 7. С. 76–88.
- Герасимова С.В., Панаедова Г.И. (2021). Планирование пространственного развития регионов по принципу экосистемы // Региональная экономика. Юг России. Т. 9. № 1. С. 69–79. URL: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.1.6>
- Корчагина И.В., Корчагин Р.Л. (2020). Влияние инновационной экосистемы на диверсификацию экономики региона // Журнал экономической теории. Т. 17. № 1. С. 79–90. URL: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.6>
- Корчагина И.В., Сычева-Передеро О.В. (2019). Эффективность формирования инновационной экосистемы как элемента стратегического развития территории // Управление. № 4. С. 44–53. URL: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-4-44-53>
- Леденева М.В., Плаксунова Т.А. (2018). Формирование инновационной экосистемы в регионах РФ (на примере Волгоградской области) // Вестник ВГУИТ. Т. 80. № 4. С. 484–492. URL: <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2018-4-484-492>
- Мирошниченко И.В. (2014). Экосистема интерактивных механизмов сетевого публичного управления в контексте развития публичной политики в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 1 (38). С. 56–72.
- Морозова Н.И., Калашников Д.В. (2022). Виртуальная модель управления социально-экономическим развитием территории как ответ органов публичной власти на вызовы цифровой экономики // Управленческий учет. № 1. С. 425–432.
- Плахин А.Е., Ткаченко И.Н., Евсеева М.В. (2020). Архитектура инновационной экосистемы промышленности региона // Вестник НГИЭИ. № 8 (111). С. 51–59. URL: <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10073>
- Румянцев Н.М. (2023). Репозиционирование экономики региона в цепочках создания стоимости на основе поиска перспективных специализаций: кейс лесопромышленного комплекса Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 10–22. URL: <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.2>

- Самусенко С.А. (2021). Влияние качества предпринимательских экосистем регионов России на развитие сектора цифровой экономики // Вопросы управления. № 2. С. 32–46. URL: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-32-46>
- Селиверстов Ю.И., Люлюченко М.В. (2019). Модель формирования инновационной экосистемы региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 10. С. 101–106.
- Addo A. (2022). Orchestrating a digital platform ecosystem to address societal challenges: A robust action perspective. *Journal of Information Technology*, 37 (4), 359–386. Available at: <https://doi.org/10.1177/02683962221088333>
- Akatkin Y.M., Karpov O.E., Konyavskiy V.A., Yasinovskaya E.D. (2017). Digital economy: Conceptual architecture of a digital economic sector ecosystem. *Business Informatics*, 4 (42), 17–35.
- Bruce E., Shurong Z., Egala S.B. [et al.] (2022). Social media usage and SME firms' sustainability: An introspective analysis from Chana. *Sustainability*, 14 (9433), 1–17. Available at: <https://doi.org/10.3390/su14159433>
- Cardoso M.A., Telhado M.J., Almeida M.C. [et al.] (2020). Following a step-by-step development of a resilience action plan. *Sustainability*, 12 (9017), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12219017>
- Certoma C. (2020). Digital social innovation and urban space: A critical geography agenda. *Urban Planning*, 5 (4), 8–19. Available at: <https://doi.org/10.17645/up.v5i4.3278>
- Chen J., Walker R.M., Sawhnew M. (2020). Public service innovation: A typology. *Public Management Review*, 22 (11), 1674–1695. Available at: <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1645874>
- Clarke A. (2020). Digital government units: what are they, and what do they mean for digital era public management renewal? *International Public Management Journal*, 23 (3), 358–379. Available at: <https://doi.org/10.1080/10967494.2019.1686447>
- Criado J.I., Dias T.F., Sano H. [et al.] (2021). Public innovation and living labs in action: A comparative analysis in post-new public management contexts. *International Journal of Public Administration*, 44 (6), 451–464. Available at: <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1729181>
- Dobrowolski Z., Sulkowski L., Adamisin P. (2022). Innovative ecosystem: the role of lean management auditing. *Marketing and Management of Innovations*, 3, 9–10. Available at: <https://doi.org/10.21272/mmi.2022.3-01>
- Eriksson T., Nappa A., Robertson J. (2022). All of one and all for one: Encouraging ecosystem citizenship behaviour to strengthen employer branding. *Scandinavian Journal of Management*, 38 (101211), 1–11. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2022.101211>
- Ghio N., Guerini M., Rossi-Lamastra C. (2019). The creation of high-tech ventures in entrepreneurial ecosystems: exploring the interactions among university knowledge, cooperative banks, and individual attitudes. *Small Business Economics*, 52, 523–543. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9958-3>
- Gifford E., McKelvey M., Saemundsson R. (2021). The evolution of knowledge-intensive innovation ecosystems: Co-evolving entrepreneurial activity and innovation policy in the West Swedish maritime system. *Industry and Innovation*, 28 (5), 651–676. Available at: <https://doi.org/10.1080/13662716.2020.1856047>
- Han J., Zhou H., Lowik S., Weerd-Nederhof P. (2022). Enhancing the understanding of ecosystems under innovation management context: Aggregating conceptual boundaries of ecosystems. *Industrial Marketing Management*, 106, 112–138. Available at: <https://doi.org/10.106/j.indmarman.2022.08.008>
- Hazell E.C. (2020). Disaggregating ecosystem benefits: An integrated environmental-deprivation index. *Sustainability*, 12 (7589), 1–20. Available at: <https://doi.org/10.3390/su121287589>
- Helbing D., Fanitabasi F., Giannotti F. [et al.] (2021). Ethics of Smart Cities: Towards Value-Sensitive Design and Co-Evolving City Life. *Sustainability*, 13 (11162), 1–25. Available at: <https://doi.org/10.3390/su132011162>
- Henche B.G., Salvaj E., Cuesta-Valino P. (2020). A sustainable management model for cultural creative tourism ecosystems. *Sustainability*, 12 (9554), 1–15. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12229554>

- Johnson E., Hemmatian I., Lanahan L., Joshi A.M. (2020). A framework and databases for measuring entrepreneurial ecosystems. *Research Policy*, 51 (194398), 1–15. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104398>
- Kim J., Paek B., Lee H. (2022). Exploring innovation ecosystem of incumbents in the face of technological discontinuities: Automobile firms. *Sustainability*, 14 (1606), 1–15. Available at: <https://doi.org/10.3390/su14031606>
- Lingens B., Huber F., Gassmann O. (2020). Loner or team player: How firms allocate orchestrator tasks amongst ecosystem actors. *European Management Journal*, 40, 559–571. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.emj.2021.09.001>
- Moggi S., Pierce P., Bernardi N. (2021). From sustainability to thriving: A novel framework for entrepreneurial ecosystems. *International Entrepreneurship and management Journal*, 18, 829–853. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11365-021-00787-x>
- O'Toole Jr.L.J., Meier K.J. (2014). Public management, context, and performance: in quest of a more general theory. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 25, 237–256. Available at: <https://doi.org/10.1093/jopart/muu011>
- Palmie M., Mieke L., Oghazi P., Parida V., Wincent J. (2022). The evolution of the digital service ecosystem and digital business model innovation in retail: The emergence of meta-ecosystems and the value of physical interactions. *Technological Forecasting & Social Change*, 177 (121496), 1–21. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121496>
- Pilgun E.V., Leshenyuk O.N. (2021). Public administration in the Republic of Belarus: principals for sustainable development // Право и управление. XXI век. № 3 (60). С. 27–40. URL: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2021-3-60-27-40>
- Rehm S.-V., McLoughlin S., Maccani G. (2021). Experimental Platforms as bridges to urban sustainability. *Smart Cities*, 4, 569–587. Available at: <https://doi.org/10.3390/smartcities4020030>
- Tabas A.M., Komulainen H., Natti S. (2023). Typology and dynamics of actors' roles and positions within entrepreneurial ecosystems: an exploratory study. *Small Enterprise Research*, 30 (1), 71–88. Available at: <https://doi.org/10.1080/13215906.2022.2086611>
- Talmar M., Walrave B., Podoynitsyna K.S., Holmstrom J., Romme A.G.L. (2020). Mapping, analyzing and designing innovation ecosystems: The ecosystem pie model. *Long Range Planning*, 53 (101850), 1–9. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.lpr.2018.09.002>
- Visscher K., Hahn K., Konrad K. (2021). Innovation ecosystem strategies of industrial firms: A multilayered approach to alignment and strategic positioning. *Creative Innovation Management*, 30, 619–631. Available at: <https://doi.org/10.1111/caim.12429>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Васильевич Попов – доктор экономических наук, доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Центра социально-экономических исследований, Уральский институт управления РАНХиГС (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66; e-mail: erorov@mail.ru)

Максим Михайлович Скворцов – директор Департамента экономики, Правительство Тюменской области (Российская Федерация, 625002, г. Тюмень, ул. Сакко, д. 17); соискатель, Уральский институт управления РАНХиГС (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66); e-mail: mmskvr@gmail.com

Popov E.V., Skvortsov M.M.

PUBLIC GOVERNANCE OF THE DEVELOPMENT OF TERRITORIAL ECOSYSTEMS

The world and Russian scientific literature have already accumulated a significant arsenal of the research results on the development of territorial economic ecosystems. However, the problem of public governance of the development of the territory's ecosystem has not been finally resolved. The problem of unifying the methods of public governance of such an ecosystem is topical. The aim of the research is to systematize the methods of public governance of the development of the territory's ecosystem. We group them according to the management spheres: social, technological, economic and political. The work shows that the practical application of methods of public governance of ecosystem development is reflected in a variety of regions of both developed and developing countries. The scientific novelty of the results obtained consists in the systematization of public governance methods of the development of the territory's ecosystem, supplementing the methodological foundations of regulation of regions' livelihood. We show the practical application of public governance of the Tyumen Oblast ecosystem development on the basis of mapping of the region's industries and activity areas. In this case, publicity of governance consists in public discussion of the results of forecasting the development of ecosystem areas until 2030. Public discussion includes both expert assessments in the form of focus groups and targeted surveys, as well as the submission of predictive assessments for discussion in the public chambers of cities and region. The theoretical significance of the results is in the formation of a system of public governance methods of the development of the territory's ecosystem supplementing the methodology of regulation of regions' livelihood; the practical significance consists in developing a methodological framework for strategic planning of the development of territories' ecosystems.

Ecosystem of the territory, public governance, development, social sphere, technological sphere, economic and political spheres, industry map

REFERENCES

- Addo A. (2022). Orchestrating a digital platform ecosystem to address societal challenges: A robust action perspective. *Journal of Information Technology*, 37(4), 359–386. Available at: <https://doi.org/10.1177/02683962221088333>
- Akatkin Y.M., Karpov O.E., Konyavskiy V.A., Yasinovskaya E.D. (2017). Digital economy: Conceptual architecture of a digital economic sector ecosystem. *Business Informatics*, 4(42), 17–35.
- Bruce E., Shurong Z., Egala S.B. et al. (2022). Social media usage and SME firms' sustainability: An introspective analysis from Ghana. *Sustainability*, 14(9433), 1–17. Available at: <https://doi.org/10.3390/su14159433>
- Cardoso M.A., Telhado M.J., Almeida M.C. et al. (2020). Following a step-by-step development of a resilience action plan. *Sustainability*, 12(9017), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12219017>
- Certoma C. (2020). Digital social innovation and urban space: A critical geography agenda. *Urban Planning*, 5(4), 8–19. Available at: <https://doi.org/10.17645/up.v5i4.3278>
- Chen J., Walker R.M., Sawhnew M. (2020). Public service innovation: A typology. *Public Management Review*, 22(11), 1674–1695. Available at: <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1645874>
- Clarke A. (2020). Digital government units: What are they, and what do they mean for digital era public management renewal? *International Public Management Journal*, 23(3), 358–379. Available at: <https://doi.org/10.1080/10967494.2019.1686447>
- Criado J.I., Dias T.F., Sano H. et al. (2021). Public innovation and living labs in action: A comparative analysis in post-new public management contexts. *International Journal of Public Administration*, 44(6), 451–464. Available at: <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1729181>

- Dobrowolski Z., Sulkowski L., Adamisin P. (2022). Innovative ecosystem: The role of lean management auditing. *Marketing and Management of Innovations*, 3, 9–10. Available at: <https://doi.org/10.21272/mmi.2022.3-01>
- Eriksson T., Nappa A., Robertson J. (2022). All of one and all for one: Encouraging ecosystem citizenship behaviour to strengthen employer branding. *Scandinavian Journal of Management*, 38(101211), 1–11. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2022.101211>
- Gerasimova S.V., Panaedova G.I. (2021). Planning of regional spatial development according to ecosystem principle. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii=Regional Economy. South of Russia*, 9(1), 69–79. Available at: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.1.6> (in Russian).
- Ghio N., Guerini M., Rossi-Lamastra C. (2019). The creation of high-tech ventures in entrepreneurial ecosystems: Exploring the interactions among university knowledge, cooperative banks, and individual attitudes. *Small Business Economics*, 52, 523–543. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9958-3>
- Gifford E., McKelvey M., Saemundsson R. (2021). The evolution of knowledge-intensive innovation ecosystems: Co-evolving entrepreneurial activity and innovation policy in the West Swedish maritime system. *Industry and Innovation*, 28(5), 651–676. Available at: <https://doi.org/10.1080/13662716.2020.1856047>
- Han J., Zhou H., Lowik S., Weerd-Nederhof P. (2022). Enhancing the understanding of ecosystems under innovation management context: Aggregating conceptual boundaries of ecosystems. *Industrial Marketing Management*, 106, 112–138. Available at: <https://doi.org/10.106/j.indmarman.2022.08.008>
- Hazell E.C. (2020). Disaggregating ecosystem benefits: An integrated environmental-deprivation index. *Sustainability*, 12(7589), 1–20. Available at: <https://doi.org/10.3390/su21287589>
- Helbing D., Fanitabasi F., Giannotti F. et al. (2021). Ethics of smart cities: Towards value-sensitive design and co-evolving city life. *Sustainability*, 13(11162), 1–25. Available at: <https://doi.org/10.3390/su132011162>
- Henche B.G., Salvaj E., Cuesta-Valino P. (2020). A sustainable management model for cultural creative tourism ecosystems. *Sustainability*, 12(9554), 1–15. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12229554>
- Johnson E., Hemmatian I., Lanahan L., Joshi A.M. (2020). A framework and databases for measuring entrepreneurial ecosystems. *Research Policy*, 51(194398), 1–15. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104398>
- Kim J., Paek B., Lee H. (2022). Exploring innovation ecosystem of incumbents in the face of technological discontinuities: Automobile firms. *Sustainability*, 14(1606), 1–15. Available at: <https://doi.org/10.3390/su14031606>
- Korchagina I.V., Korchagin R.L. (2020). The impact of the innovation ecosystem on economic diversification of Russia. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii=Russian Journal of Economic Theory*, 17(1), 79–90. Available at: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.6> (in Russian).
- Korchagina I.V., Sychjova-Peredero O.V. (2019). The effectiveness of an innovation ecosystem formation as territory strategic development element. *Upravlenie=Management*, 4, 44–53. Available at: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-4-44-53> (in Russian).
- Ledeneva M.V., Plaksunova T.A. (2018). Creating an innovation ecosystem in the regions of the Russian Federation (on the example of the Volgograd region). *Vestnik VGUIT=Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 80(4), 484–492. Available at: <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2018-4-484-492> (in Russian).
- Lingens B., Huber F., Gassmann O. (2020). Loner or team player: How firms allocate orchestrator tasks amongst ecosystem actors. *European Management Journal*, 40, 559–571. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.emj.2021.09.001>
- Miroshnichenko I.V. (2014). Interactive mechanism ecosystem of networking public administration in the context of public policy in Russian. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura=The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1(38), 56–72 (in Russian).
- Moggi S., Pierce P., Bernardi N. (2021). From sustainability to thriving: A novel framework for entrepreneurial ecosystems. *International Entrepreneurship and management Journal*, 18, 829–853. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11365-021-00787-x>

- Morozova N.I., Kalashnikov D.V. (2022). A virtual model for managing the socio-economic development of the territory as a public authority's response to the challenges of the digital economy. *Upravlencheskii uchet=Management Accounting*, 1, 425–432 (in Russian).
- O'Toole Jr.L.J., Meier K.J. (2014). Public management, context, and performance: In quest of a more general theory. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 25, 237–256. Available at: <https://doi.org/10.1093/jopart/muu011>
- Palmie M., Mieke L., Oghazi P., Parida V., Wincent J. (2022). The evolution of the digital service ecosystem and digital business model innovation in retail: The emergence of meta-ecosystems and the value of physical interactions. *Technological Forecasting & Social Change*, 177(121496), 1–21. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121496>
- Pilgun E.V., Leshenyuk O.N. (2021). Public administration in the Republic of Belarus: Principals for sustainable development. *Pravo i upravlenie. XXI vek=Journal of Law and Administration*, 3(60), 27–40. Available at: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2021-3-60-27-40>
- Plakhin A.E., Tkachenko I.N., Evseeva M.V. (2020). Architecture of the innovative ecosystem of industry of the region. *Vestnik NGIEI=Bulletin NGIEI*, 8(111), 51–59. Available at: <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10073> (in Russian).
- Rehm S.-V., McLoughlin S., Maccani G. (2021). Experimental platforms as bridges to urban sustainability. *Smart Cities*, 4, 569–587. Available at: <https://doi.org/10.3390/smartcities4020030>
- Rumyantsev N.M. (2023). Repositioning of the regional economy in value chains based on the search for promoting specializations: The case of the timber industry complex of the Vologda Oblast. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(2), 10–22. Available at: <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.2> (in Russian).
- Samusenko S.A. (2021). The impact of regional entrepreneurial ecosystems quality on the development of the digital economy sector in Russia. *Voprosy upravleniya=Management Issues*, 2, 32–46. Available at: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-32-46> (in Russian).
- Seliverstov Yu.I., Lyulyuchenko M.V. (2019). Model for the formation of an innovation ecosystem of the region. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 10, 101–106 (in Russian).
- Tabas A.M., Komulainen H., Natti S. (2023). Typology and dynamics of actors' roles and positions within entrepreneurial ecosystems: An exploratory study. *Small Enterprise Research*, 30(1), 71–88. Available at: <https://doi.org/10.1080/13215906.2022.2086611>
- Talmar M., Walrave B., Podoyntsina K.S. et al. (2020). Mapping, analyzing and designing innovation ecosystems: The ecosystem pie model. *Long Range Planning*, 53(101850), 1–9. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.lpr.2018.09.002>
- Vagin V.V., Shugrina E.S. (2021). The role of participatory budgeting in forming an ecosystem of civic participation in state and municipal governance. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*, 13(2), 9–24. Available at: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-9-24> (in Russian).
- Vasilenko L.A. (2021). Digital breakthrough: Will public administration be smart enough in a digital state and how smart are the elite and citizens. *Tsifrovaya sotsiologiya=Digital Sociology*, 4(3), 6–15. Available at: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15> (in Russian).
- Vatlina L.V. (2020). Digital economy and directions of its influence on socio-economic development and transformation of public administration. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki=Russian Journal of Innovation Economics*, 10(4), 1993–2004. Available at: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.4.111177> (in Russian).
- Veselov K.S., Nazarov M.G., Shirokova D.V. (2016). The development of entrepreneurial ecosystem in the region: The Nizhny Novgorod Oblast case study. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 7, 76–88 (in Russian).

Visscher K., Hahn K., Konrad K. (2021). Innovation ecosystem strategies of industrial firms: A multilayered approach to alignment and strategic positioning. *Creative Innovation Management*, 30, 619–631. Available at: <https://doi.org/10.1111/caim.12429>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Popov – Doctor of Sciences (Economics), Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), RAS Corresponding Member, Professor, Head of the Center for Social and Economic Research, Ural Institute of Governance, RANEPА (66, Vos'mogo Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: epopov@mail.ru)

Maksim M. Skvortsov – Head of the Department of Economics, Governance of the Tyumen Oblast (17, Sakko Street, Tyumen, 625002, Russian Federation); Candidate of Sciences degree seeking applicant, Ural Institute of Governance, RANEPА (66, Vos'mogo Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation); e-mail: mmskvr@gmail.com)

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.3

УДК 332.1 | ББК 65.051.12

© Еремеева О.С.

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕРРИТОРИИ

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ЕРЕМЕЕВА

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Абакан, Российская Федерация

e-mail: yermeevaos@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9258-4610; ResearcherID: AAD-6070-2019

Статья посвящена проблеме совершенствования информационного обеспечения территориального экономического анализа. Показан парадокс зависимости задач, ставящихся перед аналитиками, от наличия существующей исходной информации: анализируется то, что есть, а не то, что нужно. Подвергается сомнению эффективность такого анализа для принятия управленческих решений. Фиксируется отсутствие официальной информации по территориям, выделенным не по административному признаку. Цель исследования заключается в выявлении проблем информационного обеспечения экономического анализа территории. Для достижения цели раскрываются существующие подходы к определению понятий «территория», «регион». Предлагается применять термин «территория» в контексте территориального экономического анализа, поскольку в понятии «регион» прочно утвердилась привязка к административным границам. Раскрываются существующие в теории региональной науки подходы к определению региона как административно-территориальной единицы и социально-экономической системы, действующей в определенных географических границах. Рассматриваются проблемы информационного обеспечения экономического анализа территории с позиции этих двух подходов. Исследуется процесс становления региональной экономики, исходящей из потребностей экономического, а не административного региона. Обосновывается важность поиска эффективных способов сбора, обобщения и представления информации о территории. В качестве решения обозначенных в статье проблем предлагается к разработке концепция интегрированной отчетности территории как экономического региона, которая подразумевает принятие решений с учетом связей

Для цитирования: Еремеева О.С. (2023). Проблемы информационного обеспечения экономического анализа территории // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 28–46. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.3

For citation: Yermeeva O.S. (2023). Problems of information support for economic analysis of the territory. *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 28–46. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.3

внутри ресурсов территории и с внешней средой в аспекте видения будущего территории. Полученные результаты могут быть использованы при разработке альтернативной по отношению к статистической отчетности, выступающей в качестве источника информации для экономического анализа территории.

Территория, регион, управление территорией, интегрированная отчетность, статистическая отчетность, экономический регион, административный регион, информация о территории.

Введение

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹ провозглашает необходимость совершенствования системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития. Региональная политика и обоснованные управленческие решения в части пространственного развития должны базироваться на качественном анализе социально-экономических проблем и возможностей территории. В свою очередь, для качественного анализа необходима достоверная полная информация о территории – объекте экономического регионального анализа.

Но текущая ситуация относительно информации о территории характеризуется следующим противоречием. Не направления анализа, обусловленные целями территориального развития, определяют круг требующейся исходной информации, а исходя из имеющихся показателей информационных баз данных ставятся задачи перед экономическим анализом территории.

На важность решения проблем информационного обеспечения в территориальном аспекте есть указания в разработанной Министерством сельского хозяйства России Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года²: необходимо совершенствовать процесс сбора статистической информации для надлежащего информационного обеспечения развития сельских территорий.

Действительно, в современных условиях основой информационного обеспечения

территориального экономического анализа является статистическая информация. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России традиционно формируется на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Ученые говорят о целесообразности применения данных государственной статистики в качестве числовых характеристик частных показателей инвестиционной привлекательности регионов РФ (Яшина, 2015), о базировании оценки инвестиционной привлекательности субъектов РФ на официальных данных Росстата (Лосева, 2014), о мониторинге комплексного градостроительного развития территорий на основе статистических материалов (Челышков и др., 2013), о разработке системы индикаторов оценки сбалансированного и устойчивого развития территорий с учетом адаптации индикаторов к возможностям статистической отчетности (Перевозчикова, 2021), о методике выделения границ агломераций на основе данных статистики (Толмачев, 2021), о выявлении моделей индустриально-инновационного развития региональных экономических систем на основе обобщения статистических данных (Дорошенко, 2022). Теоретические и практические аспекты информационного обеспечения экономического анализа развития территории исследованы в работах О.С. Олейник, где показаны возможности статистической информационно-аналитической системы в управлении субъектом РФ, в стратегическом планировании развития региона (Олейник, 2008; Олейник, 2017).

Таким образом, современные исследователи сходятся во мнении, что под инфор-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

² Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р.

мационным обеспечением подразумевается «совокупность всей статистической информации, формируемой из достоверных источников согласно разработанным методикам и отражающей его экономическое, социальное и экологическое состояние» (Рязанцева, 2019).

При этом существенна критика статистической информации. При создании методики построения рейтингов инвестиционной привлекательности регионов отмечается, что рейтинги строятся на статистических данных, но существует проблема недостаточности статистической информации (Щербаков, 2016). Указывается на неполноту информации по некоторым показателям, ввиду чего приходится корректировать программу исследования (Бураков, Рубинштейн, 2020). Особенно остро проблема неполноты статистических данных стоит перед муниципальной статистикой, при этом статистическая база данных является основным источником информации местного уровня. Муниципальная статистика подчинена потребностям государственной статистики, что приостанавливает развитие статистической методологии и препятствует обеспечению органов местного самоуправления необходимой им информацией для принятия решений (Скрипкина, 2017).

Статистическая информация собирается в рамках административных границ. В информировании о трансграничных территориях проблема обостряется. «Информационное обеспечение процесса сбора, обработки и анализа экономических, социальных и экологических показателей развития трансграничных регионов является сложной научной задачей, связанной с наличием пробелов в информации из-за высокой степени неопределенности данных, несовершенства знаний, несогласованности данных или ненадлежащей работы механизмов, обеспечивающих потоки данных» (Бардаханова, 2022).

При проведении экономических исследований межрегионального уровня, субрегионального уровня существенным ограничением выступает недостаток статистических данных. Поэтому актуальным является поиск альтернативной по отношению к ста-

тистической отчетности публичной информации о территории.

В прикладных экономических исследованиях территория, регион рассматриваются с позиции административных границ, потому что база данных, информация собирается и классифицируется по административным границам. Достоверная публичная информация о территории не только полезна для решения административных управленческих функций, но и способствует привлечению инвестиций, как финансовых, так и человеческих, трудовых, интеллектуальных, если территория комфортна для жизни. Разные категории пользователей информации о территории (государство, население, инвесторы) заинтересованы в разных особенностях ее функционирования. Чтобы узнать о территории, заинтересованные лица должны иметь оперативный и удобный доступ к актуальной, полной, полезной для себя информации.

Цель исследования заключается в выявлении проблем информационного обеспечения экономического анализа территории и поиске эффективных способов сбора, обобщения и представления комплексной, разносторонней информации как количественного, так и качественного характера для информационного обеспечения экономического анализа территории.

Методы

Сравнительно-исторический анализ процесса развития региональной экономики позволил выявить причинно-следственные связи зависимости задач экономического анализа территории от его информационной обеспеченности, проследить причины изменения доминирующего подхода к понятию «регион».

Анализ нормативных документов России в части определения границ территорий, регионов и организации учета информации в разрезе территорий позволил доказать ограниченность информационного обеспечения территориального экономического анализа.

Применяя метод аналогии и моделирования, мы предлагаем подход к разработке

концепции интегрированной отчетности территории на основе существующих принципов интегрированной отчетности организаций.

Теоретические аспекты исследования

Говоря об информационном обеспечении территориального экономического анализа, необходимо определиться с понятиями «территория», «регион».

Понятие «территория» прежде всего является географическим термином. Согласно словарям, территория – это ограниченное земельное пространство³, земельное пространство, ограниченное какими-нибудь пределами, границами⁴. Под территорией понимается наименование любой части поверхности суши, эмпирическое выражение абстрактного понятия пространства, она обладает свойством протяженности и особым ресурсом – площадью суши, выполняя тем самым роль пространственной основы среды обитания человека и любых видов его деятельности⁵.

Понятие территории в географии дополняется следующими понятиями: акватория – ограниченная часть водной поверхности, аэротерия – часть воздушной оболочки Земли, соотнесенная с определенной территорией или акваторией, геотерия – объединение территории, акватории, аэротерии.

Также его связывают с территорией государства, например, в словаре В.И. Даля территория – это весь объем и простор земли государства⁶. Государственная территория имеет статус государственной границы. В государственную территорию включают

также части акваторий: внутренние воды и территориальные воды (шельфы морей и экономические зоны), а также недра (в пределах технической досягаемости) и воздушное пространство над государственными границами⁷. Согласно статье 67 Конституции России территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними.

Термин «территория» широко применяется в экономических исследованиях. Осуществление экономической деятельности людей позволяет рассматривать территорию в качестве экономического пространства (Козловская, 2006). Используя понятие «территория», ученые обычно говорят о регионах – территориально-административных образованиях, муниципальных образованиях, местных сообществах (Гершанок, 2006; Важенина, Важенин, 2010; Захарчук, 2011; Бочко, 2013; Анохин, 2021; Ткач, 2022).

В то же время в теории региональной науки не утвердилось единое определение термина «регион». Регион – это то же, что территория или общность, объединенная по территориальному признаку.

В «Большом энциклопедическом словаре» регион – 1) то же, что район; 2) территория (акватория), часто очень значительная по своим размерам, не обязательно являющаяся таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения (например, Сибирский регион)⁸.

Регион – область, район, часть страны, отличающиеся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/241106>

⁴ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. 1935–1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1053286>

⁵ География. Современная иллюстрированная энциклопедия (2006) / под ред. А.П. Горкина. Москва: Росмэн. URL: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/12255-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 28.02.2022).

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1863–1866. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/363646>

⁷ География. Современная иллюстрированная энциклопедия (2006) / под ред. А.П. Горкина. Москва: Росмэн. URL: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/12255-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 28.02.2022).

⁸ Большой энциклопедический словарь (1997). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия. Санкт-Петербург: Норинт.

экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения⁹.

В монографии В.М. Торосова, ученого, внесшего большой вклад в развитие как науки Республики Хакасии, так и непосредственно ее экономики, устройства жизни, приводятся определения понятия «регион», представленные у классиков региональной экономики:

1) У. Изард: «Регион – это географически и административно выделенная территориальная единица в зависимости от ее производственной специфики, культуры и исторических традиций (провинции, штаты, губернии и т. д.)»;

2) Л. Джеймс, Дж. Мартин под регионом понимают целостный участок территории, отличающийся однородностью, но не обладающий четкой границей;

3) В. Джонс: «Регион (район) – это территория, внутри которой имеется однородность по одному или нескольким параметрам»;

4) В. Леонтьев: «Регион (район, штат, провинция, земля) – административно-территориальная единица государства, выделенная по функциональному признаку (набору отраслей)» (Торосов, 2012).

В.М. Торосов дает следующее определение: «Под регионом понимается часть страны или континента, отличающаяся от смежных территорий совокупностью характерных особенностей, признаков или явлений. Регионы отличаются административными, географическими, экономическими, политическими, национальными, религиозными и другими признаками, по которым проводится их классификация» (Торосов, 2012).

Согласно А.Г. Гранбергу, «регион – это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов»¹⁰.

Термин «регион» в России введен академиком Н.Н. Некрасовым, который понимал под регионом крупную территорию страны

с более или менее однородными условиями, главным образом характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой. Основным критерием выделения региона считалась общность народнохозяйственных задач, основанная на совокупности используемых или намечаемых к эксплуатации природных богатств, исторически сложившейся структуре хозяйственной деятельности или плановой структуре экономического развития (Некрасов, 1978).

Как видим, в трактовках Н.Н. Некрасова, У. Изарда, В. Леонтьева региону присуща определенная производственная направленность. В связи с этим появляется еще один термин – «экономический регион».

Академик П.А. Минакир уточняет, что в региональной экономике используются понятия «экономический регион», «экономический район» как территориальная экономическая система, экономическая система в рамках определенной ограниченной географически территории. «Под экономическим регионом понимается реально существующая либо проектируемая территориальная экономическая система, формирующаяся на основе территориального разделения труда, которое в свою очередь базируется на пространственной неоднородности ресурсов и условий ведения экономической деятельности» (Минакир, 2014).

Анализ литературы позволяет выделить два основных подхода к понятию «регион» в теоретических экономических исследованиях:

1) регион как административно-территориальная единица;

2) регион как территориальная социально-экономическая система.

Так, П.А. Минакир пишет, что в региональной экономике выделяют два типа субнациональных экономических пространств:

⁹ Большой экономический словарь (1997) / под ред. А.Н. Азрилияна. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Институт новой экономики.

¹⁰ Гранберг А.Г. (2004). Основы региональной экономики: учебник для вузов. Москва: ГУ ВШЭ. С. 16.

административные регионы (AR) и экономические регионы (ER) (Минакир, 2014).

О.В. Кузнецова, А.В. Кузнецов отмечают два подхода к пониманию региона: 1) регион как территория согласно границам административно-территориального деления; 2) регион как территория, границы которой определены, исходя из наличия каких-либо взаимосвязанных признаков или явлений (Кузнецова, Кузнецов, 2019).

В.М. Торосов подразделяет регионы на «управляемые» – территории, выделенные согласно административно-территориальному и муниципальному устройству, и «неуправляемые» – территории, выделенные по географическому, политическому, религиозному, этническому и другим признакам (Торосов, 2012). При этом подчеркивается значимость географического признака деления территорий в России в связи с ее большими размерами, наличием различных природных, ландшафтных условий. Также в России в качестве основы деления возможно использовать географический признак и проводить в географических регионах сравнительный анализ уровня жизни населения, сопоставлять по отдельным направлениям экономического и социального развития для проработки транспортных, оборонных и других проблем (Торосов, 2012).

М.В. Панасюк выделяет два вида региональных формаций: сформировавшиеся, которые имеют государственный статус и законодательно закреплённые границы, и формирующиеся регионы, которые не имеют официального статуса (Панасюк, 2005).

С.В. Паникарова говорит о классификации регионов с точки зрения возможности осуществлять самостоятельную экономическую политику: «планирующие» регионы, имеющие единые органы хозяйственного управления, и «плановые» – не имеющие единого органа управления¹¹.

Т.Н. Кислая, О.А. Голубцова определяют регион как «территорию с более или менее однородными ресурсными условиями и характерной направленностью развития про-

изводительных сил на основе сочетания комплекса природных факторов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой» (Кислая, 2019). При этом ученые отмечают, что в экономических исследованиях необходимо использовать понятие «регион» больше в привязке к конкретной территории, чем по административному делению государства.

Однако доминирующим является первый подход к региону как административно-территориальной единице. В большом количестве экономических исследований в качестве региона рассматриваются именно административно-территориальные и муниципальные единицы РФ, что обосновывается сложившейся практикой и потребностями системы государственного управления: социально-экономическая политика разрабатывается обычно в разрезе субъектов РФ (Горшенина, 2009; Торосов, 2012; Прокопьева, 2018).

При этом необходимость экономического анализа вне административных границ есть, поскольку, как указывают эксперты, существует несоответствие плановых районов реальным социально-экономическим районам. Центры управления деятельностью хозяйствующих субъектов внутри административного региона могут находиться на разных уровнях территориально-административного управления (Колесников, 2021). В то же время «рассуждения о полюсах роста, кластерах, экономических эффектах, синергии имеют смысл в ER-пространствах», «локальные пространства должны рассматриваться как ER-пространства, но в практике это очень сложно, так как управление организовано по критериям выделения административных регионов, статистика организована в соответствии с потребностями административного регулирования» (Минакир, 2014). «Для понимания тех или иных процессов, идущих в экономике, целесообразнее рассматривать не просто административно-

¹¹ Региональная экономика и управление (2009): учебное пособие. В 2 ч. Ч.1 / сост. С.В. Паникарова. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова». 136 с.

территориальные единицы, а реальные районы» (Кузнецова, Кузнецов, 2019).

Основная критика территориального экономического анализа сводится к преобладанию анализа в части административных границ над анализом экономических регионов. Но такой разрыв целей и возможностей не был присущ региональному анализу изначально. Становление науки региональной экономики связано с пониманием необходимости учета пространственного аспекта развития производственных сил.

В России изначально теоретической базой исследования региональной экономики являлась экономическая география. Исследователи истории развития региональной науки отмечают, что основатель советской районной школы экономической географии Н.Н. Баранский подчеркивал необходимость изучать отрасли в «районном разрезе» (Сдасюк, 2016), рассматривал экономические районы в качестве географического синтеза хозяйственных комплексов, населения и природных предпосылок, во взаимодействии внутренних и внешних производственных связей (Поросенков, 2014).

В 1923 году в СССР была разработана общая схема экономического районирования, в основе которой лежали именно экономические регионы. «Это создавало принципиальную возможность на практике перейти к измерению агломерационных эффектов, эффектов комплексирования и агломерации, для чего не хватало лишь адекватной перестройки системы статистического учета. Однако план ГОЭЛРО стал первым и последним экономическим проектом, в основе

которого лежало представление о национальной экономике как о системе взаимодействующих экономических регионов. В дальнейшем противоречие между критериями экономической и политической однородности разрешилось в пользу последней. Результатом стало то, что все дальнейшее развитие происходило в рамках системы административных регионов» (Минакир, 2014).

Первые научные теории региональной экономики связаны с попытками решить проблемы эффективного размещения производств. Однако с выходом региональной науки за спектр задач микроэкономики появляется и проблема учета территориальной информации. У. Изард, считающийся основоположником региональной науки, применяет методы макроэкономики для исследований межрегиональных взаимодействий, разрабатывает модели пространственного равновесия. При этом, как отмечает П.А. Минакир, в работах У. Изарда, которые стимулировали исследования экономических систем регионов, анализ проводился для административных, а не экономических регионов, что диктовалось организацией статистического учета (Минакир, 2014).

Результаты

В *таблице* представлен результат анализа за возможностей классификации информации по единицам территориального деления России согласно действующим нормативно-правовым актам. Возможность классификации информации по единице территориального деления существует, если граница территории совпадает с административной границей.

Таблица. Возможности классификации информации по единицам территориального деления России

Классификационный признак территориального деления	Единицы территории	Совпадение границ территории с административными границами*
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕГИОНЫ		
<i>Стандарт классификации – ОКATO</i>		
Административно-территориальное устройство	Субъекты РФ: республики; края; области; города федерального значения; автономная область. Автономные округа; административные районы (районы); города; внутригородские районы, округа города; поселки городского типа; сельсоветы; сельские населенные пункты	+

<i>Стандарт классификации – ОКТМО</i>		
Муниципальное устройство	Муниципальные образования: муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район, внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения, городское поселение, сельское поселение	+
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ		
<i>Стандарт классификации – ОКЭР</i>		
Общность условий хозяйствования	Экономические районы	+
	Экономические зоны или макрореоны	+/-
Общность задач региональных программ социально-экономического развития	Федеральные округа	+
	Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия	+
Условия контроля природно-климатических, экологических и геологических параметров местности	Межрегиональные территориальные управления и центры по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды	+/-
	Территориальные и региональные отделы государственного геологического контроля	+
Условия обеспечения государственной охраны природных комплексов	Государственные природные заповедники, национальные парки	-
Условия осуществления технического надзора за основными фондами	Территориальные и региональные округа и инспекции органов федерального горного и промышленного надзора	+/-
	Межрегиональные территориальные округа по государственному регулированию ядерной и радиационной безопасности на производственных и научных объектах	+
Условия обеспечения государственного таможенного контроля	Региональные таможенные управления	+
Характер дискомфорта условий жизнедеятельности населения	Территории с различными уровнями дискомфорта условий жизнедеятельности населения	+/-
	Регионы, отнесенные к зонам чрезвычайной экологической ситуации	+/-
Условия жизнедеятельности малочисленных народов России	Места традиционного проживания коренных малочисленных народов Российской Федерации	+/-
* Совпадение границ по периметру территории с границами субъектов РФ или муниципальных образований: «+» – границы совпадают, «-» – границы не совпадают, «+/-» – границы могут как совпадать, так и не совпадать. Составлено по: Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления, утвержден постановлением Госстандарта России от 31.07.1995 № 413; Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований, утвержден Приказом Росстандарта от 14.06.2013 № 159-ст; Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований, утвержден Приказом Росстандарта от 14.06.2013 № 159-ст.		

В таблице под административными регионами понимаются территории, созданные для организации государственной власти и местного самоуправления. В России предусмотрено два вида территориального деления, устройства территории: административно-территориальное устройство и муниципальное устройство.

1. Административно-территориальное устройство. По Конституции Россия является федеративным государством, в составе которого находятся субъекты Российской Федерации. В Конституции России термин «регион» не применяется, его нет и в федеральных законах, но, как верно отмечено, прилагательное «региональный» как

имеющий отношение к уровню субъекта Российской Федерации в законодательстве используется довольно широко (например, в Налоговом и Бюджетном кодексах РФ вводятся понятия региональных налогов и региональных бюджетов) (Кузнецова, Кузнецов, 2019).

Об идентичности понятий «регион» и «субъект Российской Федерации» в нормативной базе РФ говорит Указ Президента РФ¹²: под регионом понимается часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации.

Именно регионам как субъектам РФ уделяется внимание при анализе социально-экономических показателей, проводятся классификации, ранжирование административных регионов по различным экономическим критериям. В целях государственного управления территориального развития выделяют различные типы проблемных регионов: отсталые, проблемные, депрессивные.

Административно-территориальное устройство субъектов РФ устанавливается Уставами, Конституциями, региональными законами субъектов РФ.

2. Муниципальное устройство. Этот вид деления территории предназначен для осуществления местного самоуправления внутри регионов страны. Общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления установлены в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹³.

Границы муниципальных образований могут совпадать с административно-территориальными границами (как организовано в большинстве субъектов РФ), так и устанавливаться независимо от административно-территориальных границ.

Различия между муниципально-территориальным и административно-территориальным устройством субъекта РФ являются формальными. Согласимся, что границы

территорий согласно указанным видам деления увязаны с принципами эффективности организации государственного управления, распространения компетенции органов власти на территорию (Рыков, 2018).

Хотелось бы подчеркнуть значение классификаторов ОКАТО и ОКТМО как инструментов систематизации информации в разрезах административно-территориального и муниципального делений. Каждой административно-территориальной единице России присвоен код ОКАТО согласно Общероссийскому классификатору объектов административно-территориального деления. Классификатор служит для автоматизированной обработки информации в разрезах административно-территориального деления, для обеспечения достоверности, сопоставимости данных по территориям.

Муниципальным образованиям присваивается код ОКТМО согласно Общероссийскому классификатору территорий муниципальных образований. Классификатор предназначен для однозначной идентификации на всей территории Российской Федерации муниципальных образований и населенных пунктов, входящих в их состав, обеспечивает систематизацию информации по муниципальным образованиям. Таким образом, существует эффективный инструмент систематизации информации по территориям, выделенным по административному признаку.

Нужно отметить наличие внимания государства к выделению не только административных, но и экономических регионов. Деление на экономические регионы установлено в Общероссийском классификаторе экономических регионов (ОКЭР). В стандарте систематизирован перечень региональных экономических группировок объектов административно-территориального деления России, где экономический регион – это совокупность объектов административно-территориального деления страны, обладающих рядом общих природно-экономических признаков.

¹² Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13.

¹³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

Виды экономических регионов, классифицированные по различным признакам согласно ОКЭР, представлены в таблице. Обратим внимание на территории, выделенные по относительной общности объективных условий хозяйствования: экономические районы, экономические зоны и макророзоны.

Территория России разделена на 11 крупных экономических районов: Северный, Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Северо-Кавказский, Поволжский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный. Экономическим районом является часть территории страны, состоящая из нескольких республик, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов федерального значения, характеризующаяся территориально-хозяйственным единством (комплексностью), относительным сходством природных и экономических условий и особенностей. При этом отдельный субъект Российской Федерации может быть включен в состав лишь одного экономического района. Видим из определения, что экономический район объединяет несколько субъектов РФ и будет иметь границы по периметру, совпадающие с границами входящих в него субъектов РФ.

Под экономической зоной или макророзной понимается часть территории страны, в которую полностью или частично включаются несколько экономических районов. При этом экономические районы или их части могут включаться в несколько экономических зон или макророз. Границы экономической зоны могут не совпадать с границами субъектов РФ, поскольку в экономическую зону может входить часть субъекта РФ. Так, например, на сегодня в классификаторе ОКЭР представлена одна зона, границы которой не совпадают по периметру с административными границами субъектов РФ – это экономическая зона Байкало-Амурской магистрали (БАМ), она включает в себя частично территории республик Бурятия, Саха

(Якутия), Хабаровского края, Амурскую, Иркутскую и Читинскую области.

Вместе с тем среди макророзон следует упомянуть Арктическую зону РФ, не указанную в классификаторе ОКЭР, состав которой утвержден Указом Президента РФ от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

В стандарте ОКЭР проведена группировка экономических регионов по федеральным округам и межрегиональным ассоциациям экономического взаимодействия, исходя из общности целей и задач совместной разработки и осуществления региональных программ социально-экономического развития и повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля над исполнением их решений на территории субъектов Федерации. Деление территории на федеральные округа установлено в целях обеспечения реализации Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля над исполнением их решений¹⁴. Федеральные округа – крупные территориальные образования (состоящие из нескольких республик, краев, областей, автономных округов, городов федерального значения), характеризующиеся территориальным единством. Федеральные округа создаются решением федеральных органов государственной власти. В настоящее время в России восемь федеральных округов: Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Приволжский федеральный округ, Уральский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ. Границы федеральных округов по периметру совпадают с административно-территориальными границами субъектов РФ.

Региональные органы власти могут создавать межрегиональные ассоциации эко-

¹⁴ О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849.

номического взаимодействия. Это добровольное объединение субъектов Российской Федерации, создаваемое совместным решением их органов государственной власти. Поскольку субъект РФ входит в ассоциацию полностью, а не частично, границы ассоциации по периметру будут совпадать с границами субъектов РФ. Но субъект РФ может состоять в нескольких межрегиональных ассоциациях, что также создает сложности для статистического учета показателей по этому виду экономического региона.

Сбор информации по территориям согласно административно-территориальному и муниципальному делению организован в системе государственной статистики. Но территории, границы которых не совпадают с административными границами, являются трудно анализируемыми. Например, то, что один субъект может входить в несколько ассоциаций экономического взаимодействия, или, тем более, только часть региона может быть частью макрзоны, является неудобным для формирования региональной политики, системной диагностики экономики регионов. В разрезе таких экономических регионов данные не собираются.

Большой аналитический интерес представляют экономические микрзоны (микрорайоны). Классификацией территорий с точки зрения экономического микрорайонирования занимался Е.Е. Лейзерович. Экономические микрорайоны – это сочетание территориальных хозяйственных микросистем с системами расселения и инфраструктурой – инженерной и социальной. Это территории, имеющие свое местное хозяйство, достаточно индивидуальное экономическое лицо, определенные производственные фонды и трудовые ресурсы. Для их жителей, за пределами города-центра экономического микрорайона, характерно единство образа жизни. Сетка Лейзеровича – сетка дробного деления России – на 2008 год включала в себя 463 экономических микрорайона (Лейзерович, 2010). Но правового статуса у экономических микрорайонов нет. Информация в органах статистики по таким районам не группируется, хотя подход к эко-

номическому микрорайонированию является важным ключом с точки зрения изучения конкретной местной экономической и социальной ситуации.

Для территорий, меньших, чем муниципальное образование, статистическая информация отсутствует. Информацию в этом случае можно собрать лишь частично, по отдельным аспектам. Так, например, в части оценки недвижимости полезным является ресурс Росреестра: результаты государственной кадастровой оценки позволяют изучать дифференциацию экономических показателей на масштабах, меньших, чем муниципальное образование (Шалимов, 2022).

С точки зрения экономического анализа большую значимость имеет не административное, а экономическое деление территории страны. Региональная экономика как наука развивалась из анализа именно экономических регионов в целях их развития. Но основная причина доминирования в экономическом анализе территории административно-территориальных единиц – это существующий сбор статистических данных только в разрезе административно-территориальных и муниципальных единиц. В существующих условиях анализировать экономические регионы возможно, если они являются простым объединением субъектов РФ путем суммирования показателей, входящих в экономический регион субъектов РФ. То есть такая возможность есть только по крупным экономическим регионам – федеральным округам, экономическим районам. При выделении экономического региона внутри субъекта РФ возникают проблемы с информационным обеспечением экономического анализа территории.

Кроме того, нельзя не сказать о проблемах самой региональной и муниципальной статистики, ограничивающих проведение качественного экономического анализа территорий, а именно:

- ограниченность публичности статистической информации – общественно доступна только обобщенная официальная статистическая информация, при этом су-

щественна по времени задержка публикации официальных статистических данных;

- неполнота охвата показателей, недостаточная разрезность сбора и обобщения информации;

- несопоставимость, отличия в числовых значениях одного и того же показателя, взятого из разных источников (например, из паспорта муниципального образования, публикуемого на сайте Росстата, и паспорта муниципального образования, формируемого самим муниципальным образованием и публикуемого на его сайте), а также явные ошибки, описки.

Обсуждение

В качестве попытки решить проблему информационного обеспечения экономического анализа территории предлагается разработать подход к формированию интегрированной отчетности территории. Интегрированная отчетность выступает инструментом стратегического планирования и управления, ее основная цель – показать будущее.

Для коммерческих организаций в части информационного обеспечения заинтересованных пользователей актуальной и востребованной является интегрированная отчетность. Понятие, принципы ее формирования отражены в Международных основах интегрированной отчетности¹⁵ и применяются для отчетности организаций. Исследования интегрированной отчетности применительно к организации обширны как в теории (Barnabè, Nazir, 2020; Brown, Dillard, 2014; Busco et al., 2021; Dumay, Dai, 2017; Feng et al., 2017; Gunarathne et al., 2021; Kunc et al., 2020; La Torre et al., 2019; Malafrente, Pereira, 2021; Rinaldi, 2020), так и применимы на практике. Авторской новизной является применение принципов интегрированной отчетности к региону, территории.

Считаем возможным и полезным адаптацию принципов интегрированной отчетности для территорий. Отчетность представляет собой информационную модель

финансово-хозяйственного состояния объекта отчетности. Объектом интегрированной отчетности территории будет выступать территория как экономический регион, социально-экономическая система в определенных географических границах.

В составе такой отчетности предлагается раскрывать информацию о капиталах территории: человеческом, социально-инфраструктурном, природном, производственном, финансовом. Капиталы территории являются факторами, создающими ее благосостояние. В свою очередь требует дальнейшего исследования определение показателя благосостояния территории. Благосостояние территории должно показывать будущий уровень удовлетворенности населения жизнью на территории при использовании капиталов территории. Информация о капиталах территории в интегрированной отчетности группируется по категориям в зависимости от возможности денежного выражения (финансовая и нефинансовая); временной принадлежности (о прошлом, о будущем); влияния фактов на благосостояние территории (положительное, отрицательное).

Заключение

На основе приведенных данных делаем вывод, что в теоретическом и практическом плане преобладающим является подход к территории, региону как административно-территориальной единице. Соответственно, информационная база по регионам формируется исходя из административной классификации.

Информационная база о территориях страны формируется для решения задач государственного политического администрирования, а не экономического развития. При этом межрегиональные хозяйственные, а также географические, национальные, культурные отношения и связи выпадают из анализа.

При проведении оценки достаточности статистической информации для территориального экономического анализа делаем

¹⁵ Международные основы интегрированной отчетности. URL: <https://www.integratedreporting.org/wp-content/uploads/2021/06/International-Integrated-Reporting-Framework-January-2021-Russian.pdf> (дата обращения 11.02.2022).

вывод о том, что база данных официальной статистики имеет ограничения использования в территориальном экономическом анализе в связи с ее формированием только в пределах административных границ.

Таким образом, подтверждена проблема информационного обеспечения экономического анализа территории, которая характеризуется тем, что территории, границы которых не совпадают с административными границами, являются трудно анализируемыми по причине отсутствия источников информации для анализа. Обозначенная

проблема возникла в развитии региональной экономики при переходе задач науки от микроэкономики к мезо-, макроэкономике. До настоящего времени указанная проблема не нашла решения в теоретической концептуальной части, а в практической части даже усугубилась.

В связи с этим актуальным направлением дальнейших исследований является поиск подхода к информационному обеспечению экономического анализа территории как социально-экономической системы в определенных географических границах.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин Е.В. (2021). Оценка конкурентоспособности в маркетинге территорий // Экономика региона. Т. 17. № 1. С. 130–144. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-10
- Бардаханова Т.Б. (2022). Информационное обеспечение исследования эколого-экономических аспектов регионального развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 4 (72).
- Бочко В.С. (2013). Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // Экономика региона. № 3 (35). С. 26–37. DOI: 10.17059/2013-3-2
- Бураков Н.А., Рубинштейн А.Я. (2020). Теоретические и прикладные аспекты измерения потенциалов экономического развития регионов России // Пространственная экономика. Т. 16. № 1. С. 24–50. DOI: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.024-050>
- Важенина И.С., Важенин С.Г. (2010). Имидж и репутация как стратегические составляющие нематериальных активов территории // Экономика региона. № 3 (23). С. 95–103.
- Гершанок Г.А. (2006). Социально-экономическая и экологическая емкость территории при оценке устойчивости ее развития // Экономика региона. № 4 (8). С. 166–180.
- Горшенина Е.В. (2009). Региональные экономические исследования: теория и практика: монография. Тверь: Тверской гос. ун-т. 203 с.
- Дорошенко Ю.А. (2022). Выявление моделей индустриально-инновационного развития региональных экономических систем // Экономика региона. Т. 18. № 1. С. 78–91. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-6
- Захарчук Е.А. (2011). Классификация регионов РФ по критериям саморазвития // Экономика региона. № 3 (27). С. 54–63. DOI: 10.17059/2011-3-6
- Кислая Т.Н. (2019). Исследование подходов к определению понятий «регион» и «региональная экономика» // Научный результат. Экономические исследования. Т. 5. № 2. С. 22–31. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-2-0-3
- Козловская О.В. (2006). Регион как типологическое понятие // Сибирская финансовая школа. № 3 (60). С. 6–12. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11609850_53365456.PDF
- Колесников Ю.С. (2021). Регион как совокупный хозяйствующий субъект: к постановке проблемы // Многополярная глобализация и Россия: мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. памяти А.Ю. Архипова (Ростов-на-Дону – Таганрог, 20–22 мая 2021 г.). Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный фед. ун-т. С. 156–158.
- Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. (2019). Системная диагностика экономики региона. Москва: Ленанд. 232 с.
- Лейзерович Е.Е. (2010). Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. № 4 (30). С. 14–28.

- Лосева О.В. (2014). Факторы повышения инвестиционной привлекательности регионов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». № 20. С. 3626–3630.
- Минакир П.А. (2014). Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. № 1. С. 12–39.
- Некрасов Н.Н. (1978). Региональная экономика Теория, проблемы, методы. 2-е изд. Москва: Экономика. 344 с.
- Олейник О.С. (2008). Формирование региональной статистической информационно-аналитической системы // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. № 9. С. 265–272.
- Олейник О.С. (2017). Институциональное обеспечение процесса стратегического планирования в Российской Федерации // Региональная экономика. Юг России. № 1 (15). С. 47–56. DOI: 10.15688/re.volsu.2017.1.5
- Панасюк М.В. (2005). Управление регионом: территориальный подход: монография. Казань: Фолиант. 161 с. URL: <https://kpfu.ru/docs/F1189854637/PanUpr.pdf>
- Перевозчикова Н.А. (2021). «Индикаторное понимание» как инструмент оценки сбалансированности развития территорий в условиях экономических трансформаций // Стратегия устойчивого развития в антикризисном управлении экономическими системами: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 8 апреля 2021 г.). Донецк: Донецкий нац. технический ун-т. С. 170–174. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47134424_84901711.pdf
- Поросенков Ю.В. (2014). Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20–30-х годах XX века // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: География. Геоэкология. № 3. С. 116–126.
- Прокопьева Е.Л. (2018). Источники и механизмы повышения региональной эффективности страхования: монография. Новосибирск: СибАК. 208 с.
- Рыков А.Н. (2018). К вопросу о способах территориальной организации муниципальной власти в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. № 2. С. 66–71. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36452634_83060128.pdf
- Рязанцева Н.А. (2019). Формирование информационного обеспечения анализа развития экономики регионов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. № 1. С. 43–49.
- Сдасюк Г.В. (2016). Н.Н. Баранский – основоположник отечественной экономической географии: развитие идей, предупреждение рисков региональной дезинтеграции России в XXI веке (к юбилею 135-летия со дня рождения Н.Н. Баранского) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. № 5. С. 25–38.
- Скрипкина Т.Б. (2017). Проблемы статистического анализа инфраструктуры Арктической зоны Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. № 3. С. 112–130.
- Ткач Е.С. (2022). Оценка влияния местного бюджета на человеческий капитал территории: исторические и современные аспекты // Экономика региона. Т. 18. № 1. С. 237–251. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-17
- Толмачев Д.Е. (2021). Методика выделения границ агломераций на основе статистических данных // Экономика региона. Т. 17. № 1. С. 44–58. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-4
- Торосов В.М. (2012). Экономика региона (мезоэкономика): аспекты теории и практики: монография. Абакан: Ред.-изд. сектор ХТИ – филиала СФУ. 321 с.
- Чельшков П.Д., Седов А.В., Лысенко Д.А. (2013). Информационная модель интернет-портала градостроительного развития территорий г. Москвы // Вестник МГСУ. № 10. С. 317–321.
- Шалимов В.О. (2022). Использование результатов государственной кадастровой оценки для экономического анализа // Проблемы развития территории. Т. 26. № 4. С. 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.2
- Щербаков В.С. (2016). Разработка методики анализа инвестиционной привлекательности регионов на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ // Вести Забайкальского гос. ун-та. Т. 22. № 3. С. 120–130 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25728772_91525094.pdf

- Яшина Н.И. (2015). Исследование инвестиционной привлекательности регионов // *Управленец*. № 6 (58). С. 44–51.
- Barnabè F., Nazir S. (2022). Conceptualizing and enabling circular economy through integrated thinking. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 29 (2), 448–468. Available at: <https://doi.org/10.1002/csr.2211>
- Brown J., Dillard J. (2014). Integrated reporting: On the need for broadening out and opening up. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 27 (7), 1120–1156. Available at: <https://doi.org/10.1108/AAAJ-04-2013-1313>
- Busco C., Granà F., Achilli G. (2021). Understanding integrated thinking: Evidence from the field, the development of a framework and avenues for future research. *Meditari Accountancy Research*, 29 (4), 673–690. Available at: <https://doi.org/10.1108/MEDAR-04-2021-1263>
- Dumay J., Dai T. (2017). Integrated thinking as a cultural control? *Meditari Accountancy Research*, 25 (4), 574–604. Available at: <https://doi.org/10.1108/MEDAR-07-2016-0067>
- Feng T., Cummings L., Tweedie D. (2017). Exploring integrated thinking in integrated reporting – An exploratory study in Australia. *Journal of Intellectual Capital*, 18 (2), 330–353.
- Gunarathne N., Wijayasundara M., Senaratne S., Kanchana P., Cooray T. (2021). Uncovering corporate disclosure for a circular economy: An analysis of sustainability and integrated reporting by Sri Lankan companies. *Sustainable Production and Consumption*, 27, 787–801. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.spc.2021.02.003>
- Kunc M.H., Barnabè F., Giorgino M.C. (2020). Mapping circular economy processes in integrated reporting: A dynamic resource-based approach. In: L. Songini, A. Pistoni, P. Baret (eds.). *Non-financial Disclosure and Integrated Reporting. Practices and Critical Issues*, 83–106.
- La Torre M., Bernardi C., Guthrie J., Dumay J. (2019). Integrated Reporting and Integrating Thinking: Practical Challenges. In: Arvidsson S. (eds). *Challenges in Managing Sustainable Business*. Palgrave Macmillan, Cham, 25–54. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-93266-8_2
- Malafronte I., Pereira J. (2021). Integrated thinking: Measuring the unobservable. *Meditari Accountancy Research*, 29 (4), 805–822. Available at: <https://doi.org/10.1108/MEDAR-12-2019-0640>
- Rinaldi L. (2020). Integrated thinking for stakeholder engagement: A processing model for judgments and choice in situations of cognitive complexity. In: De Villiers C., Kelly Hsiao P.-C., Maroun W. (eds.). *The Routledge Handbook of Integrated Reporting*. 1st Ed. Routledge. London. Available at: https://www.researchgate.net/publication/339722336_Integrated_thinking_for_stakeholder_engagement_A_processing_model_for_judgments_and_choice_in_situations_of_cognitive_complexity

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Сергеевна Еремеева – кандидат экономических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Российская Федерация, 655017, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90; e-mail: yeremeevaos@yandex.ru)

Eremeeva O.S.

PROBLEMS OF INFORMATION SUPPORT FOR ECONOMIC ANALYSIS OF THE TERRITORY

The article is devoted to the problem of improving information support of territorial economic analysis. The paradox of the dependence of the tasks assigned to analysts on the availability of existing basic information is shown: the analysis is carried out on something that is there, rather than something that is needed. The effectiveness of such analysis for managerial decision-making is questioned. There is a lack of official information on the territories, allocated by

non-administrative criteria. The purpose of the study is to identify the problems of information support of territory's economic analysis. To achieve the purpose, the existing approaches to the definition of the concepts of "territory" and "region" are revealed. We propose to apply the term "territory" in the context of territorial economic analysis, since the concept of "region" has been firmly established in relation to administrative boundaries. The existing approaches of the theory of regional science to the definition of the region as an administrative and territorial unit and socio-economic system, functioning within certain geographical boundaries, are revealed. The problems of information support of territory's economic analysis from the position of these two approaches are discussed. The process of establishing a regional economy based on the needs of an economic rather than an administrative region is studied. The importance of finding effective ways to collect, summarize and present information about the territory is explained. As a solution to the problems outlined in the article, we propose to develop the concept of integrated reporting territory as an economic region, which involves making decisions taking into account the links within the resources of the territory and with the external environment in the aspect of the vision of the territory's future. The results obtained can be used in the development of an alternative to statistical reporting, acting as a source of information for the territory's economic analysis.

Territory, region, territory management, integrated reporting, statistical reporting, economic region, administrative region, territory information.

REFERENCES

- Anokhin E.V. (2021). Assessing the competitiveness in regional marketing. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 17(1), 130–144. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-10 (in Russian).
- Bardakhanova T.B. (2022). Information support for the study of environmental and economic aspects of regional development. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal=Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*, 4(72) (in Russian).
- Barnabè F., Nazir S. (2022). Conceptualizing and enabling circular economy through integrated thinking. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 29(2), 448–468. Available at: <https://doi.org/10.1002/csr.2211>
- Bochko V.S. (2013). Vital stability of territory: The contents and ways of strengthening. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 3(35), 26–37. DOI: 10.17059/2013-3-2 (in Russian).
- Brown J., Dillard J. (2014). Integrated reporting: On the need for broadening out and opening up. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 27(7), 1120–1156. Available at: <https://doi.org/10.1108/AAAJ-04-2013-1313>
- Burakov N.A., Rubinshtein A.Ya. (2020). Theoretical and applied aspects of measuring the economic growth potential of Russian regions. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 16(1), 24–50. DOI: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.024-050> (in Russian).
- Busco C., Granà F., Achilli G. (2021). Understanding integrated thinking: Evidence from the field, the development of a framework and avenues for future research. *Meditari Accountancy Research*, 29(4), 673–690. Available at: <https://doi.org/10.1108/MEDAR-04-2021-1263>
- Chelyshkov P.D., Sedov A.V., Lysenko D.A. (2013). Information model of the internet portal of Moscow urban development. *Vestnik MGSU*, 10, 317–321 (in Russian).
- Doroshenko Yu.A. (2022). Identification of industrial and innovative development models of regional economic systems. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 18(1), 78–91. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-6 (in Russian).
- Dumay J., Dai T. (2017). Integrated thinking as a cultural control? *Meditari Accountancy Research*, 25(4), 574–604. Available at: <https://doi.org/10.1108/MEDAR-07-2016-0067>

- Feng T., Cummings L., Tweedie D. (2017). Exploring integrated thinking in integrated reporting – An exploratory study in Australia. *Journal of Intellectual Capital*, 18(2), 330–353.
- Gershanok G.A. (2006). Social, economical and ecological territory capacity within the stability's assessment of its development. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 4(8), 166–180 (in Russian).
- Gorshenina E.V. (2009). *Regional'nye ekonomicheskie issledovaniya: teoriya i praktika: monografiya* [Regional Economic Research: Theory and Practice: A Monograph]. Tver: Tver State University.
- Gunarathne N., Wijayasundara M., Senaratne S., Kanchana P., Cooray T. (2021). Uncovering corporate disclosure for a circular economy: An analysis of sustainability and integrated reporting by Sri Lankan companies. *Sustainable Production and Consumption*, 27, 787–801. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.spc.2021.02.003>
- Kislaya T.N. (2019). Research of approaches to the definition of concepts “region” and “regional economy”. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya=Research Result. Economic Research*, 5(2), 22–31. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-2-0-3 (in Russian).
- Kolesnikov Yu.S. (2021). Region as an Aggregate Economic Entity: Toward a Statement of the Problem. In: *Mnogopolyarnaya globalizatsiya i Rossiya: mat-ly VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati A.Yu. Arkhipova (Rostov-na-Donu – Taganrog, 20–22 maya 2021 g.)* [Multipolar Globalization and Russia: proceedings of the 8th International Scientific-Practical Conference in Memory of A.Y. Arkhipov (Rostov-on-Don – Taganrog, May 20–22, 2021)]. Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University.
- Kozlovskaya O.V. (2006). The region as a typological concept. *Sibirskaya finansovaya shkola=Siberian Financial School*, 3(60), 6–12. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11609850_53365456.pdf (in Russian).
- Kunc M.H., Barnabè F., Giorgino M.C. (2020). Mapping circular economy processes in integrated reporting: A dynamic resource-based approach. In: Songini L., Pistoni A., Baret P. (Eds.). *Non-financial Disclosure and Integrated Reporting. Practices and Critical Issues*.
- Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V. (2019). *Sistemnaya diagnostika ekonomiki regiona* [System Diagnostics of the Region's Economy]. Moscow: Lenand.
- La Torre M., Bernardi C., Guthrie J., Dumay J. (2019). Integrated reporting and integrating thinking: Practical challenges. In: Arvidsson S. (Ed). *Challenges in Managing Sustainable Business*. Cham: Palgrave Macmillan. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-93266-8_2
- Leizerovich E.E. (2010). The grid of economic microdistricts of Russia. The 2008 version. *Regional'nye issledovaniya*, 4(30), 14–28 (in Russian).
- Loseva O.V. (2014). Factors of increasing the investment attractiveness of regions. *Kontsept=Koncept*, 20, 3626–3630 (in Russian).
- Malafronte I., Pereira J. (2021). Integrated thinking: Measuring the unobservable. *Meditari Accountancy Research*, 29(4), 805–822. Available at: <https://doi.org/10.1108/MEDAR-12-2019-0640>
- Minakir P.A. (2014). Economic analysis and measurements: Spatial case. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 1, 12–39 (in Russian).
- Nekrasov N.N. (1978). *Regional'naya ekonomika. Teoriya, problemy, metody* [Regional Economy. Theory, Problems, Methods]. Moscow: Ekonomika.
- Oleinik O.S. (2008). Formation of a regional statistical information and analytical system. *Ekonomika razvitiya regiona: problemy, poiski, perspektivy*, 9, 265–272 (in Russian).
- Oleinik O.S. (2017). Institutional ensuring of the process of strategic planning in the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii=Regional Economy. The South of Russia*, 1(15), 47–56. DOI: 10.15688/re.volsu.2017.1.5 (in Russian).
- Panasyuk M.V. (2005). *Upravlenie regionom: territorial'nyi podkhod: monografiya* [Management of the Region: A Territorial Approach: A Monograph]. Kazan: Foliant. Available at: <https://kpfu.ru/docs/F1189854637/PanUpr.pdf>
- Perevozchikova N.A. (2021). “Indicator understanding” as a tool for assessing the balance of the de-

velopment of territories in the conditions of economic transformations. In: *Strategiya ustoichivogo razvitiya v antikrizisnom upravlenii ekonomicheskimi sistemami: mat-ly VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Donetsk, 8 aprelya 2021 g.)* [Strategy for Sustainable Development in Anti-crisis Management of Economic Systems: Proceedings of the 7th International Scientific-Practical Conference (Donetsk, April 8, 2021)]. Donetsk: Donetsk National Technical University. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47134424_84901711.pdf

- Porosenkov Yu.V. (2014). Formation of the theoretical foundations of the domestic economic geography in the 20–30 years of the twentieth century. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Geografiya. Geoekologiya=Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, 3, 116–126 (in Russian).
- Prokopeva E.L. (2018). *Istochniki i mekhanizmy povysheniya regional'noi effektivnosti strakhovaniya: monografiya* [Sources and Mechanisms of Increasing Regional Efficiency of Insurance: A Monograph]. Novosibirsk: SibAK.
- Rinaldi L. (2020). Integrated thinking for stakeholder engagement: A processing model for judgments and choice in situations of cognitive complexity. In: De Villiers C., Kelly Hsiao P.-C., Maroun W. (Eds.). *The Routledge Handbook of Integrated Reporting*. 1st edition. London: Routledge. Available at: https://www.researchgate.net/publication/339722336_Integrated_thinking_for_stakeholder_engagement_A_processing_model_for_judgments_and_choice_in_situations_of_cognitive_complexity
- Ryazantseva N.A. (2019). Creation of information support for the analysis of the development of the regional economy. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 1, 43–49 (in Russian).
- Rykov A.N. (2018). To a question of ways of the territorial organization of municipal authority in the Russian Federation. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii=Bulletin of the Russian Law Academy*, 2, 66–71. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36452634_83060128.pdf (in Russian).
- Sdasyuk G.V. (2016). Prof. N.N. Baransky as a founder of Russian economic geography: Ideas development, prevention of Russia regional disintegration 21st century (on the occasion of his 135th birthday). *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov*, 5, 25–38 (in Russian).
- Shalimov V.O. (2022). Using the results of the state cadastral valuation for economic analysis. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(4), 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.2 (in Russian).
- Shcherbakov V.S. (2016). The methodology's development for analysis of investment attractiveness of Siberian regions of the Russian Federation. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta=Transbaikal State University Journal*, 22(3), 120–130. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25728772_91525094.pdf (in Russian).
- Skripkina T.B. (2017). Issues of statistical analysis of infrastructure of the arctic zone of the Russian Federation. *Vestnik NGUEU=Vestnik NSUEM*, 3, 112–130 (in Russian).
- Tkach E.S. (2022). Assessment of the impact of local budgets on regional human capital: Historical and contemporary aspects. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 18(1), 237–251. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-17 (in Russian).
- Tolmachev D.E. (2021). Methodology for identifying the boundaries of agglomerations based on statistical data. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 17(1), 44–58. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-4 (in Russian).
- Torosov V.M. (2012). *Ekonomika regiona (mezoekonomika): aspekty teorii i praktiki: monografiya* [Regional Economy (Meso-economics): Aspects of Theory and Practice: A Monograph]. Abakan: Red.-izd. sektor KhTI – filiala SFU.
- Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. (2010). Image and reputation as strategic components of non-material actives of territory. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 3(23), 95–103 (in Russian).

- Yashina N.I. (2015). Studying investment attractiveness of regions. *Upravlenets=The Manager*, 6(58), 44–51 (in Russian).
- Zakharchuk E.A. (2011). Russian Federation regions classification according to criterion of self-developing. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 3(27), 54–63. DOI: 10.17059/2011-3-6 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga S. Eremeeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Katanov Khakass State University (90, Lenin Avenue, Abakan, 655017, Russian Federation; e-mail: yeremeevaos@yandex.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.4

УДК 336.226.4 | ББК 65.261

© Палкина Д.С.

ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА ПАЛКИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: palkina.darya2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3434-4173

Хозяйствующим субъектам в современных условиях приходится претерпевать постоянные изменения, что не может не сказаться на экономическом, социальном и экологическом развитии территорий их присутствия. В связи с этим разработаны стратегические документы для поддержания как бизнеса, так и территорий (Цели устойчивого развития ООН, ESG-повестка и др.). В качестве одной из задач в них ставится обеспечение экологической безопасности. Этому способствует применение эффективных финансовых инструментов, которые выполняют не только фискальную, но и стимулирующую функцию. Стимулирование должно быть направлено главным образом на внедрение низкоуглеродных технологий, модернизацию оборудования, рациональное использование ресурсов, развитие экоповедения на предприятиях и др. Общемировой тенденцией является внедрение такого экономического механизма регулирования, как экологическое налогообложение. Его система в России пока не выстроена, поэтому приобретают актуальность изучение принципов экологического налогообложения, их обобщение и реализация на практике, что и стало целью нашего исследования. Проанализированы принципы экологического налогообложения, разработанные зарубежными организациями и отечественными учеными. Проведена оценка текущего уровня внедрения данных принципов на предприятиях в российских регионах. В результате исследования был сделан вывод о том, что крупнейшие предприятия цветной металлургии ПАО «Норникель» и ПАО «Русал», а также территории их базирования уже реализуют основные принципы экологического налогообложения. При этом стоит учитывать, что в России есть определенные налоги, которые относятся к экологическим. В ходе работы применялись методы системного

Для цитирования: Палкина Д.С. (2023). Принципы экологического налогообложения и их реализация в регионах России // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 47–60. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.4

For citation: Palkina D.S. (2023). Principles of ecological taxation and their implementation in Russian regions. *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 47–60. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.4

анализа, табличной и графической визуализации данных, статистические методы обработки исходных данных.

Экологическое налогообложение, принципы, цветная металлургия, экология, регион, социально-экономическое развитие, налоговая система.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Многие отечественные ученые (Ильин и др., 2021; Курбацкий, Шаклеина, 2022; Фомина, 2022; Когденко, Казакова, 2023) рассматривают влияние хозяйствующих субъектов на устойчивое развитие отдельных регионов и страны в целом. Изучается их воздействие не только на экономическую, но и на экологическую составляющую. Так, экстерналии от промышленных предприятий имеют как положительный (налоги в бюджет, создание рабочих мест, поддержка регионов присутствия и т. д.), так и отрицательный эффект (нарушение природно-сырьевого баланса и загрязнение территорий, зависимость регионов от предприятий и т. д.) (Печенская-Полищук, Малышев, 2022). В связи с этим вопрос изучения эффектов от предприятий носит актуальный и дискуссионный характер.

Годы потребления компаниями природных ресурсов дали о себе знать – все больше ученых и экспертов заговорили о бережном обращении с биосферой и эффективном использовании резервов биома. Президент России В.В. Путин также неоднократно обращал на это внимание: «В России вопросы бережного, рачительного использования природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности, качества жизни людей находятся в числе ключевых государственных приоритетов»¹.

Российская Федерация – страна с огромным ресурсным потенциалом, которая с каждым годом увеличивает интенсивность

его потребления. Подтверждением является факт наращивания производственных мощностей крупными промышленными компаниями. Российские корпорации последние десятилетия держали тренд на увеличение количественных показателей. Так, удельный вес валовой добавленной стоимости промышленного производства в валовом внутреннем продукте за 2010–2021 гг. в среднем составил 27,6%. Индекс промышленного производства ежегодно возрастал, за исключением 2020 года вследствие пандемийных ограничений (рис. 1). При этом вклад металлургической отрасли в ВВП составляет около 5%, вместе с тем от нее зависят и другие базовые отрасли экономики: промышленность, строительство и топливно-энергетический комплекс, которые в совокупности дают 58% ВВП².

Если говорить про динамику выпуска продукции в РФ, то за 2017–2020 гг. она показала стабильное развитие цветной металлургии, обусловленное как ростом цен на сырьевые товары, так и увеличением спроса. Без учета ценового фактора произошло наращивание объемов продукции в 2020 году по сравнению с 2017 годом более чем в 2 раза в производстве алюминия и в 1,3 раза – в производстве меди (Палкина, 2022).

Таким образом, предприятия – важнейшие субъекты, обеспечивающие устойчивое развитие территорий. В связи с этим были разработаны стратегические документы (Цели устойчивого развития ООН, ESG-повестка) для эффективного регулирования бизнеса

¹ Приветствие от В.В. Путина участникам, организаторам и гостям IX Невского международного экологического конгресса. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/65691>

² Связаны одной целью. Металлургия стала базой для трех индустриальных отраслей, дающих в сумме 58% ВВП. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3947600>

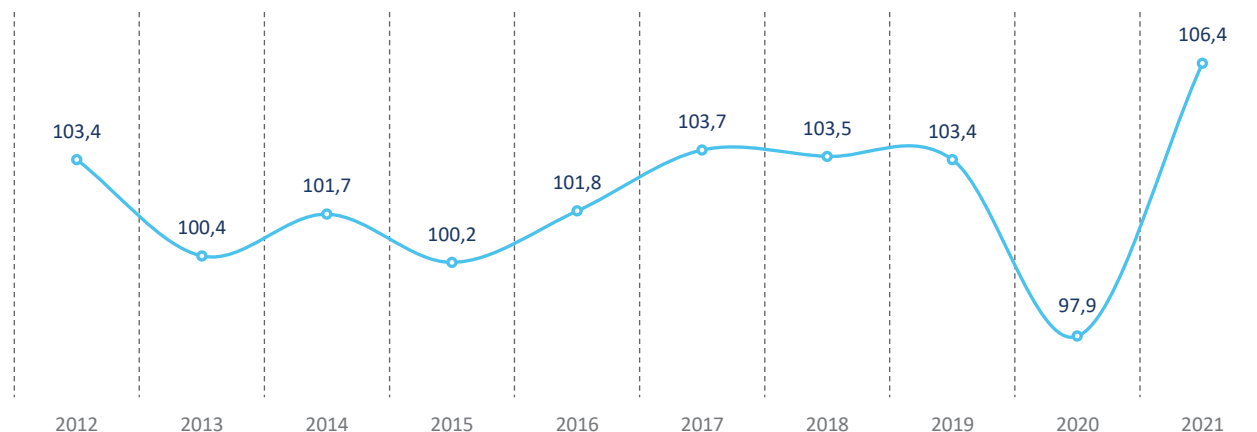

Рис. 1. Индекс промышленного производства, % к предыдущему году

Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru>

в вопросах управления. Экология является одним из факторов ESG-повестки, включающим стремление к сбережению природных ресурсов и уменьшению загрязнения планеты, то есть обеспечение ее экологической безопасности.

Эта цель выступает одной из приоритетных для России, что подтверждается перечнем национальных целей и стратегических задач развития страны⁵, а также положениями Стратегии экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года. Государственная политика в сфере экологии устанавливает своим ориентиром решение социально-экономических задач, обеспечивающих низкоуглеродное устойчивое развитие, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов⁴.

Несмотря на реализацию экологической повестки, качество окружающей среды в ряде регионов РФ продолжает ухудшаться, а экологические проблемы решаются однонаправленно (например, только количественное снижение выбросов в атмосферу). Так, в Красноярском крае за 2012–2021 гг. снизился объем выбросов в атмосферу ос-

новных загрязняющих веществ (SO₂ и твердые вещества) на 386,9 тыс. т (18%), однако показатели выбросов CO и летучих органических соединений (ЛОС) увеличились на 219,6 тыс. т (84%). Следовательно, предприятия региона не учитывают ограниченную способность экосистемы к самоочищению. Также показатели качества окружающей среды не соответствуют нормативам по допустимым выбросам загрязняющих веществ. Так, в г. Норильске произошло снижение выбросов взвешенных веществ в атмосферу, но их содержание в воздухе в 2021 году превысило установленный ФЗ № 96 «Об охране атмосферного воздуха» норматив⁵ в 1,5 раза⁶.

В связи со сказанным необходимы инструменты, которые смогут воздействовать на хозяйствующие субъекты с целью защиты и поддержания экологии регионов. В развитых странах к таким инструментам относится экологическое налогообложение. С его помощью государство может осуществлять регулирование экологической обстановки на предприятиях и территориях их присутствия. В России есть определенный опыт внедрения и реализации экологического

⁵ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204.

⁴ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

⁵ Нормативы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на атмосферный воздух. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/7a6a4402ec7ed4714d5d7bc2b44edd5310f15bef

⁶ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. Москва: Минприроды России; МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. 684 с.

налога, но система экологического налогообложения пока не сформировалась. Решить этот вопрос важно как для всей страны в целом, так и для регионов, особенно тех, где базируются крупные промышленные предприятия, оставляющие негативный экологический след, который сложно оценить в полной мере. Также дискуссии вызывает регулирование последствий.

Ученые предлагают определения и принципы экологического налогообложения, но данный вопрос пока остается недостаточно исследованным. Страны Европы как основоположники экологического налогообложения разрабатывают определение и принципы с учетом собственной специфики и ориентируются на свою политику. Россия придерживается своих целей развития, в связи с чем возникает потребность в выделении принципов, актуальных для страны в современных условиях.

Цель нашей работы заключается в исследовании существующих принципов экологического налогообложения и их реализации на конкретных предприятиях в РФ. Данный вопрос является важным при разработке системы экологического налогообложения, так как в российском законодательстве его определение и принципы официально не закрепились.

Научная новизна работы состоит в обобщении принципов экологического налогообложения в современных условиях. Результаты могут быть использованы органами государственной власти при разработке стратегических документов по экономической и экологической политике. Также они будут полезны широкому кругу исследователей, занимающихся вопросами налогообложения, анализом экологической ситуации в регионах с крупными промышленными комплексами, проблемами и перспективами региональной экономики в целом.

Теоретические аспекты экологического налогообложения

В современной России понятие экологического налогообложения окончательно не сформировано, хотя вокруг него проходят активные дискуссии и многие авторы стараются ввести его определение, рассматривают актуальные для России принципы.

Например, преференциальные возможности экологического налогообложения исследуют А.А. Заворыкин, Л.С. Самоделко, М.В. Карп (Заворыкин, 2017; Самоделко, Карп, 2020), Б. Бенуа⁷.

Применению налогов в реализации экологической политики посвящены работы зарубежных (Opshoor, Vos, 1989; Helm, Pearce, 1990), а также российских (Голуб, Гофман, 1992; Заворыкин, 2017) ученых. Налогам отводится важное место в решении экологических задач. Исследователи пытаются установить зависимость между вносимыми в бюджет экологическими платежами и вредом, причиняемым природе промышленными предприятиями.

Видение и понимание системы экологического налогообложения в Российской Федерации в последнее время отражены в работах (Солнышкова, 2017; Титова, 2017; Шувалова и др., 2017); Т.А. Малининой, В.В. Громова⁸. При этом в них отсутствует системный подход к дефинициям «экологизация налогообложения», «система экологического налогообложения», «экологический налог». Авторы останавливаются на вопросах классификации экологических налогов и сборов и понимании их сущности.

Целесообразность применения экологических налогов впервые на законодательном уровне была закреплена в 1973 году Европейским союзом⁹ на базе критериального выделения в виде принципа «загрязнитель платит». Таким образом, в этот период введено стоимостное покрытие экологиче-

⁷ Бенуа Б. (2001). Экологизация налоговой системы в России. Москва: Российский университет. 116 с.

⁸ Малинина Т.А., Громов В.В. (2015). Перспективы экологизации налоговой системы Российской Федерации. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС. 84 с.

⁹ Калиниченко П.А. Шестая программа действий Европейского Сообщества в области окружающей среды и комментарий к ней: перевод и комментарий. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/shestaya-programma-dejstvuj-evropejskogo-soobshhestva-v-oblasti-okruzhayushhej-sredy-i-kommentarij-nej-perevod-i-kommentarij-p-a-kalinichenko>

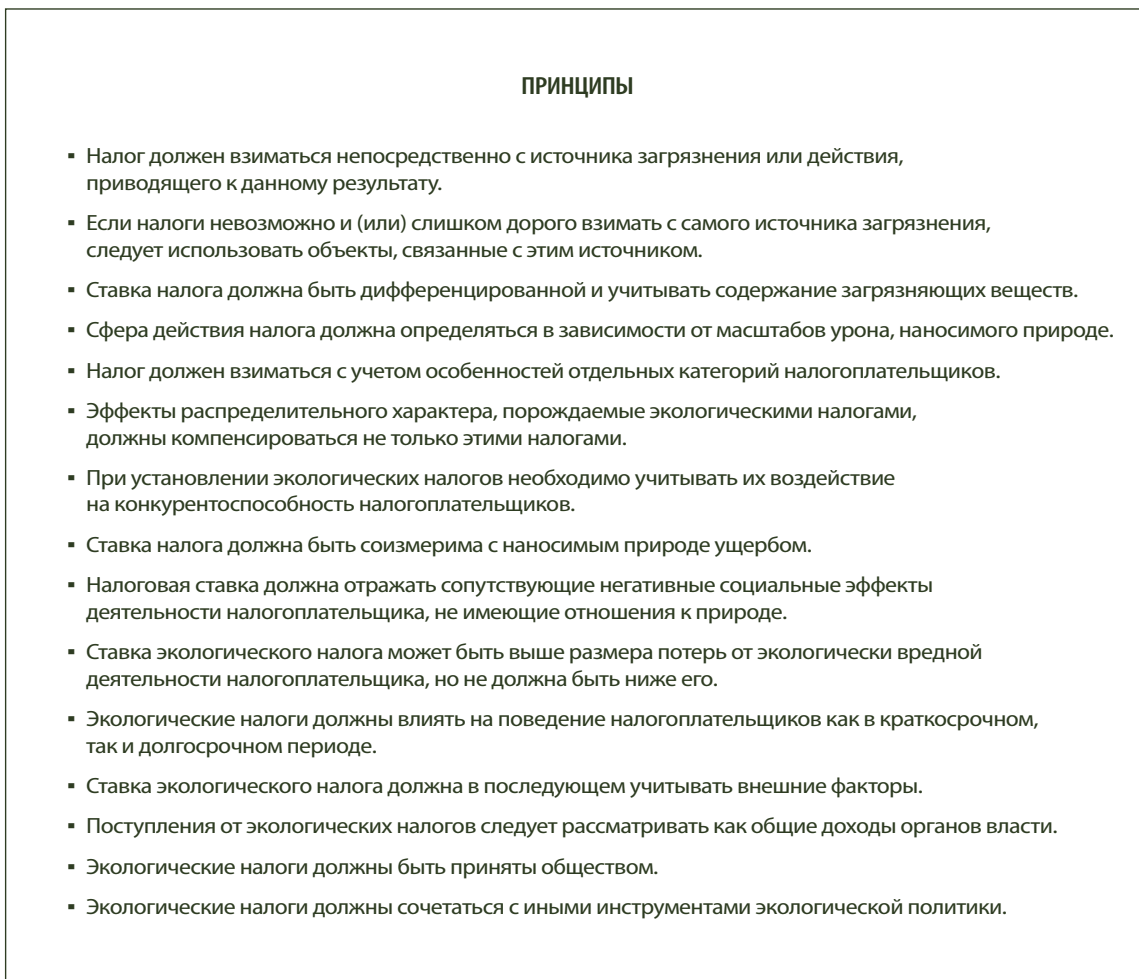

Рис. 2. Принципы экологического налогообложения, разработанные ОЭСР

Источник: Громов В.В., Малинина Т.А. (2015). Перспективы экологизации налоговой системы Российской Федерации. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС. 84 с.

ских издержек, произошел переход к экономическим методам воздействия на экологические процессы, а процесс экологизации стал осуществляться на методологической основе при сохранении нейтральности налоговой системы.

В связи с этим существует определенный пласт работ, посвященных экологическому налогообложению в странах ЕС и анализу уже имеющегося опыта его внедрения. Так, зарубежные авторы обсуждают эффективность экологического налогообложения в европейских странах (Cadoret et al., 2020; Jurušs, Brizga, 2017), современные тренды и тенденции (Aydin, Esen, 2018; Delgado et al., 2022). Особое внимание уделяется углеродному налогу (Banet, 2017; Marron, Toder, 2014).

В последние годы многие ученые обращались к понятию экологических налогов. В рамках работы мы будем придерживаться трактовки Федеральной службы государственной статистики (Росстат)¹⁰: экологический налог – это налог, исчисляемый на базе показателя (измеряемого в натуральных или заменяющих их единицах), отражающего явление, имеющее доказанное специфическое негативное влияние на окружающую среду.

Мировые организации и ученые выводят принципы экологического налогообложения, так как именно на их основе функционируют налоги. К примеру, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предложила 15 принципов для экологического налога (рис. 2). Они разработа-

¹⁰ Методические указания по формированию счета экологических налогов и платежей. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

тывались в качестве основы экологического налогообложения для применения в разных странах.

Указанные принципы являются обширными и носят рекомендательный характер, что позволяет трактовать их с разных точек зрения, поэтому исследователи рассматривают их как образец и преобразуют в соответствии со своей позицией и сферой применения экологического налогообложения.

Научным сообществом был проведен анализ, показавший, что эти принципы применимы только в Европе, так как системы налогообложения других стран значительно отличаются. На основе зарубежного опыта выводятся принципы реализации экологических налогов для отдельных стран.

Например, Н.А. Хуторова, Р.А. Абдуллин сформулировали следующие принципы для России:

- принцип «загрязнитель платит»;
- переход экологических платежей за «выбросы в атмосферу» на платежи за «выбросы в экономику» – на используемое сырье и энергию;
- платежи на экологически неприемлемую продукцию;
- налоговые реформы: смещение налогов с труда и капитала на потребление природных ресурсов; переход на низкоуглеродную экономику;
- экологические субсидии и финансовые стимулы;
- торговля неиспользованными квотами выбросов (Хуторова, Абдуллин, 2012).

В работе (Макарова, 2016) названо 11 принципов. Перечислим некоторые из них:

1) обеспечение развития ресурсосберегающих технологий, а также появление новых товаров или ресурсов, оказывающих меньшее негативное воздействие на окружающую среду;

2) экологический налог должен взиматься непосредственно с источника загрязнения и учитывать по мере возможности фактические показатели негативного воздействия;

3) ставка налога должна быть дифференцированной, т. е. зависеть от вида и уровня загрязняющих веществ;

4) при установлении налогов необходимо учитывать их воздействие на платежеспособность налогоплательщиков и конкурентоспособность товаров, включающих экологический налог в свою стоимость;

5) в отношении опасных веществ следует использовать лимиты и запреты, а в отношении неопасных веществ необходимо применять налоги.

Отечественными учеными (Самоделко, Карп, 2020) на основе зарубежного опыта сделан вывод о том, что принципы экологического налогообложения делятся на две группы: общепринятые (нейтральность, эффективность, простота построения, гибкость) и специфические («загрязнитель платит», наилучших существующих технологий).

В табл. 1 обобщены мнения ученых относительно принципов экологического налогообложения.

Таким образом, можно обозначить ключевые принципы: «загрязнитель платит», бюджетная нейтральность, эффективность и гибкость.

Таблица 1. Принципы экологического налогообложения с позиции разных авторов

Принцип	ОЭСР	Н.А. Хуторова, Р.А. Абдуллин	И.А. Макарова	Л.С. Самоделко, М.В. Крап
«Загрязнитель платит»	+	+	+	+
Бюджетная нейтральность	+	+	+	+
Гибкая система налогообложения	+	+	+	+
Эффективность	+	+	+	+
Стимулирование	+	–	–	–
Сочетание с другими инструментами	+	+	+	–
Источник: составлено автором.				

Результаты и обсуждение

Для России принципы ОЭСР не всегда применимы, поэтому важно выделить и добавить к уже разработанным те принципы, которые смогут отразить все необходимые аспекты, присущие российской экономике.

Экологическое налогообложение опирается как на общепринятые принципы налогообложения, так и на специфические, характерные только экологическим фискальным платежам («загрязнитель платит» и использование наилучших доступных технологий). В российской налоговой системе уже присутствуют налоги, которые можно отнести к экологическим, однако они имеют только фискальную функцию, тогда как в мировом сообществе признано, что экологическое налогообложение должно совмещать в себе все функции налогов. Поэтому актуальна задача разработать такие принципы, которые смогут способствовать реализации фискальной, контрольной и регулирующей функций налогообложения. На наш взгляд, основные принципы экологического налогообложения должны соответствовать следующим критериям:

- четкое разделение экологических налогов от других (принцип соответствия);
- совмещение функций налогообложения;
- реализация эффективного государственного регулирования в экологической политике регионов и хозяйствующих субъектов (бюджетная нейтральность);

- гибкость применяемых налогов в изменяющихся условиях (принцип гибкости);
- внедрение современных методик и технологий оценки нанесенного вреда (принцип сопоставимости);
- применение лучших зарубежных практик и экологических технологий (принцип стимулирования).

На основе вышеизложенного представим основные принципы, которые можно применить при разработке и внедрении экологического налогообложения в России (табл. 2). С их помощью возможно внести необходимые изменения в деятельность промышленных предприятий, что в свою очередь скажется на экологической безопасности регионов базирования. Так, данные принципы помогут увеличить экологическую ответственность предприятий, что отразится на здоровье населения, региональной политике и других факторах.

Эффективность регулирования экологических процессов посредством налогообложения закладывается на этапе формулирования и выделения принципов налогообложения, т. к. от принципов будет зависеть реализация оптимального налогового инструментария.

Для внедрения экологического налогообложения необходимо изучить готовность к таким изменениям в налоговой системе предприятий как основных субъектов, наносящих вред окружающей среде, так и регионов их базирования. Рассмотрим экологи-

Таблица 2. Соотнесение ключевых принципов экологического налогообложения с функциями налогов

Принцип	Содержание
«Загрязнитель платит»	Субъект несет ответственность за причиняемый экологический ущерб
Сопоставимость	Уплаченные налоги за приносимый вред окружающей среде должны быть соотносимыми с принесенным вредом
Бюджетная нейтральность	Применение экологических налогов и сборов не должно приводить к увеличению налоговой нагрузки налогоплательщиков
Стимулирование	Введение определенных льгот и поддержки для субъектов, которые являются экологическими
Гибкость системы экологического налогообложения	Применение экологических налогов должно проводиться с учетом особенностей субъекта
Соответствие	Четкое определение и отделение экологических налогов от других видов налогов
Источник: составлено автором.	

Таблица 3. Затраты и расходы на охрану окружающей среды ПАО «Норникель», млн руб.

Вид затрат	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2017 году
Текущие затраты на охрану окружающей среды	20907,06	19161	21579,19	21812,9	18076,68	0,865
Инвестиции в охрану окружающей среды	4981,95	12607,28	17006,12	10380,65	31928,04	6,409
Плата за допустимые и сверхнормативные выбросы (сбросы) загрязняющих веществ	626,79	695,18	886,9	2420,83	2563,56	4,090
Средства, взысканные в возмещение ущерба, причиненного нарушением природоохранного законодательства	244,31	1,53	0	8,49	146205,3	598,442
Затраты и расходы, связанные с экологической сферой	26760,22	32464,99	39472,21	34622,91	198773,51	7,428

Источник: отчеты об устойчивом развитии компаний ПАО «Норникель» за 2017–2021 гг.

Таблица 4. Затраты и расходы на охрану окружающей среды ПАО «Русал», млн руб.

Вид затрат	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2017 году
Затраты на охрану окружающей среды	7199,83	12736,30	6196,90	6393,35	10180,99	1,41
Охрана атмосферного воздуха	н. д.	н. д.	3194,37	3160,52	5149,43	–
Экологические платежи за загрязнение окружающей среды	396,43	440,48	510,49	961,90	928,22	2,34
Экологические штрафы	2,09	1,11	0,32	2,17	5,89	2,81

Источник: отчеты об устойчивом развитии компаний ПАО «Русал» за 2017–2021 гг.

ческую политику крупнейших предприятий цветной металлургии на соответствие предложенным основным принципам.

Отрасль цветной металлургии играет значительную роль в российской экономике, формируя 9% от совокупного объема промышленного производства РФ. При этом деятельность предприятий отрасли считается одной из наиболее экологичных как при добыче, так и при использовании металлов¹¹, поэтому для изучения выбраны наиболее крупные (по выручке) российские предприятия: ПАО «Норникель» (Красноярский край) и ПАО «Русал» (Иркутская область) (Палкина, 2022).

1. «Загрязнитель платит»

На предприятии ПАО «Норникель» присутствуют платежи за нанесенный ущерб окружающей среде, а также инвестиции на поддержание экологических проектов (табл. 3). Данные отчетов показывают ежегодный прирост общих затрат на экологическую

сферу, что говорит о ежегодной необходимости увеличения инвестиций в нее.

Особенно ярко это проявилось в 2021 году, когда произошел учет штрафа в размере 146,2 млрд руб., наложенного судом за разлив дизельного топлива на ТЭЦ-3 АО «НТЭК» в мае 2020 года. Такие экологические инциденты акцентируют еще большее внимание на экологизации производств.

Рассматривая структуру затрат на охрану окружающей среды компании ПАО «Русал», можно также отметить их ежегодный рост (табл. 4). Стоит остановиться на росте экологических платежей за загрязнение окружающей среды и экологических штрафах, которые в 2021 году увеличились более чем в 2 раза по сравнению с 2017 годом. Это связано с ростом показателей добычи полезных ископаемых и производства цветных металлов. Следовательно, принцип «загрязнитель платит» уже реализуется на предприятиях.

¹¹ «Зеленые» технологии в промышленности: тренды greentech-направлений в 2021–2022 гг. (2022). Москва: НИУ ВШЭ. 19 с.

Таблица 5. Поступление в бюджет Красноярского края и Иркутской области основных экологических налогов и их доля в доходах субъектов за 2017–2021 гг.

Показатель	2017 год		2018 год		2019 год		2020 год		2021 год		2021 год к 2017 году	
	млрд руб.	доля	млрд руб.	доля	млрд руб.	доля	млрд руб.	доля	млрд руб.	доля	%	п. п.
Всего доходов												
Красноярский край	208,3	100,0	238,0	100,0	285,2	100,0	288,7	100,0	395,8	100,0	190,0	х
Иркутская область	136,6	100,0	163,3	100,0	194,9	100,0	207,7	100,0	253,1	100,0	185,2	х
Налоговые и неналоговые доходы												
Красноярский край	173,6	83,3	198,7	83,5	248,9	87,3	229,7	79,6	333,3	84,2	192,0	0,9
Иркутская область	114,3	83,7	137,7	84,3	143,4	73,6	139,6	67,2	187,9	74,3	164,4	-9,4
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами												
Красноярский край	13,0	6,3	14,1	5,9	15,6	5,5	17,9	6,2	18,3	4,6	140,0	-1,6
Иркутская область	1,8	1,3	2,0	1,2	2,2	1,1	3,0	1,5	3,6	1,4	199,5	0,1
Платежи при пользовании природными ресурсами												
Красноярский край	1,3	0,6	1,6	0,7	1,6	0,6	2,4	0,8	3,7	0,9	289,2	0,3
Иркутская область	1,4	1,0	2,2	1,3	2,3	1,2	3,2	1,5	1,5	0,6	108,7	-0,4
Источник: данные ФНС Красноярского края и Иркутской области.												

2. Бюджетная нейтральность

Данный принцип предусматривает, что с введением экологического налогообложения налоговое бремя компании как налогоплательщика не увеличится. Предполагается, что изменения коснутся структуры уже имеющихся налогов, а не введения нового. Рассмотрим поступления основных экологических налогов («Платежи при пользовании природными ресурсами» и «Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами») в бюджет территорий базирования исследуемых компаний (табл. 5).

В ходе анализа отчетов об исполнении бюджетов рассматриваемых регионов можно сделать вывод, что основную часть экологических налогов уплачивают компании, наносящие самый большой вред окружающей среде. В их число входят ПАО «Норникель» и ПАО «Русал».

Также стоит отметить, что эти налоги имеют тенденцию к росту, однако их доля в доходах регионов остается на уровне 5,5–7,0% в Красноярском крае и 2,0–3,0% в Иркутской области.

3. Гибкость системы экологического налогообложения

Реализация данного принципа будет проходить как учет специфики предприятий для применения санкций и преференций. В России есть предприятия самых разных сфер деятельности, некоторые из них наносят больше вреда окружающей среде, чем другие. Также регионы имеют разный уровень экономического развития и наличие таких предприятий может не только стать сильной стороной, но и привести к отрицательным эффектам. Экологическое налогообложение должно это предусматривать: следует назначать плату за негативное воздействие в соответствии со спецификой предприятия, территории его базирования и населения (Недосека, 2022).

4. Сопоставимость

В имеющейся литературе отсутствует точная методика оценки нанесенного экологического вреда, поэтому при использовании доступных современных технологий и методов необходимо разработать методику, максимально эффективную при расчетах

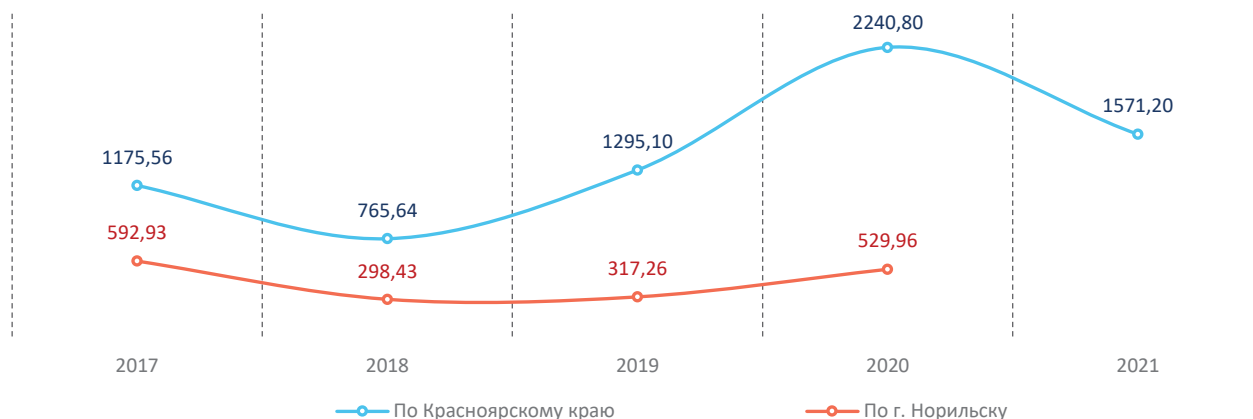

Рис. 3. Размер нанесенного вреда окружающей среде в Красноярском крае и в г. Норильске за 2017–2021 гг., млн руб.

Источник: О состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае в 2021 году: государственный доклад (2022). Красноярск. С. 317.

нанесенного вреда при экологических инцидентах.

Так, в Красноярском крае действует Министерство экологии и рационального природопользования региона. Оно ежегодно рассчитывает размер нанесенного окружающей среде вреда (рис. 3). Кроме того, присутствуют и другие организации, осуществляющие экологический надзор, а также рассчитывающие нанесенный ущерб. Таким образом, каждый орган власти проводит свою оценку, создавая тем самым поле для обсуждения размера нанесенного вреда.

Это важно в связи с экологическими инцидентами, которые часто носят спорный характер, особенно в случаях выплаты компенсации и штрафов. Примером является авария на ТЭЦ-3 в районе Кайеркан г. Норильска в 2020 году. По итогу инцидента компании был выставлен штраф на сумму 148 млрд руб. Руководство ПАО «Норникель» не согласилось с методикой расчета и провело независимую экспертизу, которая оценила размер штрафа в 21,4 млрд руб. Данная ситуация показывает важность разработки единой методики оценки и ее последующего внедрения на федеральный и региональный уровень.

5. Стимулирование

Как было сказано выше, экологическое налогообложение должно нести не только фискальную функцию, но и регулируемую.

Так, с помощью этого вида налогов можно влиять на применение предприятиями экологических технологий, лучших практик и сокращение выбросов. Для хозяйствующих субъектов будет иметь значение уровень экологизации предприятий. При постоянном наращивании производственных мощностей сложно снижать количество выбросов загрязняющих веществ, особенно в атмосферу. Количество выбросов не имеет четкой тенденции, а зависит от множества факторов (табл. 6), поэтому вопрос дополнительного стимулирования предприятий для модернизации оборудования и производства носит актуальный характер и требует проработки.

Таблица 6. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от российских корпораций цветной металлургии за 2009–2021 гг., тыс. т

Предприятие	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2017 году
ПАО «Русал»	339,6	332,2	347,5	352,4	368,9	1,086
ПАО «Норникель»	1846,2	1926,6	1952,7	1968,1	1646,9	0,892

Источник: отчеты об устойчивом развитии компаний ПАО «Русал» и ПАО «Норникель» за 2017–2021 гг.

6. Соответствие

В настоящее время в научных кругах происходит дискуссия о том, какие налоги относятся к экологическим. В европейских странах есть четкое распределение и классификация экологических налогов, в то время как в России учеными только разрабатываются

и предлагаются налоги, которые можно по прямым или косвенным признакам отнести к экологическим. В связи с этим необходимо четко отделять экологические налоги от других, так как хозяйствующие субъекты в свои планы и стратегии закладывают выплаты по налогам, экологическим проектам и в экологические резервы предприятий. Например, ПАО «Норникель» в 2020 году ввело в финансовую отчетность графу «Экономические резервы» из-за аварии 2020 года на ТЭЦ-3.

Таким образом, можно отметить, что ПАО «Норникель» и ПАО «Русал» уже внедряют принципы экологического налогообложения. Из этого следует, что реализация экологического налогообложения в России для указанных предприятий пройдет легче. На примере данных корпораций можно продемонстрировать, что реформирование налоговой системы не понесет за собой глобальных изменений на уровне хозяйствующих субъектов, которые уже придерживаются экологической повестки. Также результаты проведенного анализа свидетельствуют, что экологическое налогообложение касается не только хозяйствующих субъектов, но и органов власти, а его реализация скажется на многих сферах деятельности как предприятий, так и населения регионов базирования.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Показано, что отсутствие законодательного закрепления дефиниций «экологический налог», «экологическое налогообложение», видов экологических налогов,

а также принципов экологического налогообложения создает сложности при реализации данного вопроса на практике.

2. Обобщены принципы экологического налогообложения и предложены ключевые принципы, которые впоследствии предлагается применить для внедрения налоговых инструментов регулирования экологизации налогообложения. Такая классификация является универсальной и простой, так как учтены современные мировые тенденции и практики экологических налогов.

3. Проведен анализ деятельности крупных компаний цветной металлургии России и территорий их базирования на наличие предложенных принципов. Исследование показало, что данные принципы уже реализуются. Это говорит о готовности хозяйствующих субъектов к реформированию налогообложения и поможет им более спокойно реагировать на предлагаемые изменения.

4. Обосновано, что для дальнейшей реализации экологического налогообложения в регионах РФ потребуется введение необходимых норм в налоговое законодательство, а также соответствующая корректировка оперативных планов и стратегических документов развития хозяйствующих субъектов.

Работа проведена нами на основе логических методов исследования, в связи с чем появляется возможность применения эконометрических методов. Это ставит перед нами новые горизонты изучения данного вопроса, в том числе позволит систематизировать и разработать разрозненные методы реализации экологического налогообложения в России с учетом ее специфики.

ЛИТЕРАТУРА

- Голуб А., Гофман К. (1992). Экономические механизмы управления глобальными природными процессами // Экономика и математические методы. Т. 28. Вып. 5–6. С. 687–694.
- Заворыкин А.А. (2017). Международный опыт использования налоговых инструментов регулирования природопользования в сфере АПК // Никоновские чтения. № 22. С. 348–350.
- Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 186 с.
- Когденко В.Г., Казакова Н.А. (2023). Обоснование параметров экологической безопасности и устойчивости развития металлургического производства // Проблемы прогнозирования. № 1 (196). С. 169–181. DOI: 10.47711/0868-6351-196-169-181.

- Курбацкий А.Н., Шаклеина Е.И. (2022). Экономический рост и загрязнение окружающей среды в США и России: сравнительный пространственно-эконометрический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 92–107. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.6
- Макарова И.А. (2016). К вопросу о функциях и принципах экологического налога // Вестник Томского гос. ун-та. Экономика. № 3 (35). С. 147–158. DOI: 10.17223/19988648/34/12
- Недосека Е.В. (2022). Экологическая повестка в сознании жителей промышленных субъектов Арктической зоны РФ // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 80–92. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.6
- Палкина Д.С. (2022). Ключевые показатели оценки потенциала крупных предприятий цветной металлургии в России // Проблемы развития территории. Т. 26. № 4. С. 27–46. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.3
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2022). Особенности развития черной металлургии в России и мире в 2000–2019 гг. // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 125–135. DOI: 10.47711/0868-6351-190-125-135
- Самоделко Л.С., Карп М.В. (2020). Значение и принципы экологического налогообложения // Вестник университета. № 11. С. 141–147. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-11-141-147
- Солнышкова Ю.Н. (2017). Развитие экологического налогообложения в Российской Федерации // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. № 2 (66). С. 87–89.
- Титова А.О. (2017). Анализ системы экологического налогообложения Российской Федерации // Известия Саратовского ун-та Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. № 2. С. 185–191.
- Фомина В.Ф. (2022). Выявление эффекта декаплинга в основных отраслях экономики Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 176–193. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.9
- Хуторова Н.А., Абдуллин Р.А. (2012). Международный опыт использования инструментов экологического налогообложения и рыночных механизмов регулирования воздействия на окружающую среду // Банковские услуги. № 1. С. 37–43.
- Шувалова Е.Б., Гордиенко М.С., Сибатулина Н.В. (2017). Эволюция системы экологических налогов, сборов и платежей в Российской Федерации // Статистика и экономика. № 6. С. 32–38.
- Aydin C., Esen Ö. (2018). Reducing CO2 emissions in the EU member states: Do environmental taxes work? *Journal of Environmental Planning and Management*, 61 (13), 2396–2420. DOI: 10.1080/09640568.2017.1395731
- Banet C. (2017). Effectiveness in Climate Regulation: Simultaneous Application of a Carbon Tax and an Emissions Trading Scheme to the Offshore Petroleum Sector in Norway. *Carbon & Climate Law Review*, 1 (11), 25–38. DOI: 10.21552/cclr/2017
- Cadoret I., Galli E., Padovano F. (2020). How do governments actually use environmental taxes? *Applied Economics*, 52 (48), 5263–5281.
- Delgado F.J., Freire-González J., Presno M.J. (2022). Environmental taxation in the European Union: Are there common trends? *Economic Analysis and Policy*, 73, 670–682. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.12.019>
- Helm D., Pearce D. (1990). Assessment: Economic Policy towards the Environment. *Oxford Review of Economic Policy*, 1, 1–16. Available at: 10.1093/oxrep/6.1.1
- Jurušs M., Brizga J. (2017). Assessment of the Environmental Tax System in Latvia. *NISP Acee Journal of Public Administration and Policy*, 10 (2), 135–154. DOI: 10.1515/nispa-2017-0015
- Marron D.B., Toder E.J. (2014). Tax Policy Issues in Designing a Carbon Tax. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 104 (5), 563–568. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.104.5.563>
- Opshoor J.B., Vos H. (1989). *Economic Instruments for Environmental Protection*. Paris, OECD.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Сергеевна Палкина – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: palkina.darya2014@yandex.ru)

Palkina D.S.

PRINCIPLES OF ECOLOGICAL TAXATION AND THEIR IMPLEMENTATION IN RUSSIAN REGIONS

Economic entities in modern conditions have to undergo constant change, which cannot but affect the economic, social and environmental development of the territories of their presence. In this regard, strategic documents have been developed to support both businesses and territories (UN Sustainable Development Goals, ESG agenda, etc.). One of their tasks is to ensure environmental safety. This is facilitated by the use of effective financial instruments that perform not only a fiscal, but also a stimulating function. Stimulation should be aimed mainly at the implementation of low-carbon technologies, modernization of equipment, rational use of resources, development of eco-behavior at enterprises, etc. The global trend is the implementation of such an economic regulatory mechanism as ecological taxation. Its system in Russia has not yet been built, so the study of the principles of ecological taxation, their generalization and implementation in practice become relevant, which became the purpose of our study. The principles of ecological taxation developed by foreign organizations and domestic scientists are analyzed. The current level of implementation of these principles in enterprises in Russian regions was assessed. The study concluded that the largest enterprises of non-ferrous metallurgy, PJSC “NorNickel” and PJSC “Rusal”, and their locations are already implementing the basic principles of environmental taxation. It should be taken into account that in Russia there are certain taxes that are related to environmental ones. During the work, we used methods of system analysis, tabular and graphical data visualization, statistical methods of raw data processing.

Environmental taxation, principles, non-ferrous metallurgy, ecology, region, socio-economic development, tax system.

REFERENCES

- Aydin C., Esen Ö. (2018) Reducing CO₂ emissions in the EU member states: Do environmental taxes work? *Journal of Environmental Planning and Management*, 61(13), 2396–2420. DOI: 10.1080/09640568.2017.1395731
- Banet C. (2017). Effectiveness in climate regulation: Simultaneous application of a carbon tax and an emissions trading scheme to the offshore petroleum sector in Norway. *Carbon & Climate Law Review*, 1(11), 25–38. DOI: 10.21552/cclr/2017
- Cadoret I., Galli E., Padovano F. (2020). How do governments actually use environmental taxes? *Applied Economics*, 52(48), 5263–5281.
- Delgado F.J., Freire-González J., Presno M.J. (2022). Environmental taxation in the European Union: Are there common trends? *Economic Analysis and Policy*, March, 73, 670–682. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.12.019>
- Fomina V.F. (2022). Identifying the effect of decoupling in major economic sectors of the Komi Republic. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(1), 176–193. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.9 (in Russian).
- Golub A., Gofman K. (1992). Economic mechanisms for managing global natural processes. *Ekonomika i matematicheskie metody*=*Economics and Mathematical Methods*, 28(5-6), 687–694 (in Russian).
- Helm D., Pearce D. (1990). Assessment: Economic Policy towards the Environment. *Oxford Review of Economic Policy*, 1, 1–16. Available at: 10.1093/oxrep/6.1.1
- Ilyin V.A., Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. (2021). *Gosudarstvo i krupnye korporatsii chernoi metallurgii: tendentsii i osobennosti 20-letnego vzaimodeistviya* [The State and Large Ferrous Corporations: Trends and Peculiarities of 20-Year Interaction]. Vologda: VolRC RAS.

- Jurušs M., Brizga J. (2017). Assessment of the Environmental Tax System in Latvia. *NISP Acee Journal of Public Administration and Policy*, 10(2), 135–154. DOI: 10.1515/nispa-2017-0015
- Khutorova N.A., Abdullin R.A. (2012). International experience of using environmental tax instruments and market mechanisms to regulate the environmental impact. *Bankovskie uslugi=Banking Services*, 1, 37–43 (in Russian).
- Kogdenko V.G., Kazakova N.A. (2023). Substantiation of parameters of environmental security and sustainability of the development of the metallurgical industry. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(196), 169–181. DOI: 10.47711/0868-6351-196-169-181 (in Russian).
- Kurbatskii A.N., Shakleina E.I. (2022). Economic growth and environmental pollution in the USA and Russia: Comparative spatial-econometric analysis. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 92–107. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.6 (in Russian).
- Makarova I.A. (2016). The functions and principles of environmental tax. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ekonomika=Tomsk State University Journal of Economics*, 3(35), 147–158. DOI: 10.17223/19988648/34/12 (in Russian).
- Marron Donald B., Toder Eric J. (2014). Tax Policy Issues in Designing a Carbon Tax. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 104(5), 563–568. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.104.5.563>
- Nedoseka E.V. (2022). Environmental agenda in the consciousness of residents of industrial regions of the Arctic zone of the Russian Federation. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(1), 80–92. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.6 (in Russian).
- Opshoor J.B., Vos H. (1989). *Economic Instruments for Environmental Protection*. Paris. OECD.
- Palkina D.S. (2022). Key indicators for assessing potential of large non-ferrous metallurgy enterprises in Russia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(4), 27–46. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.3 (in Russian).
- Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. (2022). Features of the development of ferrous metallurgy in Russia and the world in 2000–2019. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(190), 125–135. DOI: 10.47711/0868-6351-190-125-135 (in Russian).
- Samodelko L.S., Karp M.V. (2020). Significance and principles of environmental taxation. *Vestnik universiteta*, 11, 141–147. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-11-141-147 (in Russian).
- Shuvalova E.B., Gordienko M.S., Sibatulina N.V. (2017). Evolution of the system of environmental taxes and charges in the Russian Federation. *Statistika i Ekonomika=Statistics and Economics*, 6, 32–38 (in Russian).
- Solnyshkova Yu.N. (2017). Development of environmental taxation in the Russian Federation. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2(66), 87–89 (in Russian).
- Titova A.O. (2017). Analysis of environmental taxation of the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo=Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2, 185–191 (in Russian).
- Zavorykin A.A. (2017). International experience in the use of tax instruments for regulating the environmental management in the agroindustrial complex. *Nikonovskie chteniya*, 22, 348–350 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dar'ya S. Palkina – Research Engineer, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: palkina.darya2014@yandex.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.5

УДК 331.53 | ББК 60.59

© Леонидова Г.В.

РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА НЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА)

ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

На современном этапе развития одной из актуальных задач является поиск резервов экономического роста территорий, среди которых важное место отводится неэкономическим факторам, таким, например, как работа по специальности. Однако рост нестандартной занятости и другие социально-экономические трансформации создают обстановку неэффективного трудоустройства населения в целом, молодежи в частности. Доля выпускников 2018–2020 гг., работающих не по специальности, согласно данным Росстата, составляет в высшем образовании 26%, в сфере подготовки специалистов среднего звена – 41%, квалифицированных рабочих – 46%. Трудоустройство не по специальности ставит много вопросов, в частности о причинах, возможностях и недостатках такого выбора, об уровне и качестве трудового потенциала работающих не по профилю подготовки, их удовлетворенности выбранной профессией и т. д. Цель исследования – анализ причин, рисков и возможностей работы не по специальности занятого населения Вологодской области. Информационную базу составили данные Росстата, результаты мониторинга качества трудового потенциала, проводимого в Вологодской области. Выявлены риски трудоустройства не по специальности: более низкий уровень удовлетворенности трудом, потери в заработной плате, меньшее соответствие работы призванию, склонностям и способностям. Доказано, что работа не по специальности имеет больше недостатков, чем возможностей. К последним можно отнести лишь то, что такой выбор трудоустройства дает работнику основание для освоения нового направления деятельности и новых компетенций, увеличения трудовой мобильности. Показаны значимые преимущества работы по специальности

Для цитирования: Леонидова Г.В. (2023). Риски и возможности трудоустройства не по специальности (на материалах регионального мониторинга) // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 61–78. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.5

For citation: Leonidova G.V. (2023). Risks and opportunities for employment outside the specialty (based on regional monitoring materials). *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 61–78. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.5

и по близкому к ней профессиональному направлению: более высокий уровень заработной платы, эффективная реализация качества трудового потенциала, соответственно, большие выгоды для экономики. Новизна исследования заключается в раскрытии ранее не изучаемых аспектов работы не по специальности (соответствие призванию, склонностям и способностям работника). Результаты исследования можно использовать для профориентационной деятельности в образовательных организациях.

Социально-экономическое развитие территории, экономический рост, неэкономические факторы, работа по специальности, работа не по специальности, трудовой потенциал, призвание.

Актуальность исследования

Состояние современного рынка труда и процессы его трансформации (усиление гибкости рынка труда; быстрая цифровизация и информатизация всех сторон жизни; рост социальной динамики; динамичное устаревание традиционных знаний и компетенций и т. д.) находятся под влиянием высоких темпов изменений в социально-экономической, технологической, политической и культурной сферах.

Демографические процессы обостряют актуальность проблемы. В первую очередь это снижение численности населения моложе трудоспособного возраста. Согласно статистике, доля молодежной группы 15–34 лет в России составляет в настоящий момент 75% (34,1 млн чел.) от показателя 1989 года (45,1 млн чел.). Кроме того, сокращение названной демографической группы продолжится и в перспективе. Эти процессы непосредственно затрагивают сферу труда и занятости, создавая в будущем сужение предложения рабочей силы. Непосредственно в этой же плоскости находится и процесс сокращения уровня участия молодых когорт в рабочей силе, способствующий ее постепенному старению. Так, доля молодых работников в возрасте 15–34 лет снизилась по сравнению с 2010 годом на 15,6% (с 28,8 до 24,3 млн чел.), причем существенное сокращение произошло в более молодых когортах (от 1,2 до 2 раз).

Нельзя не упомянуть о росте нестандартной занятости, в основном определяющей распространение неустойчивых форм социально-трудовых отношений. Одной из особенностей рынка труда сегодня является вовлеченность молодых людей в неформальный сектор. Доля молодежи в воз-

расте 25–29 лет, занятой в этом секторе, в 2010 году составляла 14%, а к 2021 году снизилась до 11%, зато возросло представительство группы 30–34-летних (с 13 до 16%). Согласно результатам мониторингового исследования качественных характеристик трудового потенциала, у людей, имеющих нестандартные трудовые отношения (множественную занятость, случайные приработки), показатель качества трудового потенциала ниже, чем у тех, кто работает в условиях формальных трудовых отношений и оформленного трудового договора (Леонидова и др., 2018).

На этом фоне формируется неопределенность в отношении возможностей эффективного трудоустройства и для молодежи, и для населения в целом, о чем ярко свидетельствует такой показатель, как работа не по специальности. Доля выпускников организаций высшего образования 2018–2020 гг., работающих не по специальности, составляет 26%, выпускников со средним профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена – 41%, по программе подготовки квалифицированных рабочих – 46%. Трудоустройство выпускников не по полученной специальности/профессии ставит также вопрос эффективности бюджетных расходов на систему профессионального образования, особенно в государственных вузах (Гуртов и др., 2012).

В связи с этим становятся актуальными вопросы, касающиеся трудоустройства не по специальности, его причин, достоинств и недостатков, удовлетворенности трудом и выбранной профессией, особенностей реализации трудового потенциала работников, сделавших такой выбор, и т. д. Им и посвящено данное исследование, целью которо-

го выступает анализ рисков и возможностей работы не по специальности. В рамках статьи предполагается решение следующих задач: обзор научной литературы по проблематике несоответствия полученного профессионального образования и выполняемой работы, а также выявление рисков и возможностей данной трудовой стратегии на примере работающего населения Вологодской области.

Теоретические аспекты исследования

Основы политики государства в области содействия трудоустройству, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы, изложены и закреплены в статье 12 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации»¹. Государственная политика в этом вопросе направлена на развитие трудовых ресурсов; обеспечение равных возможностей всем гражданам в реализации права на добровольный труд и свободный выбор занятости; поддержку трудовой и предпринимательской инициативы граждан; помощь в обеспечении занятости социально уязвимым категориям населения (инвалиды; лица, освобожденные из мест лишения свободы; несовершеннолетние; граждане предпенсионного возраста и т. д.); поощрение работодателей, сохраняющих действующие и создающих новые рабочие места; создание условий для развития негосударственных организаций, осуществляющих деятельность по содействию в трудоустройстве граждан и (или) подбору работников, включая частные агентства занятости, а также для взаимодействия и сотрудничества таких организаций с органами службы занятости и т. п.

Само понятие трудоустройства не является дискуссионным. В узком смысле оно означает процесс поиска подходящей работы, подготовки к ней и устройства на работу, удовлетворяющую собственным и обще-

ственным потребностям, не вступающим в противоречие с законодательством страны и нормами права, приносящую заработок. В широкой интерпретации трудоустройством признается система организационных и законодательных мер, направленных на обеспечение занятости населения, включая содействие в поиске и получении работы. Трудоустройство осуществляется либо самостоятельно, либо при помощи государственной службы занятости граждан. В контексте данного исследования трудоустройство рассматривается с акцентом на уже состоявшемся выборе места работы.

Анализ научной литературы показал, что отечественные исследования по проблемам трудоустройства проводятся по нескольким направлениям. В частности, большую часть публикаций составляют работы, посвященные процессу трудоустройства выпускников профессиональных учебных заведений, а именно вузов. Исследователи изучают, какие факторы определяют успешность трудоустройства (Сандлер и др., 2018; Чередниченко, 2018), соответствие между должностью на первом месте работы выпускника после окончания вуза и специальностью по диплому (Чередниченко, 2018), степень соответствия между профессиональной принадлежностью работников к полученному образованию и их профессиональной принадлежностью к фактическим занятиям, а также факторы, влияющие на масштабы имеющихся расхождений (Гимпельсон и др., 2009). Существенно реже в фокусе исследований оказываются выпускники средних специальных учебных заведений, хотя в последние годы интерес к этой теме возрос (Клячко, Семионова, 2018).

Отдельное направление составляют собой исследования, изучающие перспективы и возможности трудоустройства социально уязвимых категорий населения: лиц с ограниченными возможностями (Горина, Кефели, 2016), женщин с детьми (Албитова и др., 2017).

Исследования практик трудоустройства формируют еще одно направление, акцент

¹ О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60 (дата обращения 22.11.2022).

в котором делается на изучении способов поиска работы и их эффективности. К числу наиболее часто рассматриваемых вопросов относятся способы поиска работы через интернет (Рощин и др., 2017), использование при трудоустройстве личных связей (как родственников, так и по знакомству) (Лаврусевич, 2007; Балабанова, 2015) и других неформальных каналов (Черныш, 2019).

В связи с появлением в системе профессионального образования (в частности высшего) бакалавриата и магистратуры возникла ситуация с исчезновением из обращения речевого конструкта «специальность» (Петрова, Харченко, 2015, с. 18). Закономерно возникает социокультурный дискурс об устаревании словосочетания «работа по специальности». Сегодня, как отмечают ученые, «новые рабочие места и профессии появляются и исчезают на рынке труда гораздо быстрее, чем меняются образовательные стандарты и учебные программы дисциплин» (Петрова, Харченко, 2015). Теперь обучение ведется по направлениям подготовки и их профилю. В рамках профессионального обучения происходит не освоение специальности, а формируются компетенции. Исследователи предлагают рассматривать способность к трудоустройству как компетенцию, формируемую в процессе обучения профессии (Мозговая, Яишников, 2018).

Вместе с тем понятийная конструкция «работа по специальности» активно используется как в обыденном лексиконе, так и в исследовательской литературе. Мы также применяем этот оборот речи, поскольку считаем, что для значительной части работающего населения он вполне понятен, тем более в условиях выхода России из Болонского процесса Президентом РФ подписан Указ о совершенствовании системы высшего образования, который предусматривает, в частности, возврат к специалитету².

Следует отметить появление работ, исследующих вопросы внешних аспектов выбора будущей специальности (опыт и на-

ставления родителей, семьи; состояние рынка труда; «модные» и/или престижные учебные заведения, включая их доступность – физическую и «материальную», и др.), а также склонности человека, его уже проявившиеся способности и стремление учиться по определенной специальности, а затем строить карьеру в рамках избранного пути (Александрова и др., 2022).

Активно исследуются региональные особенности трудоустройства; распределение трудоустройства выпускников по группам специальностей, по видам экономической деятельности (Разумова, Золотина, 2019).

Поднимаются вопросы информационной поддержки граждан и работодателей относительно «потребности в рабочей силе, поступающей от служб занятости» (Попов, 2017); адаптации к трудовой деятельности лиц в возрасте от 14 до 18 лет (Гинсбург, 2015); граждан, стремящихся к проявлению трудовой и предпринимательской инициативы (Дашкова и др., 2020; Дмитриева, Борисова, 2019), и т. п.

Ученые различают два типа несоответствия образования и выполняемой работы: вертикальное и горизонтальное. Анализируя вертикальное несоответствие, т. е. выполнение работы, требующей меньшего уровня квалификации, исследователи отмечают, что такие работники получают заметно меньшую заработную плату (Rudakov et al., 2022), причем чем выше степень несоответствия, тем больше штраф за него. Доля горизонтального несоответствия, под которым понимается работа не по специальности, в России, по расчетам авторов, выше, чем в среднем по странам ОЭСР. Также выявлено, что несоответствие наказывается в большинстве областей экономики, за исключением низкооплачиваемых (Rudakov et al., 2022). К подобным выводам приходят авторы ряда зарубежных статей (Mahuteau et al., 2019). В исследованиях по данной тематике преобладает анализ потерь в заработной плате при трудоустройстве не по полученной профессии/специальности (Дудырев и др., 2019).

² О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/71118> (дата обращения 01.05.2023).

В научной литературе, посвященной вопросам, связанным с трудоустройством по профилю либо не по профилю полученной в образовательной организации специальности с точки зрения факторов удовлетворенности работой недавних выпускников, отмечается негативное влияние работы не по специальности на удовлетворенность ею (Колосова и др., 2020). Смена профессиональных планов выпускников профессиональных организаций рассматривается как тенденция «депрофессионализации», т. е. «сформировавшаяся устойчивая, неэффективная норма регулирования взаимодействия рынка услуг профессионального образования и работодателей» (Банникова, Унусян, 2017).

Занятость не по образовательному профилю анализируется с точки зрения причин, приводящих к несовпадению интересов молодых работников и работодателей, что отрицательно воздействует на баланс спроса и предложения на рынке труда, нивелирует ценность получения высшего образования, мешает созданию профессиональной карьеры и профессиональному развитию сотрудников (Балганова и др., 2023).

В исследованиях зарубежных авторов данная проблема рассматривается с точки зрения несоответствия образования и навыков, влияния работы не по полученному образованию на заработную плату, удовлетворенности работой и ее поиском (Allen, Van der Velden, 2001), а также других возможных последствий этого профессионального выбора на рынке труда (Béduwé, Giret, 2011).

Вместе с тем практически не встречаются исследования, раскрывающие возможности выбора не в пользу полученного образования, редко анализируются особенности реализации трудового потенциала работников, сделавших выбор работы не по

специальности, и т. д. И совсем нет работ, которые раскрывали бы такие аспекты, как наличие призвания, склонностей и способностей у работающих не по специальности. Зачастую именно отсутствие таких параметров является поводом к смене профессии. Доказано, что труд по призванию положительно влияет на экономические показатели трудовой деятельности людей (например, заработная плата, эффективность и качество труда, мотивация к труду) (Шухатович, 2014; Шабунова и др., 2017). Попытаемся устранить эти пробелы в предлагаемом исследовании.

Методы и методология

В статье использованы данные Росстата по проблеме комплексного изучения условий жизни населения и результаты социологического мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области⁵. Методика измерений, базируясь на концепции качественных характеристик населения (Леонидова и др., 2018), позволяет выявить и оценить в индексном выражении (шкала от 0 до 1) восемь базовых работника: физическое и психическое здоровье, знаниевый потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении (для оценки используются шкалы Лайкерта⁴), а на их основе получить обобщенный индекс качества трудового потенциала.

Объектом исследования является работающее население региона, имеющее профессиональное образование, но работающее не по специальности. Для оценки причин выбора работы не по специальности, определения наличия у таких работников соответствия выполняемой работы имеющимся способностям, склонностям, призванию и

⁵ Опросы проводятся с периодичностью 1 раз в 2 года в городских округах (Вологде и Череповце), а также в 8 муниципальных районах Вологодской области с 1997 года по настоящее время (объем выборки – 1500 респондентов). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки – 3–4% при доверительном интервале 4–5%. Исследование проводится посредством анкетирования по месту жительства респондентов.

⁴ Шкалы Лайкерта – разновидность опросников установок (аттитюдов), состоят из набора утверждений с пяти- или семибалльными рейтинговыми шкалами оценивания, с помощью которых устанавливается степень согласия испытуемого с предложенными утверждениями.

квалификации, выявления уровня их удовлетворенности различными аспектами трудовой жизни и успешности в трудовой деятельности, оценки качества трудового потенциала использованы ответы 347 респондентов (29,4%), прошедших внутренний фильтр по вопросу «Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?» (позиция «Нет, работаю по другой специальности»). При этом в число исследуемых не включены респонденты, не получившие профессионального образования.

В качестве гипотез исследования проверялось утверждение о том, что трудоустройство и работа, не соответствующие полученному профессиональному образованию, имеют в целом невыгодные для работника и работодателя позиции, но вместе с тем несут в себе определенные возможности для развития его человеческого потенциала.

Результаты и обсуждение

Наибольшее распространение практика работы не по специальности получила

в Орловской, Вологодской и Псковской областях, Республике Алтай и Еврейской автономной области, наименьшее – в Ямало-Ненецком, Чукотском и Ханты-Мансийском автономных округах, Республике Ингушетии и Сахалинской области (табл. 1).

При этом нельзя сказать, что распределение работников, осуществляющих трудовую деятельность не по специальности, прямо связано со структурой экономики регионов. Но нужно отметить, что регионы с моноотраслевой экономикой (Ямало-Ненецкий, Чукотский и Ханты-Мансийский автономные округа и Сахалинская область) имеют наименьшую долю работающего населения, осуществляющего трудовую деятельность не по специальности. Пятерка регионов с самой значительной долей (46–48%) работающих не по специальности (Орловская, Вологодская и Псковская области, Республика Алтай и Еврейская автономная область), не однородны по структуре экономики. Вологодская область принадлежит к моноотраслевым регионам, а экономика Еврейской автономной области представляет собой многоотраслевой комплекс.

Таблица 1. Наличие специальности и ее соответствие выполняемой работе в разрезе российских регионов*, %

Регион	Выполняли в 2018 году основную работу:			Не имеют профессии (специальности), подтвержденной дипломом (свидетельством и др.)
	полностью соответствующую полученной специальности	близкую к полученной специальности	не соответствующую полученной специальности	
Ямало-Ненецкий автономный округ	62,7	20,8	15,4	17,3
Ханты-Мансийский автономный округ	65,4	18,1	16,0	22,6
Республика Ингушетия	66,4	16,9	16,7	55,8
Чукотский автономный округ	43,2	34,5	22,3	14,6
Сахалинская область	57,1	18,1	24,8	22,0
...				
Орловская область	37,7	16,0	46,2	25,7
Вологодская область	37,5	16,2	46,4	17,1
Республика Алтай	45,8	7,0	47,2	35,4
Псковская область	42,3	10,4	47,3	21,1
Еврейская автономная область	47,1	4,8	48,1	28,7

* Ранжировано по столбцу «Не соответствующую полученной специальности». Источники: Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам: итоги комплексного наблюдения условий жизни населения 2018 года. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

Соответственно, можно предположить, что индикатор «работа не по специальности» зависит и от других факторов. Нам представляется, что среди них существенную долю занимают субъективные основания.

В целом же успешность трудоустройства зависит от разных факторов: с одной стороны, от внешних условий (рынок труда, конъюнктура профессий), с другой стороны, от «компетенций и ценностных установок вакансиаров, ищущих точки приложения своих способностей и профессиональных навыков» (Александрова и др., 2022).

Результаты социологических исследований, проводимых Вологодским научным центром РАН в регионе, свидетельствуют о менее существенном представительстве тех, кто работает не по специальности (Устинова, 2013; Леонидова и др., 2018). В среднем, согласно ответам населения региона, эта доля составляет порядка трети занятых: 33% – в 2016 году, 29% – в 2022 году (рис. 1).

В исследовании 2022 года проведен опрос 347 человек, работающих не по специальности, полученной в образовательном учреждении профессионального образования, что составляет 29,4% от числа работающих. Социально-демографический портрет данной группы выглядит следующим

образом: 57% – мужчины, 47% – лица со средним специальным образованием, 56% состоят в зарегистрированном браке. Отметим, что 10 лет назад (2012 год) данная группа достигла 42% от числа работающих и состояла в большей степени из женщин (52%). Остальные ее характеристики остались прежними: 35% – имеющие среднее специальное образование, 51% – состоящие в браке.

Весьма интересны причины выбора работы не по специальности (рис. 2). Преобладающей стратегией является позиция «не устроили условия, предложенные работодателем». Причем доля таких работников, как показывают данные мониторинга качества трудового потенциала, выросла за 10 лет в 2 раза (18,9% – в 2012 году, 38,9% – в 2022 году).

Изучаемая стратегия наглядно свидетельствует о новых тенденциях на рынке труда, в частности оформлении его соискательского характера. То есть сегодня работник при выборе места трудовой деятельности основывается на информации об условиях будущего рабочего места (заработной плате, условиях труда, карьерных возможностях и т. д.).

Второе место среди причин работы не по специальности занимает позиция «изменились профессиональные интересы» (27,1%),

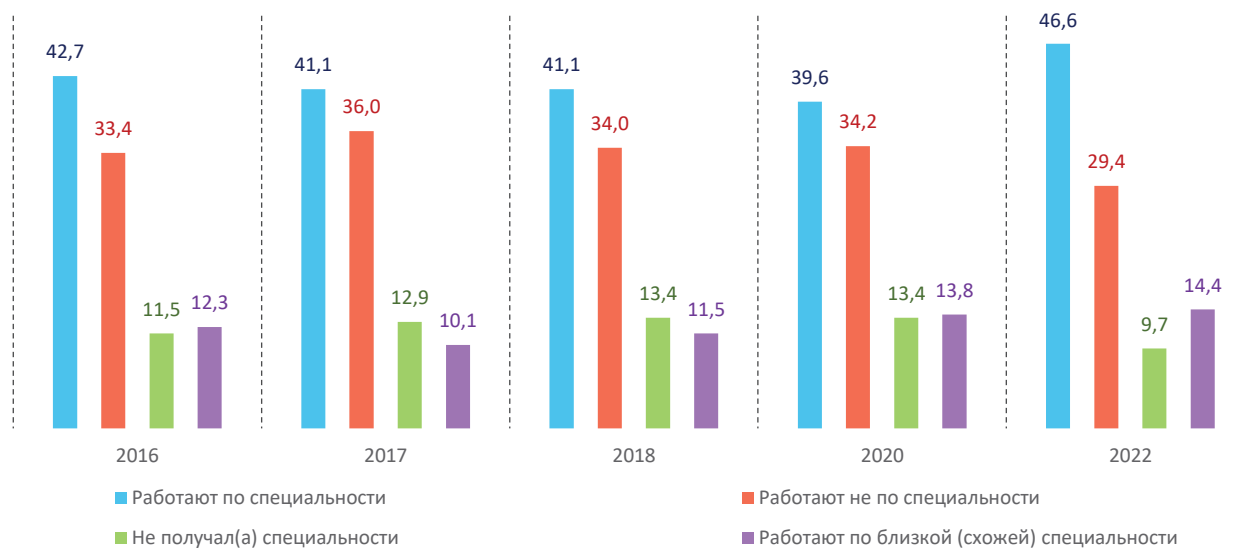

Рис. 1. Динамика численности работников Вологодской области, работающих в соответствии с полученной специальностью или не по специальности, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2016–2022 гг.

Рис. 2. Динамика ответов населения Вологодской области о причинах трудоустройства не по специальности, % от числа работающих не по специальности

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2012, 2022 гг.

сохранившая за собой, как и 10 лет назад, второе место в рейтинге причин (19,8%).

Увеличилась доля тех, кто отмечал следующие причины профессионального выбора: отсутствие перспектив профессионального роста (с 7,5 до 13,8%), несоответствие требованиям работодателя (с 5,3 до 11,2%).

Значительно сократилась доля респондентов, отметивших, что специальность, которую получил работник в образовательном учреждении, «не пользуется спросом на рынке труда» (с 37,9 до 23,6%).

Наиболее приверженными полученной специальности оказались выпускники в сферах образования (76% из тех, кто отметил этот вид экономической деятельности в качестве основной работы, работают по специальности), здравоохранения и предоставления социальных услуг (71%; табл. 2); наименее – работники ВЭД «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (30%).

Для анализа важны ответы респондентов, не работающих по специальности, на вопрос о соответствии места работы склонностям, способностям и призванию (Чекмарева, Шабунова, 2016). Доказано, что соответствие, например, работы призванию несет в себе массу экономических эффектов, таких как

более высокая удовлетворенность трудом и работой, более высокая отдача, проявляющаяся в уровне реализации трудового потенциала, существенно больший значительный отрыв в заработной плате от тех, кто работает не по специальности (Леонидова и др., 2018). Исследование показывает, что у большинства людей, работающих по специальности, работа соответствует имеющимся склонностям и способностям (60%). В противоположной группе, наоборот, превалирует доля тех, чьи качества не соответствуют выполняемым профессиональным обязанностям (54%; табл. 3). Та же картина наблюдается и в отношении призвания (64% против 57). Заметим, что у работающих по близкой (схожей) специальности позиции значительно хуже (соответствие в обоих случаях отмечают только 16% опрошенных).

Процесс трудовой деятельности взаимосвязан с удовлетворенностью работниками трудом и его условиями. Уровень удовлетворенности трудом имеет определенную связь с производительностью труда. «Соответствие психофизиологической конституции индивида содержанию труда ... одновременно влияет на производительность и, через удовлетворенность работой, на общую удовлетворенность трудом» (Ильясов, 1988, с. 64).

Таблица 2. Взаимосвязь вида экономической деятельности занятого населения Вологодской области с полученной специальностью/профессией, % от числа работающих

Вид экономической деятельности	Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?			
	да	работаю по близкой (схожей) специальности	нет, работаю по другой специальности	не получал(а) специальности
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	37,7	15,8	28,9	17,5
Обрабатывающие производства	46,6	7,5	35,3	10,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	53,8	13,8	26,2	6,2
Строительство	41,4	14,4	33,3	10,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и бытовых изделий	32,3	22,6	32,8	12,4
Гостиницы и рестораны	47,5	10,0	37,5	5,0
Транспорт и связь	41,6	16,8	30,1	11,5
Финансовая деятельность	72,5	17,6	9,8	0,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	30,4	13,0	47,8	8,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	54,1	21,6	24,3	0,0
Образование	76,0	7,0	12,0	5,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	70,6	2,9	20,6	5,9
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	36,0	17,0	35,0	12,0
Другие виды деятельности	30,0	20,0	43,3	6,7

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

Таблица 3. Оценка соответствия профессии респондентов Вологодской области их способностям, склонностям и призванию в зависимости от стратегии выбора работы по специальности или не по специальности, %

Вариант ответа	Да	Работаю по близкой (схожей) специальности	Нет, работаю по другой специальности	Не получал(а) специальности	Итого
Соответствует ли Ваша профессия (основная работа) Вашим способностям и склонностям?					
Да	60,1	16,6	18,6	4,5	100
Нет	22,4	6,6	54,1	16,8	100
Затрудняюсь ответить	21,6	13,7	43,6	21,1	100
Соответствует ли Ваша профессия (основная работа) Вашему призванию?					
Да	64,4	15,7	16,1	3,8	100
Нет	17,3	6,9	57,4	18,3	100
Затрудняюсь ответить	21,1	16,7	43,3	18,9	100

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

Различие в ответах разных групп рецензентов, несмотря на то что разница представляет собой статистическую погрешность, отмечается по всем позициям: удовлетворенных условиями труда, работой и жизнью в целом среди работающих не по специальности меньше (табл. 4).

Реализация жизненной установки на поддержание собственного благополучия и саморазвитие, значимой для основной массы россиян, в определенной степени соотносится с достижением успешности. Ее осуществлению способствует успешная реализация человека в трудовой деятельности.

«Успех в трудовой деятельности» содержит в себе такие аспекты, как профессиональная самореализация (высококласный специалист, с которым считаются коллеги; ведение собственного дела, т. е. предпринимательская деятельность), творческая самореализация, материальная успешность в труде (продвижение по службе; высокая заработная плата), активное участие в общественно-политической деятельности, достижение общественного признания результатов труда. И в этом вопросе работники, осуществляющие трудовую деятельность не по той специальности (табл. 5), по которой учились

Таблица 4. Удовлетворенность работников Вологодской области различными аспектами жизни в зависимости от стратегии выбора работы по специальности или не по специальности, % от числа работающих

Степень удовлетворенности	Да	Работаю по близкой (схожей) специальности	Нет, работаю по другой специальности	Не получал(а) специальности
Условия труда в целом				
Удовлетворен(а)	72,3	70,6	66,0	61,7
Не удовлетворен(а)	10,4	7,7	9,8	11,3
Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	17,3	21,8	24,2	27,0
Работа в целом				
Удовлетворен(а)	73,2	73,5	68,6	60,9
Не удовлетворен(а)	8,8	4,1	9,3	6,9
Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	18,1	22,4	22,2	32,2
Жизнь в целом				
Удовлетворен(а)	75,0	73,5	70,0	60,0
Не удовлетворен(а)	8,4	4,1	8,4	9,5
Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	16,6	22,4	21,6	30,4
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.				

Таблица 5. Самооценка успешности респондентов Вологодской области в зависимости от соответствия/несоответствия работы и полученного образования, % от числа работающих

Успешность	Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?			
	Да	работаю по близкой (схожей) специальности	нет, работаю по другой специальности	не получал(а) специальности
Сумма ответов «да» и «скорее да»	59,1	63,0	44,7	38,3
Сумма ответов «нет» и «скорее нет»	22,6	19,4	30,8	39,1
Затрудняюсь ответить	18,3	17,6	24,5	22,6
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.				

Таблица 6. Индексы качественных характеристик трудового потенциала населения Вологодской области в зависимости от соответствия/несоответствия работы и полученного образования, ед.

Качество трудового потенциала	Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?			
	да	работаю по близкой (схожей) специальности	нет, работаю по другой специальности	не получал(а) специальности
Физическое здоровье	0,726	0,734	0,716	0,713
Психическое здоровье	0,808	0,825	0,789	0,827
Когнитивный потенциал	0,623	0,611	0,593	0,565
Творческий потенциал	0,580	0,584	0,542	0,546
Коммуникабельность	0,745	0,765	0,726	0,742
Культурный уровень	0,687	0,664	0,666	0,587
Нравственный уровень	0,783	0,794	0,769	0,744
Потребность в достижении	0,671	0,679	0,624	0,594
Социальная дееспособность	0,688	0,691	0,664	0,646

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

в профессиональной организации, уступают тем, кто не изменил своему профессиональному выбору (44,7% успешных против 59,1). Следовательно, снова респонденты, работающие по схожей специальности, показывают более высокий результат.

Сравнение групп по показателю «качество трудового потенциала» дает нам картину преимуществ работников, которые трудятся по близкой (схожей) специальности (табл. 6). Значения индексов качественных свойств трудового потенциала в этой группе заметно выше.

Различие можно отметить только по двум характеристикам: когнитивный потенциал⁵ и культурный уровень⁶. В этих случаях лидирующая группа работающих по близкой специальности немного отстает от тех, кто трудится в соответствии с полученной профессией, за счет меньшего согласия ее представителей с утверждениями «зна-

ния украшают жизнь человека, делают его счастливее» (53% против 65), «лучше иметь хорошее образование, чем не иметь его» (66% против 68), «узнавать что-нибудь новое, размышляя над прочитанным – что может быть приятнее!» (33% против 41); «если бы начать жизнь сначала, я бы сделал(а) все возможное, чтобы получить хорошее образование» (49% против 52).

Работающие не по специальности проигрывают в качестве трудового потенциала (0,664 ед.) двум первым группам (по близкой специальности – 0,691 ед., по специальности – 0,688 ед.). Данный факт свидетельствует не в пользу выбора работы не по специальности.

На основе анализа данных было определено, что среди тех, кто обладает необходимой квалификацией, соответствующей требованиям рабочего места, преобладает группа работающих по специальности (48,9%).

⁵ Методика измерения когнитивного потенциала представляет собой тест-опросник, содержащий 10 положений, с которыми испытуемый выражает свое согласие/несогласие. Тест направлен на выявление отношения к знаниям и образованию. Кроме того, оцениваются деятельность человека по пополнению знаний и источники пополнения знаний.

⁶ Методика измерения культурного уровня представляет собой тест-опросник, содержащий 17 положений, с которыми испытуемый выражает свое согласие/несогласие. Тест направлен на выявление степени выраженности внутренней (умение поддерживать свое здоровье, организовать свой досуг, хорошо выполнять свою работу и др.) и внешней культуры человека (вежливость, хорошие манеры, знание этикета и др.).

Таблица 7. Оценка соответствия квалификации работников Вологодской области выполняемой ими работе в зависимости от соответствия/несоответствия работы и полученного образования, % от числа работающих

Вариант ответа	Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?			
	да	работаю по близкой специальности	нет, работаю по другой специальности	не получал(а) специальности
Моя квалификация (подготовка) выше, чем требует от меня работа, могу выполнять и более квалифицированную работу	48,9	16,9	29,3	4,8
Моя квалификация (подготовка) соответствует требованиям, предъявляемым работой (чтобы выполнять более квалифицированную работу, мне нужно подучиться)	55,9	15,7	21,6	6,8
Моя квалификация ниже, чем требуется работа	31,9	17,0	44,7	6,4
Не знаю, трудно сказать	20,0	6,5	47,4	26,0

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

Такая же картина и среди тех, у кого «квалификация соответствует требованиям, предъявляемым работой», но «чтобы выполнять более квалифицированную работу, нужно подучиться» – почти 56% работает по специальности (табл. 7). Это связано с усложнением труда, автоматизацией и цифровизацией трудовых процессов, наблюдаемыми в настоящее время.

Стоит обратить внимание на работников с «квалификацией ниже, чем требует работа». В данной группе большинство трудится не по специальности (44,7%). Можно предположить, что этот аспект характеризует как раз имеющееся несоответствие полученных при обучении компетенций и требований рабочего места.

Заработная плата работников, выбравших трудовой путь, идущий вразрез с полученным образованием, согласно нашим исследованиям, в среднем составляет только 85% от заработной платы работников группы «по специальности» (29,7 тыс. руб. против 35,6) и 77% – группы работающих по близкой специальности (38,2 тыс. руб.), что наглядно свидетельствует о наличии риска в выборе такой трудовой траектории (Rudakov et al., 2022).

Заключение

Таким образом, исследование показало, что работа не по специальности несет в себе существенные риски как для работника, так и для экономики. Во-первых, она обесценивает образование, поскольку полученный диплом практически не работает, а приобретенные знания используются по минимуму или вовсе не задействованы его обладателем. Кроме того, требуется до- и переобучение такого работника, а это дополнительные расходы работодателя. Во-вторых, обладатель такой работы находится в состоянии риска, т. к. он может быть не удовлетворен выполняемой работой, соответственно, трудиться не с полной отдачей и не получать причитающиеся ему бонусы за образование. Выбирая профессию не по специальности, работник не до конца может учесть требования работодателей, что влечет за собой конфликтную ситуацию как максимум и разочарование работника, стресс и его неудовлетворенность как минимум.

Однако к возможностям, которые сопровождают работу не по специальности, можно отнести расширение кругозора работника, связанное с необходимостью дообразования. Представляется, что смена де-

тельности побуждает работника к самообразованию, освоению новых компетенций, поскольку этого требует незнакомый спектр обязанностей. Работа не по специальности в данном случае играет роль мотиватора для дальнейшего образования либо самообразования. Указанные плюсы являются в какой-то мере «оправдывающими» такой выбор.

Кроме того, при невозможности найти работу по своей специальности в месте проживания будущий работник может принять решение о переезде в другой населенный пункт, что увеличивает трудовую и про-

странственную мобильность населения. Не случайно в этой группе более трети работает не в месте своего проживания (37%).

В таком случае наиболее оправданной рекомендацией может служить предложение о выборе близкой (схожей) профессии. Характеристики данной стратегии, рассмотренные нами выше, показывают ее преимущества даже по сравнению с работой по специальности.

Указанные в исследовании риски и возможности следует учитывать в профориентационной работе в образовательных организациях.

ЛИТЕРАТУРА

- Албитова Н.В., Пашкова С.Е., Антонова Г.В. (2017). Региональный опыт содействия занятости женщин с детьми // Экономика и управление: проблемы, решения. № 12. С. 75–82.
- Александрова О.А., Аликперова Н.В., Бурдастова Ю.В. [и др.] (2022). Экономическая активность населения в сфере образования и труда: монография / отв. ред. А.В. Ярашева. Москва: ФНИСЦ РАН. 278 с.
- Балабанова Е.С. (2015). «Деловые» и «кланово-семейные» социальные связи в трудоустройстве российских работников // Мат-лы сб. XV Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Кн. 4 / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: ИД ВШЭ. С. 151–158.
- Балганова Е.В., Бушуева И.П., Генералова О.А. (2023). Занятость не по специальности в России // Экономика труда. Т. 10. № 1. DOI: 10.18334/et.10.1.117056
- Банникова Л.Н., Унусян Г.С. (2017). Трудоустройство не по специальности как институциональная ловушка российского рынка труда // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / под общ. ред. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ. 903 с.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С., Рыжикова З.А., Биляк Т.А. (2009). Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 2. С. 172–216.
- Гинсбург М.В. (2015). Реализация программ по содействию занятости молодежи в условиях центров занятости населения // Отечественный журнал социальной работы. № 3 (62). С. 92–100.
- Горина Т.И., Кефели В.Б. (2016). Проблемы трудоустройства инвалидов: региональный аспект // Вестник Института социологии. № 3 (18). С. 97–111. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.414
- Гуртов В.А., Серова Л.М., Федорова Е.А. (2012). Трудоустройство по специальности с позиции выпускника // Высшее образование в России. № 12. С. 22–28.
- Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Зенкова О.А. (2020). Исследование процессов трансформации трудовых мотивов и форм занятости населения в условиях инновационного развития экономики // Вопросы инновационной экономики. № 2. С. 653–662. DOI: 10.18334/vines.10.2.100909
- Дмитриева Л.И., Борисова А.А. (2019). Ценностные ориентации при трудоустройстве: ключевые индикаторы HR-бренда // Экономика труда. № 4. С. 1523–1532. DOI: 10.18334/et.6.4.41192
- Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Травкин П.В. (2019). Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: все еще омут или уже брод // Вопросы образования. № 1. С. 109–136. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-109-136>

- Ильясов Ф.Н. (1988). Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением) / под ред. В.Г. Андреевкова. Ашхабад: Наука. 100 с.
- Клячко Т.Л., Семионова Е.А. (2018). Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования // Экономическая политика. № 2. С. 100–125. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-06
- Колосова А.И., Рудаков В.Н., Рошин С.Ю. (2020). Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов // Вопросы экономики. № 11. С. 113–132.
- Лаврусевич П.Е. (2007). Личные связи на российском рынке труда: региональная специфика и формирование стратегий трудоустройства // Регион: экономика и социология. № 2. С. 136–150.
- Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. (2018). Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН. 192 с.
- Мозговая А.В., Яишников А.Ю. (2018). Способность к трудоустройству как ресурс профессиональной адаптации личности // Вестник Института социологии. № 3 (26). С. 143–157. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.530
- Петрова Л.Е., Харченко В.С. (2015). «Работа по специальности» как устаревшее понятие // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. № 2. С. 17–24.
- Попов А.В. (2017). Проблемы обеспеченности экономики трудовыми ресурсами // Вестник НГУЭУ. № 1. С. 40–53.
- Разумова Т.О., Золотина О.А. (2019). Особенности занятости выпускников вузов на российском рынке труда // Вестник Московского ун-та. Сер. 6: Экономика. № 2. С. 138–157. URL: <https://doi.org/10.38050/01300105201928>
- Рошин С., Солнцев С., Васильев Д. (2017). Технологии рекрутинга и поиска работы в эпоху интернета // Форсайт. № 4. С. 34–43. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.33.43
- Сандлер Д.Г., Сущенко А.Д., Кузнецов П.Д., Печенкина Т.Е. (2018). Трудоустройство выпускников и его связь с качеством высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. № 3 (115). С. 73–85. DOI: 10.15826/umpra.2018.03.028
- Устинова К.А. (2013). Соответствие квалификации занятого населения требованиям рабочих мест // Вопросы территориального развития. № 1 (1). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1309>
- Чекмарева Е.А., Шабунова А.А. (2016). Работа по призванию: выгодно ли это для экономики? // Социологический альманах. № 7. С. 156–164.
- Чердниченко Г.А. (2018). Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ) // Социологические исследования. № 8 (412). С. 91–101. DOI: 10.31857/S013216250000764-3
- Черныш М.Ф. (2019). Поиск работы по неформальным каналам как фактор социальной дифференциации в молодежной среде // Информационно-аналитический бюллетень. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 21–38.
- Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Россошанская Е.А. (2017). Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 4. С. 162–179. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.9
- Шухатович В.Р. (2014). Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (35). С. 108–192.
- Allen J., Van der Velden R. (2001). Educational Mismatches versus Skill Mismatches: Effects on Wages, Job Satisfaction, and On-the-job Search. *Oxford Economic Papers*, 53 (3), 434–452. DOI: 10.1093/oep/53.3.434
- Bédoué C., Giret J.F. (2011). Mismatch of Vocational Graduates: What Penalty on French Labour Market? *Journal of Vocational Behavior*, 78 (1), 68–79. DOI:10.1016/j.jvb.2010.09.003

- Mahuteau S., Mavromaras K., Sloane P., Wei Z. (2014). Horizontal and Vertical Educational Mismatch and Wages. Melbourne, Australia. *Dipetik*, 8 (12).
- Nieto S., Matano A., Ramos R. (2013). Educational Mismatches in the EU: Immigrants vs Native. *International Journal of Manpower*, 36 (4), 540–561. DOI:10.1108/IJM-11-2013-0260
- Rudakov V., Figueiredo H., Teixeira P., Roshchin S. (2022). Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates in Russia. *Journal of Education and Work*, 35 (6–7), 680–699. DOI: 10.1080/13639080.2022.2126966

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Leonidova G.V.

RISKS AND OPPORTUNITIES FOR EMPLOYMENT OUTSIDE THE SPECIALTY (BASED ON REGIONAL MONITORING MATERIALS)

At the present stage of development, one of the urgent tasks is to find reserves of economic growth of territories, among which an important place is given to non-economic factors, such as work in the specialty. However, the growth of non-standard employment and other socio-economic transformations are creating an environment of inefficient employment for population as a whole, young people in particular. According to Rosstat, the share of 2018–2020 graduates working outside their specialty is 26% in higher education, mid-level specialist training – 41%, qualified workers – 46%. Employment outside the specialty raises many questions, in particular about reasons, opportunities and disadvantages of this choice, about the level and quality of labor potential of those working outside the training profile, their satisfaction with their chosen profession, etc. The aim of the research is to analyze reasons, risks and opportunities of work outside the specialty of the Vologda Oblast employed population. The information base is Rosstat data, results of the monitoring of labor potential quality, conducted in the Vologda Oblast. We have identified risks of employment outside the specialty: lower level of job satisfaction, loss of wages, less correspondence of work to vocation, aptitudes and abilities. We have proved that employment outside the specialty has more disadvantages than opportunities. The latter include only the fact that such choice of employment gives an employee the basis for mastering a new line of activity and new competencies, increasing labor mobility. We have shown significant advantages of working in specialty and close to it professional directions: higher level of wages, effective realization of labor potential quality, respectively, greater benefits for the economy. The research novelty lies in the disclosure of previously unexplored aspects of work outside specialty (matching the vocation, aptitudes and abilities of an employee). The results of our study can be used for career guidance activities in educational organizations

Socio-economic development of the territory, economic growth, non-economic factors, work in the specialty, work outside the specialty, labor potential, vocation

REFERENCES

- Albitova N.V., Pashkova S.E., Antonova G.V. (2017). Regional experience in promoting the employment of women with children. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*=*Economics and Management: Problems, Solutions*, 12(2), 75–82 (in Russian).
- Aleksandrova O.A., Alikperova N.V., Burdastova Yu.V. et al. (2022). *Ekonomicheskaya aktivnost' naseleniya v sfere obrazovaniya i truda: monografiya* [Economic Activity of the Population in Education and Labor: Monograph]. Moscow: FNISTS RAN.
- Allen J., Van der Velden R. (2001). Educational mismatches versus skill mismatches: effects on wages, job satisfaction, and on-the-job Search. *Oxford Economic Papers*, 53(3), 434–452. DOI: 10.1093/oeq/53.3.434
- Balabanova E.S. (2015). “Business” and “clan-family” social ties in the employment of Russian workers. In: Yasin E.G. (Ed.). *Mat-ly sb. XV Aprel'skoi mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Kn. 4* [Proceedings of the 15th April International Scientific Conference on the Problems of Development of Economy and Society. Book 4]. Moscow: ID VShE (in Russian).
- Balganova E.V., Bushueva I.P., Generalova O.A. (2023). Employment outside the profession in Russia. *Ekonomika truda*=*Russian Journal of Labor Economics*, 10(1). DOI: 10.18334/et.10.1.117056 (in Russian).
- Bannikova L.N., Unusyan G.S. (2017). Non-specialty employment as an institutional trap in the Russian labor market. In: Saralieva Z.Kh. (Ed.). *Transformatsiya chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletiya. V 2 t. T. 2* [The Transformation of Human Potential in the Context of the Century. In 2 Volumes. Volume 2]. Nizhny Novgorod: Izd-vo NISOTs.
- Bédoué C., Giret J.F. (2011). Mismatch of vocational graduates: What penalty on French labour market? *Journal of Vocational Behavior*, 78(1), 68–79. DOI: 10.1016/j.jvb.2010.09.003
- Chekmareva E.A., Shabunova A.A. (2016). Profession by vocation: Is it beneficial for economy? *Sotsiologicheskii al'manakh*, 7, 156–164 (in Russian).
- Cherednichenko G.A. (2018). Employment after universities on the material of the Russian statistics committee survey. *Sotsiologicheskie issledovaniya*=*Sociological Studies*, 8(412), 91–101. DOI: 10.31857/S013216250000764-3 (in Russian).
- Chernysh M.F. (2019). Job search through informal channels as a factor of social differentiation among young people. *Informatsionno-analiticheskii byulleten'. INAB. No. 4. Sotsial'naya adaptatsiya molodezhi na rynke truda*, 21–38 (in Russian).
- Dashkova E.S., Dorokhova N.V., Zenkova O.A. (2020). Research of processes of labour motives transformation and forms of employment in the conditions of innovative development of the economy. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*=*Russian Journal of Innovation Economics*, 2, 653–662. DOI: 10.18334/vinec.10.2.100909 (in Russian).
- Dmitrieva L.I., Borisova A.A. (2019). Value-orientations in employment: Key indicators of HR-brand. *Ekonomika truda*=*Russian Journal of Labor Economics*, 4, 1523–1532. DOI: 10.18334/et.6.4.41192 (in Russian).
- Dudyrev F.F., Romanova O.A., Travkin P.V. (2019). Employment of vocational graduates: Still a slough or already a ford? *Voprosy obrazovaniya*=*Educational Studies Moscow*, 1, 109–136. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-109-136 (in Russian).
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I., Karabchuk T.S., Ryzhikova Z.A., Bilyak T.A. (2009). Choice of occupation: Where have we studied and where are we working? *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*=*Higher School of Economics Economic Journal*, 2, 172–216 (in Russian).
- Ginsburg M.V. (2015). Implementation of programs for assistance of employment of youth in conditions of employment centers of the population. *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*, 3(62), 92–100 (in Russian).

- Gorina T.I., Kefeli V.B. (2016). Issues attributed to the employment of disable people: A regional aspect. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 3(18), 97–111. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.414 (in Russian).
- Gurtov V.A., Serova L.M., Fedorova E.A. (2012). Graduates: Occupation in accordance with major. *Vyshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*, 12, 22–28 (in Russian).
- Il'yasov F.N. (1988). *Udovletvorennost' trudom (analiz struktury, izmerenie, svyaz' s proizvodstvennym povedeniem)* [Satisfaction with Work (Analysis of Structure, Measurement, Connection with Production Behavior)]. Ashgabad: Nauka.
- Klyachko T.L., Semionova E.A. (2018). Transition to employment: Graduates of the vocational education system. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*, 2, 100–125. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-06 (in Russian).
- Kolosova A.I., Rudakov V.N., Roshchin S.Yu. (2020). The impact of job-education match on graduate salaries and job satisfaction. *Voprosy ekonomiki*, 11, 113–132 (in Russian).
- Lavrusevich P.E. (2007). Personal connections in the Russian labor market: Regional specifics and the formation of employment strategies. *Region: ekonomika i sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 2, 136–150 (in Russian).
- Leonidova G.V., Rossoshanskaya E.A., Popov A.V. (2018). *Monitoring kachestva trudovogo potentsiala: 20 let regional'nykh issledovaniy* [Monitoring the Quality of Labor Potential: 20 Years of Regional Research]. Vologda: VolRC RAS.
- Mahuteau S., Mavromaras K., Sloane P., Wei Z. (2014). Horizontal and vertical educational mismatch and wages. Melbourne, Australia. *Dipetik*, 8(12).
- Mozgovaya A.V., Yaishnikov A.Yu. (2018). The ability to secure a job as a resource for personal professional adaptation. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 3(26), 143–157. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.530 (in Russian).
- Nieto S., Matano A., Ramos R. (2013). Educational mismatches in the EU: Immigrants vs native. *International Journal of Manpower*, 36(4), 540–561. DOI:10.1108/IJM-11-2013-0260
- Petrova L.E., Kharchenko V.S. (2015). “Work on a specialty” as an outdated concept. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki*, 2, 17–24 (in Russian).
- Popov A.V. (2017). Issues of availability of labor resources in Russian economy. *Vestnik NGUEU=Vestnik NSUEM*, 1, 40–53 (in Russian).
- Razumova T.O., Zolotina O.A. (2019). Employment characteristics of university graduates in the Russian labor market. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6: Ekonomika=Moscow University Economics Bulletin*, 2, 138–157. Available at: <https://doi.org/10.38050/01300105201928> (in Russian).
- Roshchin S., Solntsev S., Vasilyev D. (2017). Recruiting and job search technologies in the age of internet. *Forsait=Foresight and STI Governance*, 4, 34–43. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.33.43 (in Russian).
- Rudakov V., Figueiredo H., Teixeira P., Roshchin S. (2022). Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates in Russia. *Journal of Education and Work*, 35(6–7), 680–699. DOI: 10.1080/13639080.2022.2126966
- Sandler D.G., Sushchenko A.D., Kuznetsov P.D., Pechenkina T.E. (2018). Employment for university graduates and its measure the higher education quality. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz=University Management: Practice and Analysis*, 3(115), 73–85. DOI: 10.15826/umpa.2018.03.028 (in Russian).
- Shabunova A.A., Leonidova G.V., Rossoshanskaya E.A. (2017). Socio-cultural reserves of economic growth: Productivity of the work chosen according to one's calling. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(4), 162–179. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.9 (in Russian).

- Shuhatovich V.R. (2014). Professional vocation: On the subject of non-economic factors in economic growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5(35), 108–192 (in Russian).
- Ustinova K.A. (2013). Matching the qualifications of the employed population to the requirements of jobs. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 1(1). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1309> (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.6

УДК 331.101.3 | ББК 65.24

© Белехова Г.В.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ И РАЙОНАХ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ ПРОЦЕССОВ 2020–2022 ГГ.

ГАЛИНА ВАДИМОВНА БЕЛЕХОВАВологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: belek-galina@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-6373-9043](https://orcid.org/0000-0002-6373-9043); ResearcherID: [I-8182-2016](https://orcid.org/1-8182-2016)

Вызовы пандемии и трансформация геополитической ситуации оказывают огромное влияние на национальный рынок труда и социально-трудовую сферу в России, что, в свою очередь, воздействует на положение и самочувствие занятого населения. Субъективный и динамический показатель удовлетворенности работой и разными ее аспектами становится важным обобщающим индикатором положения работника в организации. Цель проведенного исследования заключается в оценке изменения уровня удовлетворенности работой со стороны населения, проживающего в крупных городах и за их пределами, в условиях кризисных процессов. Информационную базу составили данные мониторинга трудового потенциала населения, проведенного Вологодским научным центром Российской академии наук в 2018, 2020 и 2022 годах. Используется многомерный подход к измерению удовлетворенности работой. Для анализа данных применяется инструментарий частотного распределения и построения таблиц сопряженности. Рассчитаны интегральные индексы удовлетворенности основными элементами трудовой жизни (работы). Выявлена тенденция к повышению удовлетворенности большинством элементов работы. Наибольшую удовлетворенность вызывают условия труда, взаимоотношения с коллегами и руководством, содержание выполняемой работы, значимость работы для общества и баланс между работой и личной жизнью. Ниже уровень удовлетворенности оплатой труда, некоторыми организационными и профессиональными аспектами (работой профсоюза, возможностями обучения и повышения квалификации). Жители крупных городов по сравнению с жителями районов более удовлетворены оплатой труда; условиями труда, особенно в части технической

Для цитирования: Белехова Г.В. (2023). Удовлетворенность работой в крупных городах и районах в условиях кризисных процессов 2020–2022 гг. // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 79–98. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.6

For citation: Belekova G.V. (2023). Job satisfaction in big cities and districts in 2020–2022 crisis processes. *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 79–98. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.6

оснащенности рабочего места и соблюдения трудового законодательства; организационными аспектами и работой с кадрами; социально-психологическими аспектами работы. Проведенное исследование вносит вклад в понимание изменений, происходящих в субъективном восприятии населением работы на фоне нарастания внешних вызовов.

Удовлетворенность работой, мониторинг, регион, оплата труда, условия труда, значимость труда.

Введение

Актуальность обращения к вопросам качества трудовой жизни и удовлетворенности работой вызвана тем, что качество жизни в целом является основным критерием социального прогресса, свидетельствующим об ориентации экономики на нужды человека и ее гуманизации (Леонидова, 2022b). В контексте возрастающих запросов общества как на социальную справедливость в распределении богатства (Белехова, 2023; Мареева и др., 2022), так и на социальную ответственность бизнеса, а также усложнения внешней среды и трансформации социально-трудовых отношений качество трудовой жизни становится «особым мотиватором, влияющим на формирование, реализацию и развитие трудового потенциала работников» (Баташева, 2015; Леонидова, 2022a).

В обсуждении проблем качества трудовой жизни и реализации трудового потенциала немалая роль отводится субъективному восприятию работниками своего положения в сфере труда и занятости (Попов, 2023), поскольку оценка изменений в самочувствии, в отношении к труду и удовлетворенности трудовой жизнью позволяет выявлять проблемы в управлении трудовыми ресурсами, отслеживать практики адаптации работников к происходящим изменениям.

Пандемия COVID-19, а далее изменение геополитической ситуации и усиление санкционного давления оказали и продолжают оказывать огромное влияние на национальную экономику, в том числе на социально-трудовую сферу. В свете происходящих событий интерес представляет трудовая деятельность и ее субъективное восприятие населением, проживающим в крупных городах и районных образованиях (малые и средние города, сельская местность). Во-первых, в последние годы происходило активное

«социокультурное сближение» городов и районов благодаря процессам цифровизации и расширяющемуся доступу к культурным благам, товарам и услугам онлайн, распространению дистанционной занятости, реализации проектов по строительству и ремонту дорог, модернизации сельскохозяйственных производств (Шабунова и др., 2022). Однако события 2020–2022 гг. во многом приостановили позитивное влияние данных процессов в районах и сельской местности, прежде всего с социально-экономической точки зрения. Во-вторых, территории вне крупных городов часто характеризуются слабой диверсификацией экономики, ограниченностью предлагаемого набора профессий, низкой доходностью трудовой деятельности, активной миграцией жителей, особенно молодежи, в крупные города, приводящей к ускорению старения населения, ограниченностью социальной, транспортной и сервисной инфраструктуры (Югов, 2021; Ворошилов и др., 2022). Данные обстоятельства влияют на привлекательность и восприятие трудовой деятельности вне крупных городов, особенно в кризисные периоды. В-третьих, несмотря на высокую конкурентоспособность рынка труда и сосредоточение высокооплачиваемых секторов (финансовые услуги, крупные производства, обрабатывающие предприятия и проч.) в крупных городах, в них же острее проявляются и переживают социально-психологические последствия внешних вызовов (изоляция и социальная исключенность, потеря работы и/или дохода, неприятие проводимой политики и протестная активность и т. п.).

Следовательно, с одной стороны, в условиях и многообразных условиях по поводу использования труда аспекты субъективного восприятия работы (в частности, удовлетворенность работой) весьма

чувствительны к изменениям характеристик трудовой жизни и показательны с точки зрения оценки положения работников. С другой стороны, территориальный аспект в исследовании рынка труда и трудовой жизни населения в периоды нестабильности также имеет особое значение, позволяя выявлять специфику поведения и адаптации населения, проживающего в крупных городах, районах или сельской местности.

В ходе исследований эмпирически установлены связи высокой удовлетворенности работой с положительной самооценкой результатов труда, большей замотивированностью работников, приверженностью организации, производительностью труда (Леонидова, Попов, 2014; Mohammed et al., 2022). Результатами эффективного управления удовлетворенностью работой персонала выступает снижение текучести кадров, профессиональное развитие сотрудников, хорошее эмоциональное состояние работников, повышение производительности труда и качества производимого продукта или услуги и т. п. (Зарипова, Тараканова, 2022; Judge et al., 2020).

Из вышесказанного следует, что удовлетворенностью работой необходимо осознанно управлять, а для принятия адекватных решений как на уровне организаций, так и на более высоком – муниципальном или региональном – уровне необходима предварительная оценка. Соответственно, в ходе исследования, результаты которого отражены в статье, мы преследовали цель оценить динамику удовлетворенности работой со стороны населения, проживающего в крупных городах Вологодской области и за их пределами, в условиях кризисных процессов. В рамках научной гипотезы мы предполагаем, что под влиянием социально-экономической нестабильности последних лет (2020–2022 гг.), послужившей, среди прочего, причиной трансформаций на рынке труда и в сфере социально-трудовых отношений, произошло заметное ухудшение уровня удовлетворенности населения работой, особенно сильно коснувшееся жителей вне крупных городов (т. е. в малых и средних городах, сельской местности). Для достижения

цели и проверки гипотезы были поставлены и решены следующие задачи: во-первых, рассмотрены теоретико-методологические основы исследования удовлетворенности работой, а именно раскрыто сущностное содержание данной категории и методика ее оценки, обоснована применяемая методика ее измерения; во-вторых, на материалах социологических исследований, проведенных в Вологодской области, выполнена оценка удовлетворенности работой, а также выявлены ключевые тенденции изменения удовлетворенности работой населения, проживающего в крупных городах и районах.

Теоретико-методологическая рамка исследования

В научной дискуссии представлено большое количество работ по изучению удовлетворенности работой, соответственно, наблюдается многообразие мнений относительно концептуального содержания и эмпирической интерпретации данной категории. В рамках статьи мы оставляем в стороне вопрос об обоснованности, достоверности и практической применимости тех или иных подходов к измерению удовлетворенности работой, поскольку это предмет отдельных исследований (см., например, Татарова, Бессокирная, 2017), а рассмотрим наиболее распространенные подходы и обозначим свою исследовательскую нишу.

В самом общем виде удовлетворенность работой означает «приятное или позитивное эмоциональное состояние работника, возникающее в результате самооценки работы или опыта работы» (Locke, 1976).

В теории Ф. Херцберга удовлетворенность работой исследуется в контексте трудовой мотивации работников. Ученый выделяет два типа факторов: «мотивационные факторы (факторы-мотиваторы), которые способствуют повышению удовлетворенности, и гигиенические факторы, лишь устраняющие неудовлетворенность, но не способные привести к получению удовольствия от работы» (Иванова и др., 2012; Herzberg, 1968).

В отечественной науке одно из первых определений удовлетворенности работой,

приведенное в социологическом словаре, описывало ее как «состояние сбалансированности потребностей (запросов), предъявляемых работником к содержанию, характеру и условиям труда, и субъективной оценки возможностей реализации этих запросов»¹ (Ильясов, 2013).

По мнению А.Л. Темницкого, удовлетворенность трудом следует рассматривать с двух позиций. С одной стороны, она «выражает уровень притязаний, направленность требований работников к предприятию и своей работе». С другой стороны, удовлетворенность трудом выступает «своеобразным инструментом оценки работником окружающей рабочей среды (средств и предметов труда, человеческого окружения) с учетом объективно необходимых критериев реальности, приемлемой с учетом представлений о хорошей жизни степени насыщения потребностей» (Темницкий, 2012).

Нам близка позиция Г.Г. Татаровой и Г.П. Бессокирной, согласно которой удовлетворенность трудом/работой является неким исследовательским конструктом и представляет собой «междисциплинарную категорию, которая характеризует состояние трудовых отношений с позиции субъекта труда» (Татарова, Бессокирная, 2017). Такой подход к пониманию удовлетворенности работой позволяет изучать ее, во-первых, с позиции субъективного восприятия конкретного индивида, во-вторых, как совокупность когнитивных оценок разнообразных аспектов трудовой жизни работников.

Отметим, что следует разграничивать категории «труд» и «работа», а следовательно, «удовлетворенность трудом» и «удовлетворенность работой». Труд – более широкое понятие, это одна из ведущих потребностей человека, в которой он реализует себя. Работа более предметна, т. е. это обязанность (или обязательство), привязанная к определенному месту работы и набору трудовых функций. Следовательно, удовлетворенность работой характеризуется «удовлетворенность трудовой деятельностью на определенном рабочем месте на

конкретных предприятиях и в организациях» (Татарова, Бессокирная, 2017).

Среди конкретных прикладных исследований в рамках рассматриваемой проблематики представлены исследования удовлетворенности трудом/работой как показателя эффективной мотивационной политики современной организации (Карамышева, 2022); результаты измерений уровня удовлетворенности работой в разрезе профессиональных групп и отраслей (Петунова и др., 2022; Косюк и др., 2022; Platis et al., 2015), а также в разрезе социально-демографических характеристик населения (Леонидова, Попов, 2014; Perugini, Vladislavljević, 2019). Отдельный пласт составляют труды, в которых авторы изучают факторы формирования удовлетворенности работой (Устинова, Гордиевская, 2019; Ефимова, Латышев, 2023). В последние годы появляются публикации, в которых освещаются изменения в удовлетворенности работой на различных этапах социально-экономического развития (например, в период пандемии новой коронавирусной инфекции) (Леонидова, 2022b; Thu et al., 2022).

Говоря о методологических подходах к измерению удовлетворенности работой, обратимся к систематизации Г.Г. Татаровой и Г.П. Бессокирной, которая, на наш взгляд, наиболее полно и грамотно обобщает разнородные методики. Выделяются три класса моделей – модели с единственным индикатором в рамках одномерного континуума; модели с множественными индикаторами в рамках одномерного континуума; модели многомерного измерения с выделением разных сторон, плоскостей удовлетворенности работой, принципиально не сводимых к одному показателю (Татарова, Бессокирная, 2017). В случае применения первого класса моделей удовлетворенность измеряется общим вопросом «Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом?».

Примерами второго класса моделей являются логические индексы и шкалы суммарных оценок, например «логический

¹ См.: Краткий словарь по социологии (1989) / под ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. Москва: Политиздат. 479 с.

квадрат», который представлен в классическом исследовании «Человек и его работа в СССР и после» и конструируется по трем вопросам: «Устраивает ли Вас Ваша теперешняя работа?»; «Хотите ли Вы перейти на другую работу?»; «Предположим, что по каким-то причинам Вы временно не работаете. Вернулись бы Вы на свое прежнее место работы?»² (Татарова, Бессокирная, 2017). На основе проведенных расчетов и эмпирических обобщений авторами было установлено, что «измерение уровня общей удовлетворенности работой свидетельствует лишь об уровне адаптированности работника в данной организации и не более того» (Ядов, Киссель, 1974).

К третьему классу моделей относятся многомерные измерения удовлетворенности работой по отдельным ее компонентам. Такой подход представлен, например, в работе Т.Ю. Ивановой, Е.И. Рассказовой, Е.Н. Осина: авторы выделяют пять групп компонентов удовлетворенности трудом – заработная плата, условия и организация труда, руководство, коллектив, содержание работы и собственные достижения, которые оцениваются посредством 19 вопросов при помощи пятибалльной шкалы Лайкерта (Иванова и др., 2012).

Независимо от подхода к оценке удовлетворенности работой – одномерное измерение «логическим индексом» или шкалой суммарных оценок, многомерное измерение по компонентам или интегральное измерение обобщающим индексом – в любом случае используется некоторый перечень параметров. Например, заработная плата, продвижение по службе, дополнительные льготы, стимулы, руководство (политика, отношения), коллеги, рабочая среда, внутренние рабочие характеристики (Spector, 1997); заработная плата, уровень содержательности труда работника, продвижение по службе, соблюдение трудового законодательства на рабочем месте, уровень взаимного доверия в организации, субъективный социальный статус, баланс работы и личной жизни (Черных,

2022; Almarsh, 2015; Díaz-Carrión et al., 2020); общая удовлетворенность работой и условиями труда, заработная плата, санитарно-гигиеническая обстановка, техническая оснащенность, безопасность, психологическая обстановка (Леонидова, Попов, 2014).

Таким образом, проблематика удовлетворенности работой популярна в научном дискурсе, а ее проблемное поле весьма разнообразно. Однако не так часто предметом обсуждений становится региональный разрез удовлетворенности работой (в частности, сравнение населения крупных городов и районов), тем более в привязке к различным с точки зрения социально-экономических условий периодам функционирования экономики.

Методика и информационная база исследования

Для достижения поставленной цели используется многомерный подход к измерению удовлетворенности работой по набору основных элементов трудовой жизни (работы). Как отмечает А.Л. Темницкий, к их числу следует относить те, которые воспроизводятся на повседневном уровне, оказывают влияние на результаты труда и формируют относительно устойчивую иерархию элементов производственных ситуаций, а именно оплата труда, условия труда, организация труда, содержание труда, отношения с коллегами и руководителями, использование рабочего времени (Темницкий, 2012).

Информационную базу исследования составили данные мониторинга трудового потенциала населения, проведенного Вологодским научным центром Российской академии наук в 2018, 2020 и 2022 гг. Опросы осуществлялись в городах Вологде и Череповце и восьми районах Вологодской области. Объем выборки – 1500 человек (тип выборки: квотная по полу и возрасту). Величина ошибки выборки составляет не более 4%. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS и Ms Excel. Для анализа данных применялся инстру-

² Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. (2003). Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс. 485 с.

ментарий частотного распределения и построения таблиц сопряженности.

Выбор периода (2018–2022 гг.) обусловлен не только доступностью необходимых данных, но и наличием так называемой «контрольной точки», т. е. 2018 года, который можно охарактеризовать как относительно стабильный с точки зрения процессов в обществе и экономике по сравнению с 2020–2022 гг., сопровождавшимися существенными трансформациями социально-экономической жизни.

Оценка удовлетворенности работой проводится с помощью вопроса «Насколько Вы удовлетворены разными аспектами Вашей

трудовой жизни ...?». Уровень удовлетворенности респондента оценивается нечетным числом ответов: «не удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не могу сказать, удовлетворен или нет», «скорее удовлетворен», «удовлетворен» (по аналогии с пятибалльной шкалой Лайкерта). При анализе крайние варианты ответов («не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен»; «скорее удовлетворен» и «удовлетворен») объединяются.

Перечень элементов работы и соответствующих им показателей для измерения удовлетворенности работой приведен в табл. 1. В рамках одной статьи невозможно полноценно остановиться на всех аспектах

Таблица 1. Показатели оценки удовлетворенности работой

Элемент работы (трудовой жизни)		Показатель	Индекс удовлетворенности
Оплата труда		Размер заработной платы; система материального стимулирования; полнота социального пакета	Индекс удовлетворенности оплатой труда (ИУ ₀)
Условия, организация и содержание труда	Условия труда	Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда; техническая оснащенность рабочего места; работа профсоюза; соблюдение трудового законодательства	Индекс удовлетворенности условиями труда (ИУ ₁)
	Возможности использования и развития человеческого потенциала	Содержание выполняемой работы; возможность обучения, повышения квалификации; признание трудовых результатов, заслуг, успехов (нематериальное стимулирование); возможность участия в принятии управленческих решений; возможности для карьерного роста	Индекс удовлетворенности возможностями использования и развития человеческого потенциала (ИУ ₂)
	Стабильность занятости	Устойчивость положения организации на рынке; значимость организации для территории; надежность Вашего положения в организации	Индекс удовлетворенности стабильностью занятости (ИУ ₃)
Отношения с коллегами по работе и непосредственными руководителями (психологический климат)		Взаимоотношения в трудовом коллективе; отношения с руководством организации	Индекс удовлетворенности психологическим климатом в трудовом коллективе (ИУ ₄)
Использование рабочего времени		Возможность сочетать трудовые и семейные/личные обязанности	Индекс удовлетворенности взаимодействием с общим жизненным пространством или балансом работы и личной жизни (ИУ ₅)
Социальная значимость труда		Общественная полезность и социальная значимость профессии/труда	Индекс удовлетворенности социальной значимостью труда (ИУ ₆)
Источник: составлено автором.			

удовлетворенности работой, поэтому в ходе анализа рассмотрены укрупненные блоки – оплата труда (см. табл. 1), условия труда (см. табл. 1), организационные аспекты и работа с кадрами (содержание выполняемой работы; возможность обучения, повышения квалификации; нематериальное стимулирование; устойчивость положения организации на рынке; надежность положения работника), социально-психологические аспекты (взаимоотношения в трудовом коллективе; отношения с руководством организации; возможность сочетать трудовые и семейные обязанности; социальная значимость труда).

Помимо покомпонентной оценки удовлетворенности работой рассчитаны и проанализированы интегральные индексы удовлетворенности по основным элементам трудовой жизни³. Для расчета использовалась пятибалльная шкала (5 – вполне удовлетворен, ..., 1 – совершенно не удовлетворен) и средняя арифметическая. Значения индексов изменяются в интервале от 1 до 5, следовательно, чем ближе значение индекса к 5, тем выше удовлетворенность.

В выборку для исследования вошли только работающие на момент опроса респонденты, т. е. те, кто работает только на основной работе, либо имеет основную и дополнительную работу, либо сочетает основную работу со случайными приработками. Таким образом, объем итоговой выборки в 2018 году составил 1083 человека, в 2020 году – 1130 человек, в 2022 году – 1142 человека.

Социально-демографический профиль работников следующий. Большинство опрошенных – мужчины (53%, женщины – 47%). Преобладающую возрастную группу составляют респонденты в возрасте от 30 до 49 лет (62%); молодые работники (от 18 до 29 лет) – 16%, работники в возрасте от 50 лет и старше – 22%. Основная часть респондентов проживает в крупных городах (31% в Вологде, 28% в Череповце), оставшиеся (41%) – в районах области. Наиболее распространенная

форма семейного положения – официальный брак (62%). Среди опрошенных работников большинство (81%) являются родителями (у 29% есть один ребенок, у 38% – двое детей, у 14% – трое и более детей). Что касается уровня образования, то 32% респондентов имеют высшее профессиональное, 39% – среднее профессиональное и 29% – начальное профессиональное образование.

Большинство опрошенных работают только на одной работе (81%); остальные либо имеют основную и дополнительную работу (13%), либо сочетают основную работу со случайными приработками (6%). Характерные черты трудовой деятельности респондентов – постоянная (регулярная) занятость (96%), полный рабочий день (82%), бессрочный (постоянный) трудовой договор (72%); без оформления трудового договора работают 6%. Большая часть работников заняты в частных компаниях (51%); в бюджетных организациях трудоустроены 22%; индивидуальными предпринимателями являются порядка 5–6%⁴.

Результаты и обсуждение

Общий уровень удовлетворенности опрошенных работников работой достаточно высокий⁵ – 65% в 2020 году, 71% в 2022 году; происходит снижение доли неудовлетворенных работой (25% в 2020 году, 21% в 2022 году). Согласно рассчитанным индексам удовлетворенности разными аспектами работы за 2022 год (рис. 1), работники в большей степени удовлетворены социально-психологическими аспектами и устойчивостью занятости, в то время как многими организационными аспектами работы, оплатой труда и использованием человеческого потенциала они удовлетворены в меньшей степени. По сравнению с 2020 годом (рис. 2) несколько выросли интегральные оценки удовлетворенности балансом труда, социальной значимостью профессии, устойчивостью занятости.

³ По 2018 году интегральные индексы удовлетворенности элементами работы не рассчитаны, так как доступны не все показатели.

⁴ Представлено описание по данным социологического опроса 2022 года. В опросах 2018–2020 гг. социально-демографический и трудовой профили респондентов схожи.

⁵ В 2018 году вопрос «Насколько Вы удовлетворены работой в целом?» не задавался.

2022 г., в целом по области

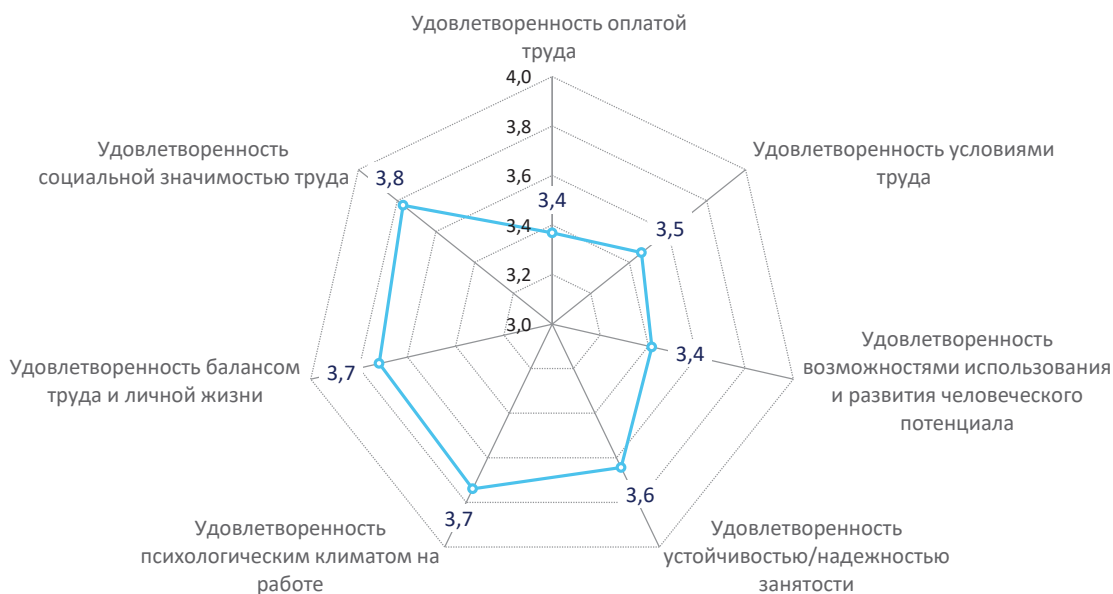

Рис. 1. Индексы удовлетворенности работой населения Вологодской области, 2022 год
 Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год; расчеты автора.

2020 г., в целом по области

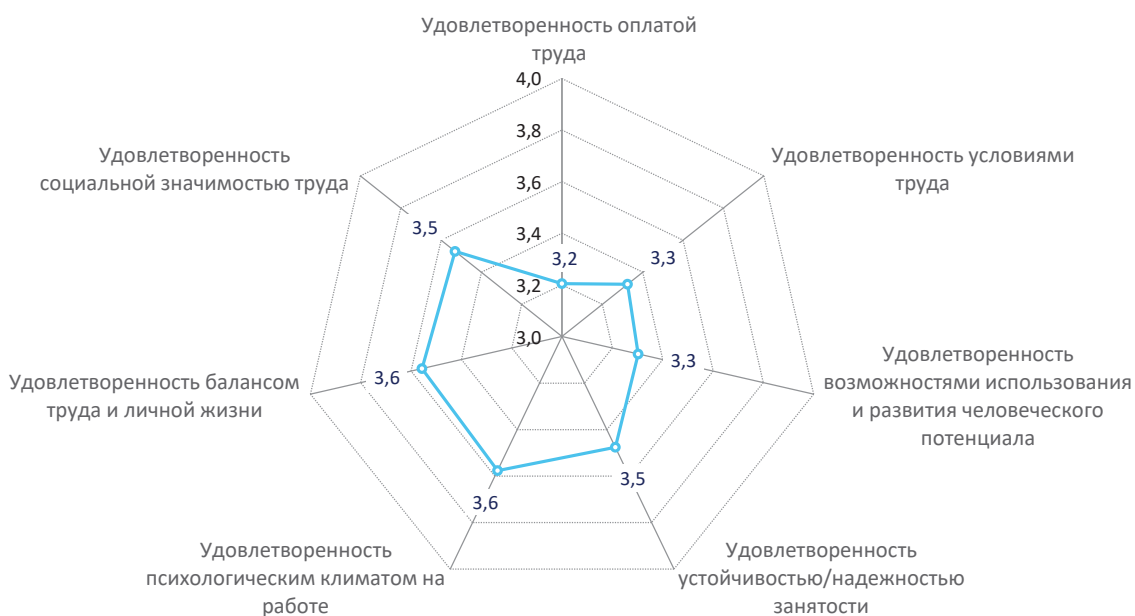

Рис. 2. Индексы удовлетворенности работой населения Вологодской области, 2020 год
 Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 год; расчеты автора.

Как видно из сопоставления индексов, рассчитанных по территориям (рис. 3, 4), уровень удовлетворенности работой среди населения, проживающего в городах, по

большинству аспектов работы выше, чем уровень удовлетворенности работой среди населения из районов области. Наиболее заметные различия наблюдаются в отноше-

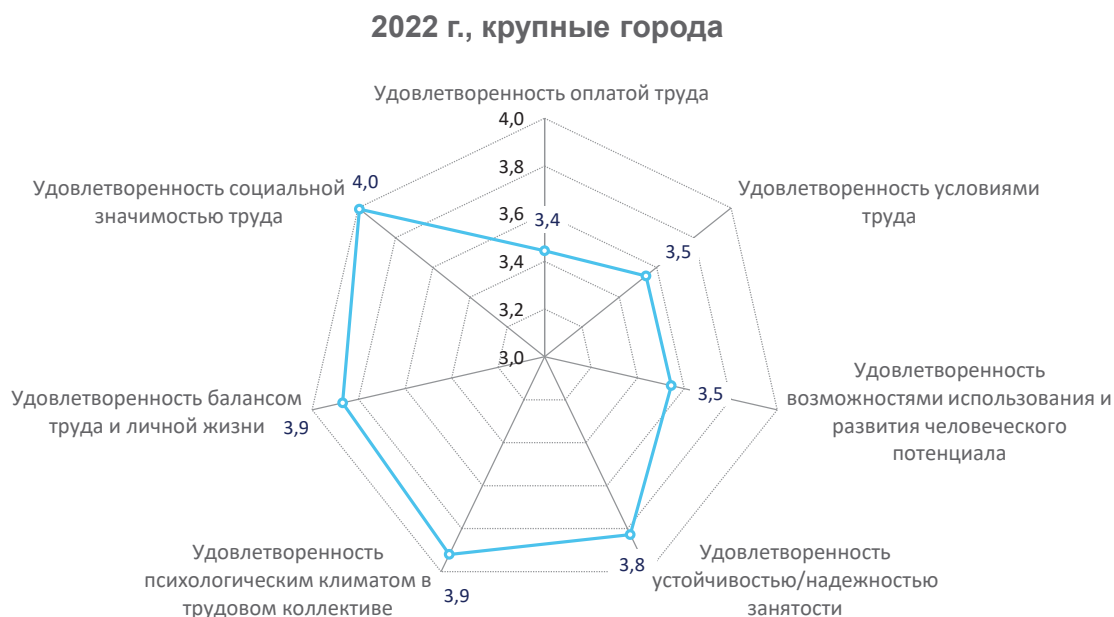

Рис. 3. Индексы удовлетворенности работой населения крупных городов Вологодской области, 2022 год

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год; расчеты автора.

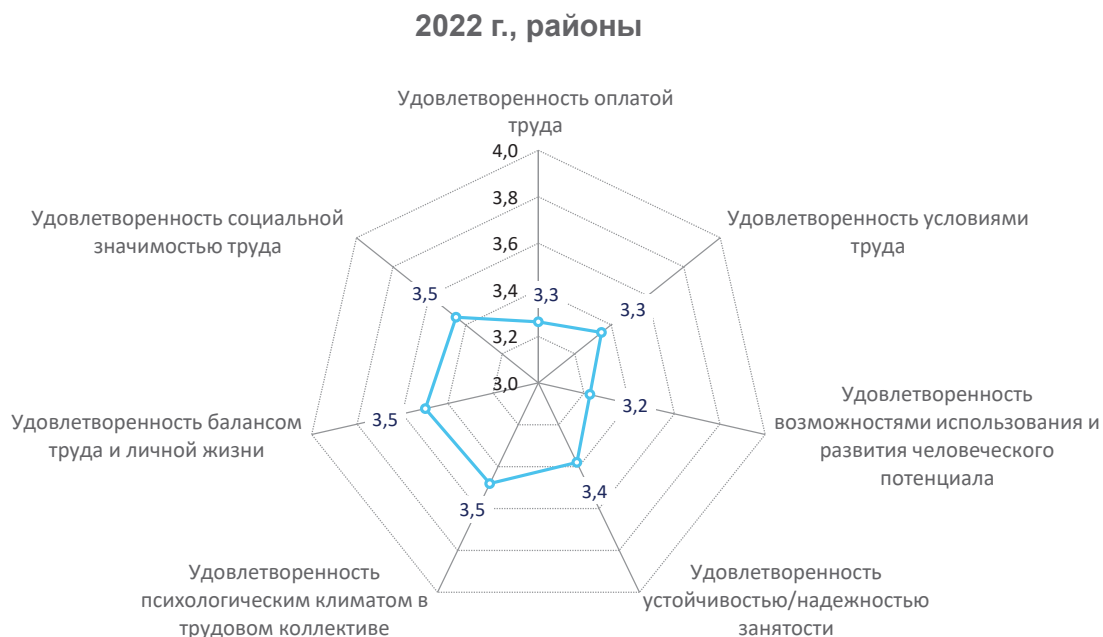

Рис. 4. Индексы удовлетворенности работой населения районов Вологодской области, 2022 год

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год; расчеты автора.

нии устойчивости занятости, взаимодействия с руководством и коллегами, баланса труда и личной жизни, социальной значимости труда.

В целом оценка рассчитанных индексов за 2020–2022 гг. и сравнение с результатами предыдущих исследований позволяют говорить о сохранении на предприятиях

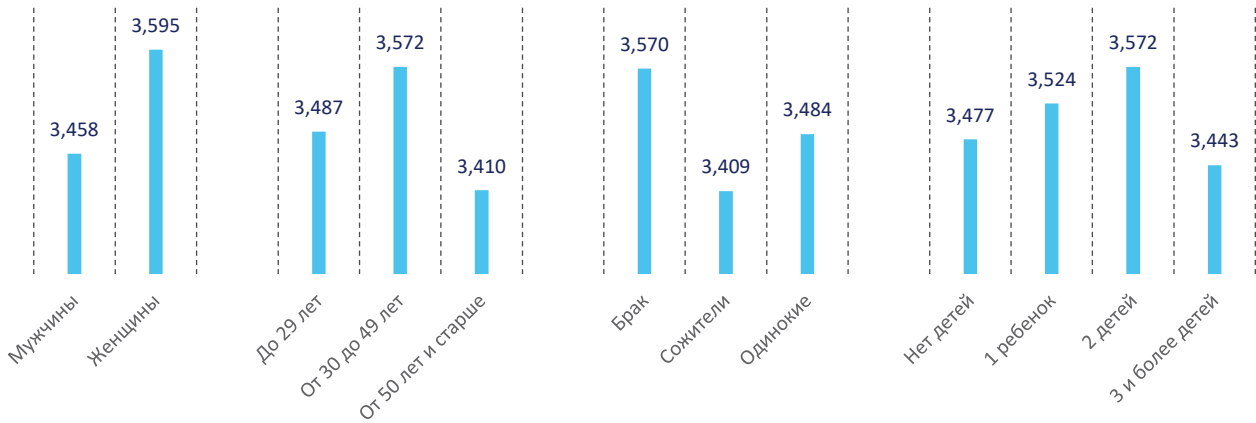

Рис. 5. Индекс удовлетворенности работой занятого населения Вологодской области в разрезе социально-демографических характеристик, 2022 год

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год; расчеты автора.

Вологодской области проблем в организации систем оплаты труда, проблем административного взаимодействия и плохих условий труда, зафиксированных ранее (Белехова, 2019).

Более высокий уровень удовлетворенности работой в целом наблюдается у населения со следующими социально-демографическими характеристиками – средний рабочий возраст (30–49 лет), наличие официальных семейных отношений и детей (рис. 5). В 2022 году, как и в 2018 году, удовлетворенность работой в целом оказалась выше у женщин, хотя в 2020 году более высокую удовлетворенность отмечали мужчины.

По состоянию на 2022 год для большинства опрошенных работников (93%) основным источником дохода является заработная плата по месту работы; по 12% респондентов дополнительно имеют доходы от вторичной занятости и случайные заработки. Удовлетворены полностью или скорее удовлетворены заработной платой половина работников (табл. 2); этот показатель вырос с 2018 года. В то же время только каждый пятый (20%) отметил, что за последние 6 месяцев размер его заработка увеличился: из них у 28% вознаграждение выросло на 10%, у 20% – на 5%, у 14% – на 20%. У большинства же (55%) заработок не изме-

нился. У 6% опрошенных работников размер дохода сократился (среди них снижение на 10% отметили 27% работников, на 15% – 11%, на 20% – 28%); 20% затруднились ответить. У работников, положительно оценивающих размер заработка, он либо вырос (26%), либо не изменился (48%) за последние полгода, тогда как работники, неудовлетворенные величиной зарплаты, чаще отмечали, что она не изменилась (67%) или сократилась (11 против 4%). Согласно данным мониторинга, нельзя говорить, что занятое население региона ориентируется на меньшее. Среди него практически в равной степени представлены те, кто предпочитает гарантированные, стабильные и невысокие доходы (34%), и те, кто согласен получать высокий доход, но без гарантий (37%). Причем первые чаще удовлетворены размером заработной платы (59%), тогда как среди вторых таких людей меньше (44%) и выше доля тех, кто не удовлетворен выплачиваемыми суммами (28% по сравнению с 13% в первой категории).

За рассматриваемый период также увеличилась доля позитивных оценок двух других аспектов оплаты труда – полноты социального пакета⁶ и системы материального стимулирования, хотя последним удовлетворены менее половины опрошенных.

⁶ Согласно данным опросов 2020–2022 г., 85–86% респондентов предоставляются социальные гарантии в виде обязательного социального страхования, оплачиваемого очередного отпуска, оплаты больничного листа (в том или ином варианте их сочетания).

Таблица 2. Удовлетворенность оплатой труда, % от числа работающих опрошенных

Вариант ответа	Область в целом			Крупные города			Районы			Изменение по области (+/-), п. п.	
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2022 год к 2020 году	2022 год к 2018 году
Удовлетворенность размером заработной платы											
Удовлетворены	36,6	44,8	50,2	42,3	43,6	55,9	29,2	46,3	43,7	5,4	13,6
Затруднились ответить	33,8	25,9	30,4	28,9	21,6	22,8	40,2	31,7	41,0	4,5	-3,4
Не удовлетворены	29,6	29,3	19,4	28,9	34,8	21,3	30,6	22,0	15,3	-9,9	-10,2
Удовлетворенность системой материального стимулирования											
Удовлетворены	35,1	38,6	46,5	35,3	35,2	52,2	34,9	43,0	40,6	7,9	11,4
Затруднились ответить	37,3	33,4	29,4	33,7	31,1	26,1	41,8	36,4	32,9	-4,0	-7,9
Не удовлетворены	27,6	28,1	24,1	31,0	33,7	21,8	23,3	20,6	26,5	-3,9	-3,5
Удовлетворенность полнотой социального пакета											
Удовлетворены	41,4	43,2	52,9	45,2	41,6	60,2	36,5	45,3	45,0	9,7	11,5
Затруднились ответить	34,7	32,5	24,8	30,1	31,2	19,5	40,6	34,2	31,2	-7,7	-9,9
Не удовлетворены	23,9	24,3	22,3	24,7	27,2	20,3	22,9	20,6	23,8	-2,1	-1,7
Справочно: среднемесячная заработная плата, руб.	19696	26349	33559	21387	30091	40374	17512	21665	25293	-	-
Источники: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 гг.; расчеты автора.											

Жители крупных городов по сравнению с жителями районов области более позитивно оценивают все аспекты оплаты труда, однако в 2020 году удовлетворенность заработной платой, полнотой социального пакета и системой материального стимулирования оказалась выше (в пределах ошибки выборки) среди населения районов области. Возможно, в этом проявилось влияние пандемии COVID-19 на экономику крупных городов, которые столкнулись с существенными ограничениями экономической деятельности, приостановкой деятельности многих производственных предприятий и организаций сферы услуг, что отразилось на финансовых показателях компаний.

В 2022 году наблюдалась противоположная ситуация – удовлетворенность элементами оплаты труда среди жителей крупных городов намного выше. Хотя, как показывает анализ дополнительных вопросов, в первой половине 2022 года дела с заработной платой были лучше у населе-

ния из районов – 22% из них отметили, что она увеличилась (на 5% у 32% работников, на 10% – у 29%), тогда как в крупных городах зарплата выросла у 18% работников (на 5% – у 10%, на 10% – у 26,5%). Также почти каждый десятый (9%) житель крупного города указал на уменьшение заработка, тогда как в районах это отметили только 2%.

Наблюдаемое в 2022 году изменение оценок, вероятно, связано с тем, что работники районов чаще сталкивались с негативными процессами: были вынуждены согласиться на уменьшение заработка, включая премии, надбавки – 15% (то же в крупных городах), перейти на сокращенное рабочее время – 16% (11% соответственно), уйти в неоплачиваемый отпуск – 8% (7% в крупных городах), а также регулярно сталкивались с задержкой и невыплатой заработной платы – 11% (3% в крупных городах).

Улучшение оценок удовлетворенности наблюдается по условиям труда. В 2022 году удовлетворены условиями труда в целом

69% работников, что на 10% больше уровня 2020 года. Заметно выросла удовлетворенность технической оснащённостью рабочего места (на 9 п. п. за 2018–2022 гг.), безопасностью труда (на 12 п. п.) и соблюдением трудового законодательства в организации (на 9 п. п. за 2020–2022 гг.; табл. 3). Относительно работы профсоюза прирост доли удовлетворительных оценок меньше. Здесь следует отметить, что по данным на 2022 год только порядка трети работников были (17%) или являются (17%) членами профсоюза, большинство же (55%) никогда в нем не состояли.

В территориальном разрезе удовлетворенность условиями труда однозначно выше среди работников крупных городов, особенно в части технической оснащённости рабочего места и соблюдения трудового законодательства. Остановившись на последнем моменте, отметим, что значимых отличий по оформлению трудовых отношений нет – большинство работников крупных городов и районов имеют постоянную занятость (97 и 94% соответственно), бессрочный трудовой договор (по 72%) либо договор-подряд

(10 и 11%). Без оформления договора трудятся 4,5% населения крупных городов и 7% жителей районов (различий нет, так как в пределах статистической погрешности). Работники в крупных городах намного чаще сталкиваются с нежеланием работодателя заключать трудовой договор (20% против 0 в районах). Возможно, объяснение низкой удовлетворенности работников из районов соблюдением трудового законодательства кроется в том, что у них меньше возможностей для диалога с работодателем в плане отстаивания своих интересов без последствий для занятости. В частности, 26% работников из районов отмечают, что у них нет возможности для диалога с работодателем в части отстаивания трудовых прав (15% среди работников в крупных городах), 25% – в части улучшения условий труда (15% соответственно).

Отмечается рост удовлетворенности организационными аспектами и работой с кадрами (табл. 4). Большинство опрошенных (65%) удовлетворены содержанием выполняемой работы; этот показатель заметно вырос за 2018–2022 гг. В отличие от него

Таблица 3. Удовлетворенность условиями труда, % от числа работающих опрошенных

Вариант ответа	Область в целом			Крупные города			Районы			Изменение по области (+/-), п. п.		
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2022 год к 2020 году	2022 год к 2018 году	
Удовлетворенность безопасностью труда												
Удовлетворены	48,5	53,3	60,6	53	55,4	66,2	42,8	50,4	55,4	7,4	12,1	
Затрудняются / не определились	33,3	28,2	25,8	27,5	26,6	22,4	40,8	30,5	28,9	-2,4	-7,5	
Не удовлетворены	18,2	18,5	13,5	19,5	18,0	11,5	16,4	19,1	15,7	-4,9	-4,6	
Удовлетворенность технической оснащённостью рабочего места												
Удовлетворены	53,0	52,3	62,4	58,0	54,0	68,1	46,5	50,0	55,6	10,1	9,4	
Затрудняются / не определились	31,0	31,9	25,1	25,2	28,7	22,5	38,5	36,0	28,9	-6,8	-5,9	
Не удовлетворены	16,0	15,8	12,5	16,8	17,2	9,4	15,0	14,0	15,5	-3,3	-3,5	
Удовлетворенность работой профсоюзной и иной рабочей организации												
Удовлетворены	30,5	32,7	38,6	31,1	30,6	42,0	29,6	35,6	35,2	5,9	8,1	
Затрудняются / не определились	42,0	42,0	30,8	38,3	39,0	27,0	46,7	46,1	35,2	-11,2	-11,2	
Не удовлетворены	27,5	25,2	30,6	30,5	30,4	31,0	23,7	18,3	29,5	5,3	3,0	
Удовлетворенность соблюдением трудового законодательства в организации*												
Удовлетворены	н. д.	47,6	56,6	н. д.	52,2	63,0	н. д.	41,6	49,7	9,0	–	
Затрудняются / не определились	н. д.	35,1	29,6	н. д.	29,7	27,1	н. д.	42,4	32,1	-5,5	–	
Не удовлетворены	н. д.	17,3	13,8	н. д.	18,2	9,8	н. д.	16,0	18,3	-3,5	–	

* В ходе мониторинга 2018 года вопрос не задавался.

Таблица 4. Удовлетворенность организационными аспектами и работой с кадрами, % от числа работающих опрошенных

Вариант ответа	Область в целом			Крупные города			Районы			Изменение по области (+/-), п. п.	
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2022 год к 2020 году	2022 год к 2018 году
Удовлетворенность содержанием выполняемой работы											
Удовлетворены	52,5	56,5	65	58,6	62,1	74,2	44,6	49,2	54,1	8,5	12,5
Затрудняются / не определились	32,2	30,8	26,2	26,7	25,9	20,7	39,3	37,2	32,5	-4,6	-6,0
Не удовлетворены	15,3	12,7	8,8	14,7	12,0	5,1	16,2	13,6	13,4	-3,9	-6,5
Удовлетворенность возможностями обучения, повышения квалификации											
Удовлетворены	40,4	45	48,1	42,9	50,2	56,6	37,1	38,3	37,8	3,1	7,7
Затрудняются / не определились	37,2	34,6	30,6	33,3	28,0	26,4	42,2	43,4	35,0	-4	-6,6
Не удовлетворены	22,5	20,4	21,3	23,8	21,9	17,0	20,7	18,3	27,2	0,9	-1,2
Удовлетворенность признанием трудовых результатов, заслуг, успехов (нематериальным стимулированием)*											
Удовлетворены	н. д.	40,8	45,7	н. д.	43,5	52,6	н. д.	37,2	37,4	4,9	-
Затрудняются / не определились	н. д.	39,5	33,4	н. д.	34,6	28,9	н. д.	45,9	39,1	-6,1	-
Не удовлетворены	н. д.	19,7	20,9	н. д.	21,9	18,5	н. д.	16,9	23,6	1,2	-
Удовлетворенность устойчивостью положения организации на рынке*											
Удовлетворены	н. д.	48,9	59,0	н. д.	57,6	68	н. д.	37,4	47,3	10,1	-
Затрудняются / не определились	н. д.	35,8	28,6	н. д.	29,8	23,7	н. д.	43,6	35	-7,2	-
Не удовлетворены	н. д.	15,3	12,4	н. д.	12,6	8,3	н. д.	18,9	17,6	-2,9	-
Удовлетворенность надежностью положения в организации*											
Удовлетворены	н. д.	50,6	60,0	н. д.	60,6	68,7	н. д.	37,4	49,5	9,4	-
Затрудняются / не определились	н. д.	37,3	28,8	н. д.	30,1	24,1	н. д.	46,7	34,2	-8,5	-
Не удовлетворены	н. д.	12,1	11,2	н. д.	9,3	7,2	н. д.	15,8	16,3	-0,9	-

* В ходе мониторинга 2018 года вопросы не задавались.

удовлетворенность возможностями для обучения и системой нематериального стимулирования заметно ниже, хотя также имеет тенденцию к росту.

Несмотря на высокую социально-экономическую турбулентность 2020–2022 гг., наблюдается повышение удовлетворенности работников как устойчивостью положения их работодателя (на 10%), так и надежностью собственного положения в организации (на 9%). Возможно, это связано с тем, что в 2022 году по сравнению с 2020 годом работники существенно реже оказывались в ситуациях, когда им приходилось перейти на сокращенное рабочее время (13% против 18%), уйти в неоплачиваемый отпуск (7% против 15%) или ощущать угрозу потери работы (13% против 22%).

Как и в случае с условиями труда, удовлетворенность организационными аспекта-

ми и работой с кадрами выше у населения крупных городов. Причем оценки жителей районов менее определены, т. е. высока доля затруднившихся ответить.

Социально-психологические условия труда позволяют оценить климат в организации, коммуникации и разделяемые ценности (Черных, 2022). Согласно данным мониторинга, работники больше удовлетворены взаимоотношениями со своими коллегами, нежели с руководством предприятия (табл. 5). При этом доля позитивных оценок год от года увеличивается.

Взаимодействие работников с общим жизненным пространством – последний, но не менее важный компонент качества трудовой жизни. Возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности удовлетворены две трети опрошенных; аналогичны ответы в отношении общественной полезности и соци-

Таблица 5. Удовлетворенность социально-психологическими аспектами, % от числа работающих опрошенных

Вариант ответа	Область в целом			Крупные города			Районы			Изменение по области (+/-), п. п.	
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2022 год к 2020 году	2022 год к 2018 году
Удовлетворенность отношениями с руководством организации											
Удовлетворены	56,3	54,6	62,8	63,4	61	71,1	47,1	46,1	52,0	8,2	6,5
Затрудняются / не определились	31,9	33,1	27,1	28,1	27,6	23,5	36,9	40,3	31,6	-6,0	-4,8
Не удовлетворены	11,8	12,3	10,1	8,5	11,3	5,4	16,0	13,6	16,3	-2,2	-1,7
Удовлетворенность взаимоотношениями в трудовом коллективе											
Удовлетворены	57,9	61,4	70,6	65,8	69,1	77,8	47,7	51,2	61,4	9,2	12,7
Затрудняются / не определились	31,2	29,0	20,8	26,1	24,8	18,0	37,7	34,6	24,4	-8,2	-10,4
Не удовлетворены	10,9	9,6	8,6	8,1	6,1	4,2	14,6	14,2	14,2	-1,0	-2,3
Удовлетворенность возможностью сочетать трудовые и личные обязанности											
Удовлетворены	45,6	58,1	66,7	49,8	65,8	74,4	40,2	47,7	57,3	8,6	21,1
Затрудняются / не определились	37,3	29,8	22,6	33,4	23,1	18,2	42,4	38,7	27,6	-7,2	-14,7
Не удовлетворены	17,0	12,1	10,7	16,8	11,0	7,5	17,4	13,6	15,1	-1,4	-6,3
Удовлетворенность общественной полезностью и значимостью труда											
Удовлетворены	46,2	54,5	66,4	53,3	62,7	76,5	37,1	43,6	53,1	11,9	20,2
Затрудняются / не определились	38,4	32,9	24,2	35,1	30,3	17,4	42,6	36,4	32,9	-8,7	-14,2
Не удовлетворены	15,4	12,6	9,4	11,6	7,0	6,1	20,3	20,0	14,0	-3,2	-6,0

альной значимости труда; причем отмечается рост положительных оценок (см. табл. 5). В разрезе территорий удовлетворенность социально-психологическими аспектами работы заметно выше среди населения крупных городов. Бросается в глаза более высокая неудовлетворенность жителей районов области общественной полезностью и социальной значимостью собственного труда.

Нами проведено исследование взаимосвязи отдельных аспектов трудовой жизни работников и удовлетворенности работой в целом. Для этого были построены таблицы сопряженности и осуществлен расчет коэффициентов корреляции Спирмена (табл. 6). Согласно расчетам, показатель асимптотической двусторонней значимости $p < 0,05$ ($p = 0,000$), следовательно, получен статистически значимый результат, который достоин содержательной интерпретации. Отметим, что коэффициент корреляции выражает не причинную (обусловленность одного признака другим), а функциональную (взаимная согласованность изменения признаков) зависимость между признаками.

Определено, что связи между общей удовлетворенностью работой и различными ее аспектами существуют, они положительные и некоторые весьма сильные. В частности, в условиях 2022 года удовлетворенность работой в целом в наибольшей степени коррелирует с удовлетворенностью условиями труда в целом (коэффициент корреляции 0,763), взаимоотношениями в трудовом коллективе (0,596), общественной полезностью и значимостью труда (0,570), отношениями с руководством (0,568). Чуть менее значимы связи с содержанием выполняемой работы, надежностью положения в организации, балансом труда и личной жизни, соблюдением трудового законодательства. Наиболее слабые связи удовлетворенности работой фиксируются с аспектами оплаты труда.

Выдвижение на первый план взаимосвязи удовлетворенности работой с социально-психологическими и организационными элементами работы, а также высокую важность соблюдения трудовых прав работника следует рассматривать как первоочередной вектор в улучшении отношения персонала

Таблица 6. Связь между удовлетворенностью работой в целом и удовлетворенностью отдельными элементами работы (коэффициент корреляции Спирмена)

№	Компонент	2020 год	2022 год	№	Компонент	2020 год	2022 год
1	Удовлетворенность условиями труда в целом	0,770	0,763	9	Удовлетворенность устойчивостью положения организации на рынке	0,419	0,512
2	Удовлетворенность взаимоотношениями в трудовом коллективе	0,428	0,596	10	Удовлетворенность технической оснащенностью рабочего места	0,399	0,502
3	Удовлетворенность общественной полезностью и значимостью труда	0,519	0,570	11	Удовлетворенность возможностями обучения, повышения квалификации	0,384	0,488
4	Удовлетворенность отношениями с руководством организации	0,440	0,568	12	Удовлетворенность признанием трудовых результатов, заслуг, успехов (нематериальным стимулированием)	0,415	0,452
5	Удовлетворенность содержанием выполняемой работы	0,516	0,556	13	Удовлетворенность санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда	0,425	0,430
6	Удовлетворенность надежностью положения в организации	0,471	0,543	14	Удовлетворенность полнотой социального пакета	0,322	0,380
7	Удовлетворенность возможностью сочетать трудовые и личные обязанности	0,446	0,534	15	Удовлетворенность системой материального стимулирования	0,287	0,349
8	Удовлетворенность соблюдением трудового законодательства в организации	0,462	0,525	16	Удовлетворенность работой профсоюзной и иной рабочей организации	0,298	0,327
				17	Удовлетворенность размером заработной платы	0,281	0,298

Ранжировано по значениям 2022 года.
Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020–2022 гг.; расчеты автора.

к работе и повышению качества трудовой жизни в современных реалиях. Естественно, мы не отвергаем важность материальных аспектов (зарплата, социальный пакет и пр.) и условий труда, однако представляется, что они перестают играть определяющее значение, когда западают многие другие элементы удовлетворенности работой.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило изучить динамику удовлетворенности занятого населения работой в контексте нестабильных социально-экономических условий последних лет, а также в территориальном разрезе «крупные города – районы». Установлено, что в 2022 году был достигнут наиболее высокий уровень удовлетворенности работников своей работой в целом за период 2018–2022 гг. Отмечается рост доли положительных оценок по всем рассмотренным элементам работы. Следовательно, по-

ставленная гипотеза о заметном ухудшении уровня удовлетворенности населения работой, особенно сильно коснувшемся жителей вне крупных городов, не подтвердилась. Наблюдаемое в 2020–2022 гг. повышение удовлетворенности работой может иметь несколько оснований: либо отсутствие альтернатив в трудоустройстве, либо хорошая работа предприятий в условиях нестабильности, либо снижение запросов по некоторым аспектам трудовой жизни и др.

Уровень удовлетворенности работой среди населения, проживающего в городах, по большинству элементов выше, чем уровень удовлетворенности работой среди населения из районов области. Наиболее заметные различия наблюдаются в отношении устойчивости занятости, взаимодействия с руководством и коллегами, баланса труда и личной жизни, социальной значимости труда.

В разрезе отдельных элементов наибольшую удовлетворенность у опрошенных ра-

ботников вызывают условия труда (безопасность и техническая оснащенность), взаимоотношения с коллегами и руководством, содержание выполняемой работы, значимость работы для общества и возможность соблюдения баланса между работой и личной жизнью. Эти аспекты являются основными движущими факторами мотивации и взаимосвязаны с более высокой удовлетворенностью работой в целом.

Гораздо ниже удовлетворенность оплатой труда (размером зарплаты, системой материального стимулирования, полнотой социального пакета), а также некоторыми организационными и профессиональными аспектами (работой профсоюза, возможностями обучения и повышения квалификации). Следовательно, сохраняются проблемы в области материального обеспечения, профессионального развития и представления интересов работников. Они требуют пристального внимания и разрешения в целях достижения более полной реализации человеческого потенциала работников.

Проведенное исследование вносит вклад в понимание изменений, происходящих в субъективном восприятии населением работы на фоне дестабилизационных процессов и нарастания внешних вызовов. Наряду с этим оно позволяет сформировать представление о запросах и ориентирах работников из разных территориальных образований (крупных городов, районов).

Говоря о перспективах продолжения исследования, следует отметить, что важной представляется работа с методологической частью и инструментарием. Наблюдаемый высокий уровень удовлетворенности может свидетельствовать не только «о личностном или организационном благополучии, но и о заниженных притязаниях или быть обусловленным общим ухудшением ситуации на рынке труда» (Темницкий, 2012), поэтому необходима работа по калибровке инструментария, построению объемных матриц и индексов удовлетворенности, которые учитывали бы важность того или иного аспекта работы для конкретного индивида.

ЛИТЕРАТУРА

- Баташева М.А. (2015). Качество трудовой жизни как показатель осуществления трудового потенциала // Молодой ученый. № 8 (88). С. 471–474.
- Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9
- Белехова Г.В. (2019). Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона // Научные исследования и разработки. Экономика. Т. 7. № 6 (42). С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-9111-2019-9-19
- Ворошилов Н.В., Задумкин К.А., Шулупов Е.Б. (2022). Программно-целевой метод в развитии сельских территорий регионов России // Регионология. Т. 30. № 3. С. 555–585. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585
- Ефимова Г.З., Латышев А.С. (2023). Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения // Вопросы образования. № 1. С. 72–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-72-108
- Зарипова Н.Ш., Тараканова Н.М. (2022). Использование маркетингового подхода для оценки системы управления удовлетворенностью трудом персонала и разработки кадровой стратегии // Economic Sciences. № 215. С. 71–75. DOI: 10.14451/1.215.71
- Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Осин Е.Н. (2012). Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. Т. 2. № 3. С. 2–15.
- Ильясов Ф.Н. (2013). О целесообразности и содержании исследований удовлетворенности трудом // Социологический журнал. № 3. С. 130–138.

- Карамышева Д.Б. (2022). Удовлетворенность трудом как показатель эффективной мотивационной политики организации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 5 (92). С. 65–70. DOI: 10.37493/2307-907X.2022.5.6
- Косюк Н.В., Белая Е.И., Старчук Т.И. (2022). Удовлетворенность трудом профессорско-преподавательского состава вуза как интегративный показатель профессиональной деятельности // Вестник Приднестровского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. № 1 (70). С. 55–62.
- Леонидова Г.В. (2022a). Социально-демографический портрет успешного работника (на материалах социологического опроса) // Социальное пространство. Т. 8. № 2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29292>. DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.4
- Леонидова Г.В. (2022b). Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.11
- Леонидова Г.В., Попов А.В. (2014). Удовлетворенность трудом как индикатор эффективности государственного управления (социологический анализ) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3 (33). С. 84–99. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.7
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. (2022). Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 39–60. DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1982
- Петунова С.А., Рындина О.Г., Петунова Ю.Л. [и др.] (2022). Оценка факторов удовлетворенности трудом у медицинских работников // International Journal of Medicine and Psychology. Т. 5. № 7. С. 48–52.
- Попов А.В. (2023). Трудовая жизнь российских мужчин в годы нестабильности (на материалах крупных городов и районов Вологодской области) // Социальное пространство. Т. 9. № 1. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29567>. DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.8
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. (2017). Удовлетворенность работой как конструкт в эмпирических исследованиях // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 8–26. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.4999
- Темницкий А.Л. (2012). Удовлетворенность работой на предприятии как определяющий фактор качества трудовой жизни рабочих России // Современный менеджмент. Проблемы, гипотезы, исследования: сб. науч. трудов. Вып. 4: в 2 ч. Ч. 2. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 231–238.
- Устинова К.А., Гордиевская А.Н. (2019). Удовлетворенность работой и параметры, ее определяющие // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 123–130.
- Черных Е.А. (2022). Качество трудовой жизни и удовлетворенность занятостью на российском рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 2. С. 214–226. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.2.6
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2022). Сельская и городская молодежь: социокультурные разрывы сохраняются? // Народонаселение. Т. 25. № 2. С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4
- Югов Е.А. (2021). Особенности функционирования рынка труда сельского района // Вестник НГИЭИ. № 1. С. 77–92. DOI: 10.24411/2227-9407-2021-10007
- Ядов В.А., Киссель А.А. (1974). Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // Социологические исследования. 1974. № 1. С. 78–87.
- Almarsh S.O. (2015). A measurement scale for evaluating quality of work life: Conceptualization and empirical validation. *Trends in Applied Sciences Research*, 10 (3), 143–156.
- Díaz-Carrión R., Navajas-Romero V., Casas-Rosal J. (2020). Comparing working conditions and job satisfaction in hospitality workers across Europe. *International Journal of Hospitality Management*, 90, 102631. DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102631
- Herzberg, F.W. (1968). One More Time: How Do You Motivate Employee. *Harvard Business Review*, 46, 53–68.

- Judge T.A., Zhang S.C., Glerum D.R. (2020). *Job satisfaction*. In Essentials of job attitudes and other workplace psychological constructs; Sessa V.I., Bowling N.A. (eds.). New York: Routledge, 207–241.
- Locke E.A. (1976). *The Nature and Causes of Job Satisfaction*. Handbook of Industrial and Organizational Psychology; M.D. Dunette (ed.). Chicago: RandMcNally, 1297–1349.
- Mohammed Z., Nandwani D., Saboo A., Padakannaya P. (2022). Job satisfaction while working from home during the COVID-19 pandemic: Do subjective work autonomy, work-family conflict, and anxiety related to the pandemic matter? *Cogent Psychology*, 9 (1). DOI: 10.1080/23311908.2022.2087278
- Perugini C., Vladislavljević M. (2019). Gender inequality and the gender-job satisfaction paradox in Europe. *Labour Economics*, 60, 129–147. DOI: 10.1016/j.labeco.2019.06.006
- Platis C., Reklitis P., Zimeras S. (2015). Relation between job satisfaction and job performance in healthcare services. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 175, 480–487. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.1226
- Spector P.E. (1997). *Job satisfaction: Application, assessment, causes, and consequences*. SAGE Publications, Inc.
- Thu N.H., Loan L.T.M., Quynh N.D. (2022). Employees' job satisfaction, job performance and their relationship during the COVID-19 Pandemic in Vietnam. *Organizational Psychology*, 12 (2), 38–55. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-2-38-55

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Вадимовна Белехова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Belekhova G.V.

JOB SATISFACTION IN BIG CITIES AND DISTRICTS IN 2020–2022 CRISIS PROCESSES

Pandemic challenges and transformation of geopolitical situation have a great impact on the national labor market and social and labor sphere in Russia, which, in turn, affects the situation and well-being of the employed population. Subjective and dynamic indicator of satisfaction of job and its various aspects becomes an important generalizing indicator of employee's position in an organization. The aim of the conducted research is to assess changes in the level of job satisfaction for population's part, living in large cities and beyond in the conditions of crisis processes. The information base is monitoring data of labor potential, conducted by Vologda Research Center of RAS in 2018, 2020 and 2022. We use multi-dimensional approach to measuring job satisfaction. To analyze the data, we apply a toolkit of frequency distribution and construction of contingency tables. We calculate integral indices of satisfaction with the main elements of working life (work). We reveal a tendency to an increase satisfaction with most elements of job. The greatest satisfaction is in working conditions, relations with colleagues and managers, the content of the work performed, the significance of work for society, and work-life balance. The lower level of satisfaction is in payment for work, some organizational and professional aspects (work of trade union, possibilities for training and professional development). Compared with the residents of regions, residents of large cities are more satisfied with payment for work; labor conditions, especially in terms of technical equipment of workplace and compliance with labor legislation; organizational aspects and work with staff; socio-psychological aspects of work. Our research contributes to the understanding of changes in the subjective perception of work against the background of increasing external challenges.

Job satisfaction, monitoring, region, payment for work, labor conditions, work significance

REFERENCES

- Almarsh S.O. (2015). A measurement scale for evaluating quality of work life: Conceptualization and empirical validation. *Trends in Applied Sciences Research*, 10(3), 143–156.
- Batasheva M.A. (2015). Quality of working life as an indicator of the realization of labor potential. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 8(88), 471–474 (in Russian).
- Belehova G.V. (2019). Subjective approach to assessment quality of working life of working-age population of the region. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika=Scientific Research and Development. Economics*, 7, 6(42), 9–19. DOI: 10.12737/2587-9111-2019-9-19 (in Russian).
- Belekhova G.V. (2023). The scale of inequality and the specifics of its perception in modern Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9 (in Russian).
- Chernykh E.A. (2022). Quality of working life and job satisfaction on the Russian labour market. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18(2), 214–226. DOI: 10.19181/isprr.2022.18.2.6 (in Russian).
- Díaz-Carrión R., Navajas-Romero V., Casas-Rosal J. (2020). Comparing working conditions and job satisfaction in hospitality workers across Europe. *International Journal of Hospitality Management*, 90, 102631. DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102631
- Efimova G.Z., Latyshev A.S. (2023). Job satisfaction among employees of a higher educational institutions. *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies Moscow*, 1, 72–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-72-108 (in Russian).
- Herzberg, F.W. (1968). One more time: How do you motivate employee. *Harvard Business Review*, 46, 53–68.
- Il'yasov F.N. (2013). On the appropriateness and content of surveys of job satisfaction. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 3, 130–138 (in Russian).
- Ivanova T.Yu., Rasskazova E.I., Osin E.N. (2012). Structure and diagnostic of job satisfaction: Development and approbation. *Organizatsionnaya psikhologiya=Organizational Psychology*, 2(3), 2–15 (in Russian).
- Judge T.A., Zhang S.C., Glerum D.R. (2020). Job satisfaction. In: Sessa V.I., Bowling N.A. (Eds.). *Essentials of Job Attitudes and Other Workplace Psychological Constructs*. New York: Routledge.
- Karamysheva D.B. (2022). Job satisfaction as an indicator of an organization's effective motivational policy. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta=Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 5(92), 65–70. DOI: 10.37493/2307-907X.2022.5.6 (in Russian).
- Kociuk N.V., Belaya E.I., Starchuk T.I. (2022). Satisfaction with the work of the teaching staff of the university as an integrative indicator of professional activity. *Vestnik Pridnestrovskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki=Bulletin of Pridnestrovian University*, 1(70), 55–62 (in Russian).
- Leonidova G.V. (2022a). Socio-demographic portrait of a successful employee (case study of sociological survey). *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 8(2). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29292>. DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.4 (in Russian).
- Leonidova G.V. (2022b). Social and labor sphere in the Russian Federation: Trends and risks in the formation of the quality of working life. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 182–198. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.11 (in Russian).
- Leonidova G.V., Popov A.V. (2014). Labor satisfaction as an indicator of public administration efficiency (sociological analysis). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 3(33), 84–99. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.7 (in Russian).
- Locke E.A. (1976). The nature and causes of job satisfaction. In: Dunette M.D. (Ed.). *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*. Chicago: RandMcNally.

- Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. (2022). Public tolerance for social inequalities in turbulent Russia: Reassessing the role of subjective mobility. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 39–60. DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1982 (in Russian).
- Mohammed Z., Nandwani D., Saboo A., Padakannaya P. (2022). Job satisfaction while working from home during the COVID-19 pandemic: Do subjective work autonomy, work-family conflict, and anxiety related to the pandemic matter? *Cogent Psychology*, 9(1). DOI: 10.1080/23311908.2022.2087278
- Perugini C., Vladisavljević M. (2019). Gender inequality and the gender-job satisfaction paradox in Europe. *Labour Economics*, 60, 129–147. DOI: 10.1016/j.labeco.2019.06.006
- Petunova S.A., Ryndina O.G., Petunova Yu.L. et al. (2022). Assessment of job satisfaction factors in medical workers. *International Journal of Medicine and Psychology*, 5(7), 48–52 (in Russian).
- Platis C., Reklitis P., Zimeras S. (2015). Relation between job satisfaction and job performance in healthcare services. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 175, 480–487. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.1226
- Popov A.V. (2023). Working life of Russian men during the years of instability (on the materials of large cities and districts of the Vologda Oblast). *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 9(1). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29567>. DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.8 (in Russian).
- Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2022). Rural and urban youth: Do the socio-cultural gaps remain? *Narodonaselenie=Population*, 25(2), 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4 (in Russian).
- Spector P.E. (1997). *Job satisfaction: Application, Assessment, Causes, and Consequences*. SAGE Publications, Inc.
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2017). Satisfaction with work as a construct in empirical studies. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 23(1), 8–26. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.4999 (in Russian).
- Temnitskii A.L. (2012). Satisfaction with work at the enterprise as a determinant of the quality of working life of workers in Russia. In: *Sovremennyyi menedzhment. Problemy, gipotezy, issledovaniya: sb. nauch. trudov. Vyp. 4: v 2 ch. Ch. 2* [Modern Management. Problems, Hypotheses, Studies: Collection of Scientific Works. Issue 4: In 2 Parts. Part 2]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki (in Russian).
- Thu N.H., Loan L.T.M., Quynh N.D. (2022). Employees' job satisfaction, job performance and their relationship during the COVID-19 Pandemic in Vietnam. *Organizational Psychology*, 12(2), 38–55. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-2-38-55
- Ustinova K.A., Gordievskaya A.N. (2019). Job satisfaction and its determinants. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1, 123–130 (in Russian).
- Voroshilov N.V., Zadumkin K.A., Shulepov E.B. (2022). The problem-target method in the development of rural territories of the regions of Russia. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 30(3), 555–585. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585 (in Russian).
- Yadov V.A., Kissel' A.A. (1974). Job satisfaction: Analyzing empirical generalizations and attempting to interpret them theoretically. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 1, 78–87 (in Russian).
- Yugov E.A. (2021). The features of functioning of a rural district's labor market. *Vestnik NGIEI=Bulletin NGIEI*, 1, 77–92. DOI: 10.24411/2227-9407-2021-10007 (in Russian).
- Zaripova N.Sh., Tarakanova N.M. (2022). Using a marketing approach to assess the system of personnel satisfaction management and development of personnel strategy. *Ekonomicheskie nauki=Economic Sciences*, 215, 71–75. DOI: 10.14451/1.215.71 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

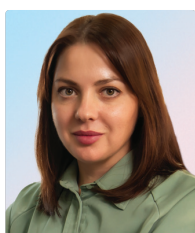
Galina V. Belekova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.7

УДК 314.18 | ББК 60.7

© Полянская Е.В.

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ПОЛЯНСКАЯ

Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания

Благовещенск, Российская Федерация

e-mail: polanska2011@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6260-8693; ResearcherID: AFY-9622-2022

Современная стратегия развития Дальневосточного федерального округа базируется на сохранении существующего населения в его субъектах, а также на преодолении процесса депопуляции. Проблемы сокращения демографического потенциала в регионах Дальнего Востока не теряют актуальности начиная с 1991 года. Статья посвящена основным показателям, характеризующим демографический потенциал одного из дальневосточных субъектов – Амурской области. В ходе сравнительного анализа демографических индикаторов за период 2016–2021 гг. выявлено, что, несмотря на реализацию национального проекта «Демография», переломить сложившийся демографический тренд в регионе пока не представляется возможным. Отмечаются существенное сокращение численности населения за счет естественной убыли, спровоцированной, в том числе, распространением коронавирусной инфекции COVID-19, низкая плотность его размещения и обезлюдение территорий. Внимание акцентируется на отставании Амурской области по целому ряду демографических показателей в сравнении с другими регионами Дальнего Востока. В ней зафиксированы крайне низкая ожидаемая продолжительность жизни, высокая естественная убыль населения, низкая рождаемость, а также высокий уровень смертности. Эти демографические особенности создают реальную угрозу национальной безопасности вследствие приграничного расположения субъекта. Отмечено отсутствие демографических критериев в региональных программах, реализуемых на территории региона в рамках национального проекта «Демография». Проведен сравнительный анализ плановых и фактических показателей, установленных Концепцией демографической политики Дальнего Востока в 2021 году. В резуль-

Для цитирования: Полянская Е.В. (2023). Анализ демографических тенденций Дальневосточного региона (на примере Амурской области) // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 99–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.7

For citation: Polyanskaya E.V. (2023). Analysis of demographic trends in the Far Eastern Region (on the example of the Amur Oblast). *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 99–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.7

тате выявлено, что заложенные в Концепции индикаторы завышены относительно реальной картины демографического потенциала в Амурской области.

Регион, старение населения, половозрастная структура населения, смертность, численность населения.

Введение

В настоящее время социально-экономическое развитие регионов тесно связано с динамикой демографического потенциала, а также его количественных и качественных характеристик. Проблемы народонаселения Дальнего Востока, демографические условия, при которых будут обеспечиваться экономический рост и укрепление экономических позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, являются традиционными стратегическими проблемами развития данной территории, что, безусловно, требует оценки их проявления в разных субъектах Дальнего Востока. Поэтому так важно иметь представление об основных демографических процессах, происходящих в регионах Дальневосточного федерального округа – естественном движении, особенностях воспроизводства и смертности населения.

В Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, указано, что сохранение человеческого потенциала в приграничных субъектах приобретает особую важность благодаря их особым функциям и геополитической значимости. Достижению поставленной цели способствует «создание условий для закрепления и привлечения населения, улучшения ситуации внутренних ресурсов»¹.

Амурская область является одним из приграничных субъектов, имеющим выход к государственной границе РФ с Китаем. На 1 января 2022 года она занимала шестое место по численности населения (772525 чел.) из 11 регионов Дальневосточного федерального округа. В настоящее время область находится на важном этапе экономическо-

го развития. Наряду с развитием угле- и золотодобывающей промышленности, гидроэлектроэнергетики, сельского хозяйства она получает новый инвестиционный импульс, связанный со строительством Амурского газоперерабатывающего завода, Амурского газохимического комплекса и второй очереди космодрома «Восточный», требующих формирования и использования значительного человеческого потенциала как одного из главных факторов и ресурсов экономического развития (Полянская, 2022).

С учетом сказанного цель нашего исследования заключается в рассмотрении особенностей основных демографических показателей в Амурской области за период 2016–2021 гг., сравнении программных и фактических индикаторов развития территории и выявлении факторов, сдерживающих наращивание человеческого потенциала в регионе.

Материалы и методы

Для реализации цели использованы статистические методы, динамический и сравнительный анализ, графический и табличные приемы визуализации данных. Теоретической основой исследования являются научные работы ведущих отечественных демографов, посвященные изучению проблем народонаселения Дальнего Востока и оценке эффективности проводимой в его регионах социально-демографической политики. Информационной базой послужили официальные данные Росстата, демографических ежегодников Амурской области, Амурского медицинского информационно-аналитического центра.

¹ Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 октября 2015 г. № 2193-р (с изм. на 16.06.2022).

Результаты исследования

В первую очередь необходимо провести сравнительный анализ точек зрения исследователей на категорию «человеческий потенциал».

В самом общем научном понимании человеческий потенциал – совокупность накопленных физических и духовных сил, ресурсов, навыков индивидуумов и общностей, которые могут быть использованы в воспроизводстве экономических благ и собственной реализации во внешней среде.

Предпосылки развития концепции человеческого потенциала прослеживаются в трудах К. Маркса, У. Петти, Т. Шульца и др. Например, в 1665 году У. Петти обратился к исследованию человеческих способностей и их вклада в богатство народа. В трактате «Слово мудрым» он предпринял первую попытку подсчета человеческой составляющей национального богатства, заложил основы трудовой теории стоимости: «Если 6 млн людей стоят 417 млн фунтов стерлингов, то каждый человек стоит 69 фунтов стерлингов или каждый из 3 млн рабочих стоят 138 фунтов стерлингов, а это 7 годовых доходов, считая примерно по 12 пенсов в день; при этом не учитывая избыток заработка над стоимостью средств существования» (Петти, 1997).

А. Смит в 1776 году в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» отмечал, что рост общественного благосостояния во многом определяется количеством и качеством рабочей силы, навыками людей. Говоря о качестве рабочей силы, он писал о важности сохранения здоровья в контексте производительности труда: «Щедрое вознаграждение за труд, поощряя размножение простого народа, вместе с тем увеличивает его трудоспособность. Как я уверен, в любой профессии можно установить, что человек, который работает не спеша и поэтому способен работать постоянно, не только дольше сохранит свое здоровье, но и в течение года выполнит большее количество работы»². Также он затрагивал негативное влияние

последствий профессиональных болезней на общую производительную силу труда.

Научной базой для отражения растущей роли человека в общественном воспроизводстве послужило формирование теории человеческого капитала (Becker, 2003), теории о мотивации к труду и трудовом поведении (Herzberg, 1968; Druker, 1998).

Когда в полной мере реализуется человеческий потенциал индивида, т. е. происходит стоимостная оценка заложенных и приобретенных способностей, осуществляется его трансформация в человеческий капитал. «Развитие человеческого потенциала включает как формирование человеческих способностей к труду, так и использование этих способностей во время работы, что превращает человеческий потенциал в человеческий капитал – источник трудовых доходов» (Kadomtseva, Palochkina, 2016).

Современные отечественные ученые используют различные подходы к определению категории «человеческий потенциал».

Академик РАН Т.Н. Заславская в рамках ресурсного подхода под человеческим потенциалом подразумевает «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами; системно дополняет структурные признаки общественного устройства и является целостной характеристикой жизнеспособности общества» (Заславская, 2005).

О.И. Иванов уделяет особое внимание готовности индивидуума реализовывать свои навыки и социально значимые качества, трактуя данное понятие «как сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовности индивидов и социальных общностей выполнять общественно необходимые виды деятельности, основные социальные роли, функции, – такие, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в разви-

² Смит А. (1776). Исследование о причинах богатства народов.

Таблица 1. Численность постоянного населения Амурской области

Показатель	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Численность населения, тыс. чел.	805,6	801,7	798,4	793,1	790,0	781,8
Естественный прирост, чел.	-667	-1224	-1838	-3162	-4910	-6977
Миграция, чел.	-3270	-2104	-3392	12	-3288	-2344

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021: стат. сб. / Росстат. Москва. 1112 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf

тии жизненно важных общественных сфер, общества в целом» (Иванов, 2014).

А.Г. Вишневский считал, что «человеческий потенциал страны – это совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенциалов человека и возможность его самореализации» (Вишневский и др., 1999).

Исследователи выделяют следующие компоненты человеческого потенциала, такие как социально-экономический, социокультурный, демографический, а также инновационно-деятельностный³. В рамках исследования остановимся на демографическом аспекте человеческого потенциала Амурской области.

Демографическая ситуация в Амурской области, как и в целом на Дальнем Востоке, характеризуется неустойчивостью и сложностью (Найден, Белоусова, 2018; Найден, 2020). Отрицательный демографический тренд на протяжении последних трех десятилетий наблюдается во всех субъектах Дальнего Востока за исключением Республики Саха (Якутия) и Республики Бурятии. Численность населения до пандемии COVID-19 сокращалась главным образом за счет миграционного оттока (Бурлаев и др., 2018). С 2020 года основной вклад в динамику показателей численности населения вносит естественная убыль (Грицко, 2022).

Динамика потоков, определяющих характер естественного движения населения, в регионе находится в русле общероссийских тенденций – продолжающееся снижение уровня рождаемости на фоне более высоких темпов роста смертности. По мнению О.М. Прокапало, «при регрессивном характере естественного движения, то есть при сохранении уменьшающихся показателей рождаемости, и существующих показателей смертности увеличение численности населения для Дальневосточного макрорегиона за счет естественного воспроизводства остается «демографической мечтой»⁴.

Результаты исследований ученых под руководством академика П.А. Минакира свидетельствуют, что государственные меры, принимаемые для улучшения демографической ситуации, не приводят к повышению привлекательности Дальнего Востока как для проживающего населения, так и для мигрантов (Минакир, 2022; Грицко, 2022). В качестве причин сокращения численности населения отмечают, в том числе, временный характер и отсутствие единой системы мер социальной и экономической поддержки граждан (Минакир, 2021).

В Амурской области также ежегодно фиксируется снижение общей численности населения. В 1991 году она составляла 1054267 тыс. чел., а за период 1991–2021 гг. сократилась на 272421 чел., или на 26%⁵.

Приведенные в табл. 1 данные говорят о том, что демографический рост в Амурской области за счет естественного воспроизвод-

³ Заславская Т.И. (2007). Избранные произведения. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. Москва: Экономика. С. 338–339.

⁴ Прокапало О.М. (2019). Региональный мониторинг: Дальневосточный федеральный округ / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 210 с.

⁵ Рябчинская М.А., Левченко Н.А., Дьяченко В.Н., Бурлаев Е.А. (2022). Амурская область в зеркале демографии: записка. Благовещенск: Амурстат. 38 с. URL: <https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/Статистика/755.pdf>

Таблица 2. Показатели естественного движения населения Амурской области

Год	Коэффициент рождаемости		Коэффициент смертности	
	Дальний Восток	Амурская область	Дальний Восток	Амурская область
2016	13,3	12,9	12,5	13,7
2017	12,1	11,8	12,1	13,4
2018	11,9	11,1	12,0	13,4
2019	11,1	10,0	12,2	14,0
2020	11,1	9,9	13,9	16,2
2021	10,6	9,4	15,5	17,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2022: стат. сб. / Росстат. Москва. 1122 с.

ства населения в перспективе практически невозможен. Ухудшение демографических показателей связано как с естественным движением населения, так и с миграцией. На сокращение численности населения в Амурской области главным образом влияет именно естественная убыль. Это подтверждается результатами сравнительного анализа показателей миграции и естественного прироста. Амурская область занимает последнее место в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) по коэффициенту естественного прироста населения (в 2021 году -6,3 при среднем значении по ДФО -2,8). Коэффициент миграционного прироста составил 42 на 10000 чел. населения, что ниже общего дальневосточного значения (27).

Сокращение численности населения в Амурской области коснулось в первую очередь сельской местности, благодаря чему можно наблюдать процесс сокращения числа сельских жителей, снижение плотности населенных пунктов и их людности. Если по итогам переписи 2002 года средний размер сельских населенных пунктов региона составлял 512 чел., то в 2010 году – 473 чел., в 2016 году – 450 чел., в 2021 году – 417 чел.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19, прекращение профилактических мероприятий в пандемийный период, а также приостановка оказания плановой медицинской помощи негативным образом повлияли на естественное движение населения и привели к стойкому превалированию смертности над рождаемостью (табл. 2).

Негативные тенденции смертности характерны как для Амурской области, так и в целом для Дальнего Востока. При этом на территории области показатели общей смертности выше общедальневосточных значений (в ранжированном ряду субъектов в 2021 году вторая позиция).

Ежегодное сокращение общего коэффициента рождаемости (число родившихся на 1000 чел. населения) в Амурской области подтверждает неблагоприятную ситуацию естественного воспроизводства населения. Тенденция уменьшения числа родившихся наблюдается в регионе с 2016 года, в 2021 году было зафиксировано минимальное число родившихся – 7373 чел. (для сравнения: в 2020 году – 7800). В целом за 2016–2021 гг. общий коэффициент рождаемости в регионе снизился с 12,9 до 9,4 на 1000 чел. населения.

Величина суммарного коэффициента рождаемости на одну женщину имеет тенденцию к снижению, сохраняясь ниже уровня, необходимого для простого численного замещения поколений их детьми (2,14–2,15 на одну женщину)⁶. В Амурской области фиксируется ежегодное сокращение данного показателя, несмотря на реализацию государственных мер помощи семьям с детьми, таких как федеральный и региональный материнские капиталы (рис. 1).

По оценкам экспертов, пандемия способствовала снижению рождаемости в РФ. Результаты социологического опроса, проведенного Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2021 году, сви-

⁶ Урланис Б.Ц., Борисов В.А. (1983). Народонаселение стран мира: справочник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Финансы и статистика. 447 с.

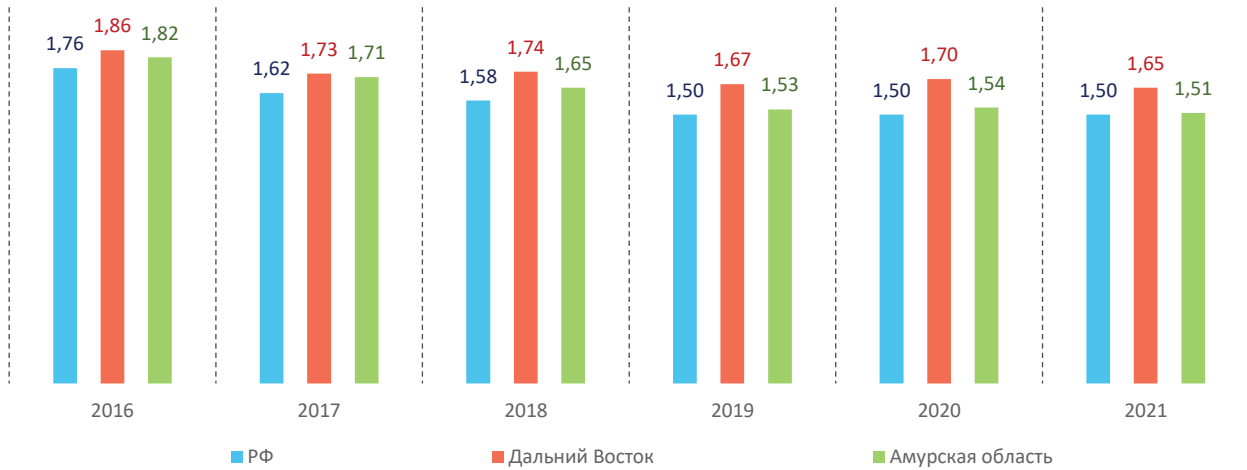

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости

Рассчитано по: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Амурской области.

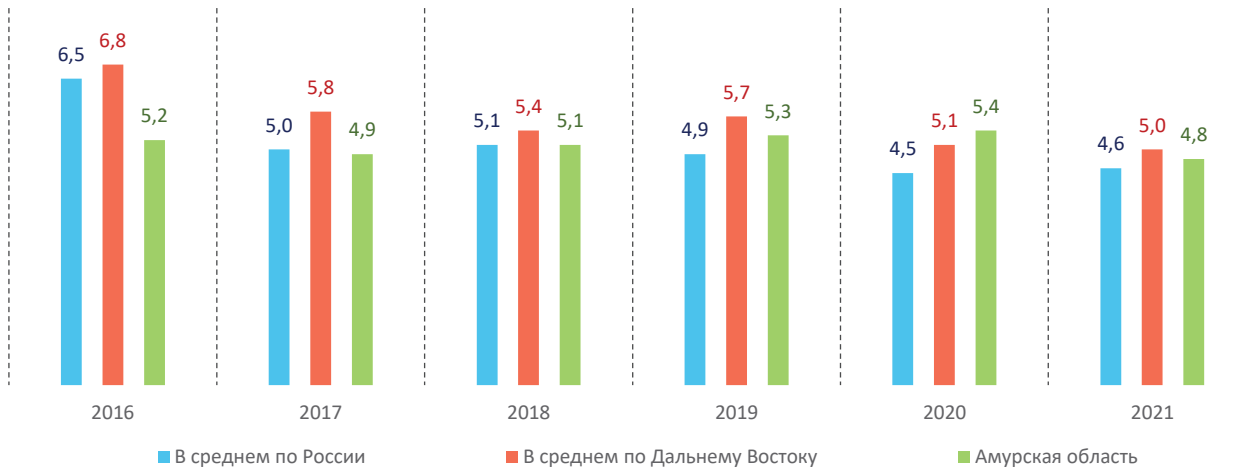

Рис. 2. Младенческая смертность

Рассчитано по: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Амурской области.

детельствуют о негативном влиянии распространения коронавирусной инфекции COVID-19 на формирование репродуктивных установок в обществе (Смирнов, Храмова, 2021). В настоящее время сложился и приобрел устойчивость тип репродуктивного поведения, для которого свойственна ориентация на рождение 1–2 детей. Важнейшим следствием распространения таких установок является снижение рождаемости.

В регионе отмечается уменьшение когорты женского населения в активном репродуктивном возрасте 20–34 лет. Численность женского населения 20–24 лет сократилась за 6 лет на 17%, в возрасте 25–29 лет – на 30%, 30–34 года – на 7,6%, что стало естественным

результатом спада рождаемости в 90-х гг. прошлого века. В целом доля женщин фертильного возраста 20–44 лет сокращается: в 2017 году – 35,8%, в 2021 году – 33,5%. Возрастные группы 65–69, 70–74 и 80 лет и более увеличились на 17, 76 и 32% соответственно.

Необходимо отметить благоприятную тенденцию снижения показателя младенческой смертности (рис. 2). В Амурской области для этого принимаются управленческие решения, например, реализуется региональный проект «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной детской инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», предусматриваю-

Таблица 3. Показатели ожидаемой продолжительности жизни в регионах Дальнего Востока, лет

Регион	1991 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	Отношение продолжительности жизни, 2021/1991
Республика Бурятия	66,80	69,61	70,69	70,84	70,77	70,29	68,91	2,11
Забайкальский край	67,0	68,33	69,64	68,99	68,88	68,23	66,82	-0,18
Республика Саха (Якутия)	66,30	70,84	71,68	72,72	73,00	71,10	69,98	3,68
Камчатский край	66,90	68,66	70,06	70,09	70,57	69,27	68,09	1,19
Приморский край	66,80	69,66	70,36	70,48	70,54	69,55	68,61	1,81
Хабаровский край	67,20	69,13	69,74	70,19	70,05	68,61	67,85	0,65
Амурская область	67,40	68,28	69,06	69,11	68,66	67,38	66,30	-1,1
Магаданская область	66,80	69,0	69,37	69,62	69,66	69,04	67,41	0,61
Сахалинская область	66,30	68,66	70,19	69,92	70,28	69,73	68,42	2,12
Еврейская автономная область	65,90	65,88	68,83	68,6	68,08	67,5	66,12	0,22
Чукотский автономный округ	67,20	64,42	66,10	63,58	68,09	65,82	64,87	-2,33

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2022: стат. сб. / Росстат. Москва. 1122 с.

ций поэтапное сокращение младенческой смертности до 4,1 случая на 1 тыс. родившихся детей в 2024 году.

Высокий уровень смертности негативно влияет на показатель ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения, который играет ключевую роль при характеристике социально-демографического развития регионов. С его помощью в наиболее концентрированном виде отражаются состояние здоровья, уровень смертности, социальное благополучие населения (Aghion et al., 2011; Ерахтина, 2019).

Для Дальнего Востока в целом характерен территориальный разброс показателей ОПЖ (Мотрич, 2019; Белоусова, Грицко, 2022). В ходе сравнительного анализа выявлено заметное отставание показателя ОПЖ в Амурской области от средних значений по Дальневосточному региону (70,1 года в 2021 году) и России (70,5 года в 2021 году). По данным Росстата от 04.07.2022 «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по субъектам Российской Федерации за 2021 год» (без учета итогов Всероссийской переписи населения 2020 года, проведенной в октябре – ноябре 2021 года), Амурская область занимает одну из худших пози-

ций в рейтинге продолжительности жизни (83-я позиция среди всех субъектов России).

Динамика продолжительности жизни в регионе в целом остается неопределенной: период роста показателя в 2016–2018 гг. сменился периодом падения с 2019 года по настоящее время. В результате в 2021 году Амурская область заняла 11 место по показателю ОПЖ (66,3 года) среди субъектов Дальневосточного федерального округа (табл. 3).

Очевидно, что эффективное решение задачи, связанной с ростом продолжительности жизни населения в регионах России, предполагает снижение общего уровня смертности. А.Г. Вишневский отмечал вклад высокой смертности в процессы демографического развития: «Огромные демографические потери от высокой смертности и весьма низкие показатели продолжительности жизни россиян в средних и пожилых возрастах, не позволяющие противостоять демографическому старению, – результат долговременной стагнации или даже деградации показателей смертности в России, которые вполне заслуживают название кризиса смертности»⁷. Группой демографов во главе с А.Е. Ивановой было доказано влия-

⁷ Вишневский А.Г. (2010). Сбережение народа или депопуляция России?: докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета – Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества. Москва: ИД ГУ ВШЭ. 82 с.

ние смертности от болезней системы кровообращения и новообразований на изменение ОПЖ в регионах РФ (Иванова, 2020; Архангельский и др., 2022).

Анализ смертности важен для понимания ее региональных особенностей и планирования территориально ориентированных программ по ее снижению.

Амурская область переживает состояние естественной депопуляции, которое сопровождается сверхсмертностью населения. Темп прироста смертности по всем причинам за рассматриваемый период в расчете на 100 тыс. чел. населения составил 102,2%

(табл. 4). Традиционно наиболее распространена смертность из-за болезней системы кровообращения (инфаркты, инсульты, болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением, и т. д.).

Начиная с 2020 года вследствие пандемии COVID-19 структура смертности претерпела существенные изменения, которые характеризовались аномальным ускорением смертности от болезней системы кровообращения и органов дыхания (Колосов и др., 2020).

В регионе продолжают процессы повышения демографической нагрузки на трудоспособное население (табл. 5). За анализи-

Таблица 4. Численность умерших по основным классам причин смерти в Амурской области в 2016–2021 гг.

Основные причины смерти	Численность умерших, чел. на 100 тыс. чел. населения						Абсолютный прирост, 2021–2016 гг.	Темп прироста, %
	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год		
Всего умерших от всех причин, в том числе:	913,0	1064,0	1061,6	1108,8	1617,2	1846,4	933,4	102,2
инфекционные и паразитарные болезни	9,0	10,0	13,1	17,9	17,1	20,2	11,2	124,4
новообразования	134,0	147,0	162,9	181,7	232,2	222,9	88,9	66,3
болезни системы кровообращения	374,0	282,0	357,6	441,0	641,8	655,8	281,8	75,3
болезни органов дыхания	33,0	49,0	35,8	38,6	96,7	207,7	174,7	529,2
болезни органов пищеварения	59,0	88,0	66,8	72,5	114,6	113,9	54,9	93,0
Внешние причины смерти	147,0	175,0	152,8	150,1	190,7	166,8	19,8	13,4
Прочие причины	157,0	313,0	272,6	207,0	324,1	459,1	302,1	192,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021: стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 1112 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf

Таблица 5. Коэффициент демографической нагрузки в разрезе субъектов Дальневосточного федерального округа

Регион	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	Место в 2020 году
Российская Федерация	764	785	804	725	785	
Дальний Восток	724	743	757	729	736	
Республика Бурятия	783	807	826	826	826	11
Республика Саха (Якутия)	701	721	734	734	734	6
Забайкальский край	747	764	707	707	707	4
Камчатский край	638	651	710	710	710	5
Приморский край	720	738	776	776	776	10
Хабаровский край	699	717	747	747	747	7
Амурская область	751	766	750	750	752	8
Магаданская область	655	674	660	660	660	3
Сахалинская область	733	750	639	639	639	1
Еврейская автономная область	770	787	647	647	647	2
Чукотский автономный округ	582	605	754	754	754	9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2022: стат. сб. / Росстат. Москва, 2022. 1122 с.

руемый период она выросла незначительно, однако остается выше, чем в целом по ДФО. Сложившийся уровень рождаемости является одной из причин заметного старения населения и, как следствие, его выбытия из экономически активного возраста, что влечет за собой естественное сокращение предложения на рынке труда и требует поиска вариантов замещения.

Прогнозы и выводы

Осуществление демографической политики предполагает разработку нормативных документов, определяющих регулирование данного вида деятельности.

В табл. 6 представлен перечень региональных проектов, направленных на улучшение демографической ситуации в Амурской области.

Таблица 6. Организационная структура реализации демографической политики в Амурской области

Национальный проект «Демография»					
Региональный проект	Целевые индикаторы				
«Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения»	Охват граждан старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию, %	Доля граждан старше трудоспособного возраста и инвалидов, получающих услуги в рамках системы длительного ухода, от общего числа граждан старше трудоспособного возраста и инвалидов, нуждающихся в длительном уходе, %	Уровень госпитализации на геронтологические койки лиц старше 60 лет на 10 тыс. чел. населения соответствующего возраста, у. е.	Доля лиц старше трудоспособного возраста, у которых выявлены заболевания и патологические состояния, находящихся под диспансерным наблюдением, %	Доля граждан старше трудоспособного возраста и инвалидов, получивших социальные услуги в организациях социального обслуживания, от общего числа граждан старше трудоспособного возраста и инвалидов
«Финансовая поддержка семей при рождении детей»	Достижение показателей соглашением № 149-2019-Р10045-1/10 от 17.06.2022 не предусмотрено				
«Содействие занятости»	Доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет		Количество дополнительно созданных мест с целью обеспечения дошкольным образованием детей в возрасте от 1,5 до 3 лет в текущем календарном году		
«Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек»	Темпы прироста первичной заболеваемости ожирением		Розничные продажи алкогольной продукции на душу населения (в литрах этанола)		
«Создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта и подготовка спортивного резерва» («Спорт – норма жизни»)	Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом		Уровень обеспеченности граждан спортивными сооружениями исходя из единовременной пропускной способности		
Источник: данные сайта Правительства Амурской области. URL: https://www.amurobl.ru/pages/natsionalnye-proekty/natsionalnye-proekty					

Таблица 7. Демографические показатели, установленные Концепцией демографической политики Дальнего Востока, и фактически достигнутые значения

Показатель	Фактические значения 2021 года	Плановое значение, намеченное в Концепции в 2021 году	Средний вариант прогноза Федеральной службы государственной статистики
Численность населения, чел.	781846	804000	785300
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	66,3	71,5	69,85
Суммарный коэффициент рождаемости	1,51	1,95	1,52
Суммарный коэффициент смертности	13,9	11,8	14,1

Источники: Концепция демографической политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>

ской области. Региональные проекты нацелены преимущественно на улучшение качества жизни граждан старше трудоспособного возраста, повышение доступности дошкольного образования, а также уровня массового спорта. К сожалению, ни один из целевых индикаторов не отображает количественные и качественные демографические характеристики – рождаемость, естественный прирост и т. д. Несмотря на высокую долю смертности от внешних причин не принята программа по профилактике девиантного поведения жителей.

В Концепции демографической политики Дальнего Востока (далее – Концепция) на период до 2025 года для Амурской области поставлена задача поэтапного повышения ожидаемой продолжительности жизни населения до 76 лет, а также прогнозируется стабилизация численности населения до 805000 чел. в 2025 году. Реальность достижения таких значений весьма зыбкая в условиях продолжающегося сокращения численности населения и отрицательного сальдо миграции. Сравнительный анализ фактических и программных индикаторов развития свидетельствует, что, несмотря на широкий комплекс задействованных мер, демографическая ситуация не улучшается. Фактические значения основных демо-

графических показателей не соответствуют как плановым значениям, заложенным в Концепции, так и среднему варианту прогноза Федеральной службы государственной статистики (табл. 7).

Значение показателя продолжительности жизни в регионе в 2021 году сходно с показателем 2003 года, что также снижает оптимизм в отношении перспектив продолжительности жизни, заявленных в Концепции.

Динамика основных демографических процессов выражается в суженном характере воспроизводства населения, естественной убыли, складывающейся за счет превышения смертности над рождаемостью. Все это, безусловно, ограничивает возможности не только роста, но даже сохранения текущей численности населения и, соответственно, человеческого потенциала региона.

Демографическое развитие Дальнего Востока в целом и Амурской области в частности в ближайшие годы должно быть нацелено на три основные группы мер, неразрывно связанных с социально-экономическим развитием страны: стимулирование рождаемости, сбережение имеющегося населения за счет повышения доступности медицинской помощи, а также привлечение высококвалифицированных мигрантов трудоспособного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Фадеева Т.А. (2022). Воспроизводственный потенциал демографического развития России. Москва: Экон-Информ. 65 с.
- Белоусова А.В., Гриценко М.А. (2022). Демографическая динамика Дальнего Востока в условиях реализации национальных приоритетов: устойчивые тренды и ограничения роста // Регионалистика. Т. 9. № 6. С. 37–51. DOI: 10.14530/reg.2022.6.37
- Бурлаев В.Н., Дьяченко В.Н., Мотрич Е.Л., Фещенко Н.В. (2018). Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции / под ред. П.А. Минакира; Ин-т экон. исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 71 с.
- Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. (1999). Демографический и трудовой потенциал населения России // Современные проблемы России. Путь в XXI век. Гл. 7. С. 279–306.
- Грицко М.А. (2022). Демографические последствия пандемии в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. № 2 (99). С. 53–60. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-99-2-53-60
- Ерахтина А.Д. (2019). Инвестиции в здравоохранение, продолжительность жизни и экономический рост // ЭКО. № 6. С. 8–25.
- Заславская Т.И. (2005). Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–16.
- Иванов О.И. (2014). Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социологические исследования. № 6. С. 89–95.
- Иванова А.Е. (2020). Старт национальных проектов в сфере демографии и здравоохранения: региональные особенности // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 66. № 5. С. 4.
- Колосов В.П., Манаков Л.Г., Полянская Е.В. (2020). Проблемы организации управления пульмонологической помощи населению Дальневосточного федерального округа // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. № 75. С. 8–20. DOI: 10.36604/1998-5029-2020-75-8-20
- Мотрич Е.Л. (2019). Дальний Восток России: современная демографическая ситуация // Регионалистика. Т. 6. № 4. С. 45–52. DOI: 10.14530/reg.2019.4.45
- Минакир П.А. (2021). Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; Ин-т экон. исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 208 с.
- Минакир П.А. (2022). Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 328 с.
- Найден С.Н. (2020). Социальный потенциал регионов Дальнего Востока: пространственный разрыв // Регионалистика. Т. 7. № 6. С. 66–83. DOI: 10.14530/reg.2020.6.66
- Найден С.Н., Белоусова А.В. (2018). Социальные инвестиции как инструмент модернизации демографического развития на Дальнем Востоке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 212–228. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.13
- Полянская Е.В. (2022). Человеческий потенциал Амурской области, демографический аспект // IV Всероссийский демографический форум с междунар. участием: сб. тезисов (Москва, 2–3 декабря 2022 г.) / ФНИСЦ РАН. Москва. 99 с. DOI: 10.19.18/forum.978-5-89697-405-5.2022
- Петти У. (1997). Трактат о налогах и сборах. Verbum sapienti – слово мудрым. Разное о деньгах. Гл. VI, п. 17.5. Москва: Ось-89. 52 с.
- Смирнов А.В., Храмова М.Н. (2021). Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные установки россиян // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 72–81. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.6
- Aghion P., Howitt P., Murtin F. (2011). The Relationship Between Health and Growth: When Lukas Meets Nelson-Phelps. *Review of Economics and Institutions*, 2 (1). DOI: 10.5202/rei.v2il.22

- Becker G. (2022). *Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory*. Moscow: HSE.
- Drucker P.F. (1998). *Peter Drucker of the Profession of Management. Harvard Business Review Book Series*. Boston, Mass: Harvard Business School Press.
- Herzberg F. (1968). *Work and the Nature of Man*. New York: World Publishing.
- Kadomtseva S.V., Palochkina V.V. (2016). Funding Models of Human Development when Transferring to an Information Society. *Sotsialnaya Politika i Sotsialnoe Partnerstvo*, 3, 10–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Викторовна Полянская – кандидат экономических наук, директор, Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания (Российская Федерация, 675000, г. Благовещенск, ул. Калинина, д. 22; e-mail: polanska2011@yandex.ru)

Polyanskaya E.V.

ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC TRENDS IN THE FAR EASTERN REGION (ON THE EXAMPLE OF THE AMUR OBLAST)

The current strategy for the development of the Far Eastern Federal District is based on maintaining the existing population in its constituent entities and overcoming the process of depopulation. The problems of shrinking demographic potential in the regions of the Far East have not lost relevance since 1991. The article is devoted to the main indicators characterizing the demographic potential of one of the Far Eastern constituent entities – the Amur Oblast. A comparative analysis of demographic indicators in 2016–2021 revealed, that despite the implementation of the national project “Demography”, it is not yet possible to change the current demographic trend in the region. There is a significant decrease in the population due to natural loss, provoked, among other things, by the spread of the coronavirus infection COVID-19, low density of its location and depopulation of territories. Attention is focused on the Amur Oblast’s lagging in a number of demographic indicators compared to other regions of the Far East, such as extremely low life expectancy, high natural population loss, low birth rate and high mortality rate. These demographic features create a real threat to national security due to the border location of the constituent entity. The absence of demographic criteria in the regional programs, implemented in the region as part of the national project “Demography” was noted. We conducted a comparative analysis of the planned and actual indicators established by the concept of demographic policy of the Far East in 2021. As a result, it was revealed that the indicators laid down in the concept are overestimated in relation to the real situation of demographic potential in the Amur Oblast.

Region, population ageing, sex and age structure of population, mortality, population size.

REFERENCES

- Aghion P., Howitt P., Murtin F. (2011). The relationship between health and growth: When Lukas meets Nelson-Phelps. *Review of Economics and Institutions*, 2(1). DOI: 10.5202/rei.v2i1.22
- Arkhangelskii V.N., Ivanova A.E., Fadeeva T.A. (2022). *Vosproizvodstvennyi potentsial demograficheskogo razvitiya Rossii* [Reproducible Potential of Demographic Development in Russia]. Moscow: Ekon-Inform.
- Becker G. (2022). *Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory*. Moscow: HSE.

- Belousova A.V., Gritsenko M.A. (2022). Demographic dynamics of the Russian Far East in the context of the implementation of national priorities: Sustainable trends and growth constraints. *Regionalistika=Regionalistics*, 9(6), 37–51. DOI: 10.14530/reg.2022.6.37 (in Russian).
- Burlaev V.N., Dyachenko V.N., Motrich E.L., Feshchenko N.V. (2018). *Naselenie Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i tendentsii* [The Population of the Russian Far East: Problems and Tendencies]. Khabarovsk: ERI FEB RAS.
- Drucker P.F. (1998). *Peter Drucker of the Profession of Management. Harvard Business Review Book Series*. Boston, Mass: Harvard Business School Press.
- Erakhtina A.D. (2019). Medical investment, life expectancy and economic growth. *EKO=ECO*, 6, 8–25 (in Russian).
- Gritsko M.A. (2022). Demographic impact of the pandemic COVID-19 in the Khabarovsk Territory. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii=The Power and Administration in the East of Russia*, 2(99), 53–60. DOI:10.22394/1818-4049-2022-99-2-53-60 (in Russian).
- Herzberg F. (1968). *Work and the Nature of Man*. New York: World Publishing.
- Ivanov O.I. (2014). Human potential: Issues of research theory and methodology. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 6, 89–95 (in Russian).
- Ivanova A.E. (2020). Launch of national projects in demography and healthcare: Regional features. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*, 66(5), 4 (in Russian).
- Kadomtseva S.V., Palochkina V.V. (2016). Funding models of human development when transferring to an information society. *Sotsialnaya politika i sotsialnoe partnerstvo*, 3, 10–23.
- Kolosov V.P., Manakov L.G., Polyanskaya E.V. (2020). Problems of the organization and management of the pulmonological care to the population of the Far Eastern Federal District. *Byulleten' fiziologii i patologii dykhaniya=Bulletin Physiology and Pathology of Respiration*, 75, 8–20. DOI: 10.36604/1998-5029-2020-75-8-20 (in Russian).
- Minakir P.A. (2021). *Razvitie ekonomiki Dal'nego Vostoka Rossii: efekty gosudarstvennoi politiki* [Development of the Economy the Russian Far East: The Effects of the State Policy]. Khabarovsk: ERI FEB RAS.
- Minakir P.A. (2022). *Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika na Dal'nem Vostoke Rossii: ustoichivye trendy i novye vyzovy* [Socio-Economic Dynamics in the Russian Far East: Sustainable Trends and Emerging Challenges]. Khabarovsk: ERI FEB RAS.
- Motrich E.L. (2019). The Far East of Russia: The current demographic situation. *Regionalistika=Regionalistics*, 6(4), 45–52. DOI: 10.14530/reg.2019.4.45 (in Russian).
- Naiden S.N. (2020). Social potential of the regions of the Far East: Spatial gap. *Regionalistika=Regionalistics*, 7(6), 66–83. DOI: 10.14530/reg.2020.6.66 (in Russian).
- Naiden S.N., Belousova A.V. (2018). Social investment as a tool for modernization of the demographic development in the Far East. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(6), 212–228. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.13 (in Russian).
- Petty W. (1997). *Traktat o nalogakh i sborakh. Verbum sapienti – slovo mudrym. Raznoe o den'gakh*. [A Treatise of Taxes & Contributions. Verbum Sapienti posthum. Quantulumcunque Concerning Money]. Chapter 6, Paragraph 17.5. Moscow: Os'-89.
- Polyanskaya E.V. (2022). *Chelovecheskii potentsial Amurskoi oblasti, demograficheskii aspekt. IV Vserossiiskii demograficheskii forum s mezhdunar. uchastiem: sb. tezisev (Moskva, 2–3 dekabrya 2022 g.). FNISTS RAN* [Human Potential of the Amur Oblast, Demographic Aspect. 4th All-Russian Demographic Forum with International Participation: Collection of Abstracts (Moscow, December 2–3, 2022). FCTAS RAS]. Moscow. DOI: 10.19.18/forum.978-5-89697-405-5.2022
- Smirnov A.V., Khramova M.N. (2021). The impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive attitudes of Russian women. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*, 1(4), 72–81. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.6 (in Russian).

Vishnevskii A.G., Vasin S.A., Zaionchkovskaya Zh.A. (1999). *Demograficheskii i trudovoi potentsial naseleniya Rossii. Sovremennye problemy Rossii. Put' v XXI vek* [The Demographic Potential of Russia. Contemporary Problems of Russia. The Path to the 21st Century]. Chapter 7, pp. 279–306.

Zaslavskaya T.I. (2005). Human potential in contemporary transformation process. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*=*Social Sciences and Contemporary World*, 3, 5–16 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Polyanskaya – Candidate of Sciences (Economics), director, Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration (22, Kalinin Street, Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation; e-mail: polanska2011@yandex.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.8

УДК 332.1 | ББК 65.29

© Лебедева М.А.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

ORCID: [0000-0002-7310-6143](https://orcid.org/0000-0002-7310-6143); ResearcherID: [R-8097-2018](https://orcid.org/R-8097-2018)

В России в условиях постоянно увеличивающегося санкционного давления возрастает важность поиска внутренних источников социо-эколого-экономического развития. Ряд исследователей в качестве одного из возможных внутренних факторов экономического развития выделяют научно-производственную кооперацию, которая за счет объединения ресурсов потенциально способствовала бы, с одной стороны, повышению уровня инновационной активности, производительности труда и конкурентоспособности предприятий, а с другой – усилению финансового обеспечения и исследовательской инфраструктуры. При рассмотрении теоретико-методологических основ научно-производственной кооперации установлено, что существует большое число исследований, посвященных особенностям ее обеспечения на национальном уровне, однако региональному уровню не уделено должного внимания. В связи с этим целью работы стало определение проблем научно-производственной кооперации в регионах России (на примере Северо-Западного федерального округа). В ходе исследования установлено, что основными барьерами научно-производственной кооперации в регионах являются недостаточная развитость исследовательской инфраструктуры, низкий уровень финансирования, а также невостребованность петербургских вузов; особенности финансирования и распределения средств в петербургских вузах, слабая диверсификация экономики регионов. Для решения выявленных проблем предложено стимулирование диверсификации экономики региона, обеспечения коммуникации между наукой и бизнесом посредством создания цифровой платформы для лучшего понимания целей и возможностей каждого из секторов, создание учебно-опытных производств при некоторых

Для цитирования: Лебедева М.А. (2023). Проблемы научно-производственной кооперации в регионах России (на примере Северо-Западного федерального округа) // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 113–129. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.8

For citation: Lebedeva M.A. (2023). Problems of scientific and industrial cooperation in the regions of Russia (on the example of the Northwestern Federal District). *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 113–129. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.8

вузах и научных организациях для улучшения прикладных навыков у обучающихся и повышения финансовой обеспеченности науки. Материалы статьи могут быть использованы федеральными и региональными органами исполнительной власти, координирующими работу сферы науки и образования.

Научно-производственная кооперация, Северо-Западный федеральный округ, региональные вузы, регионы, диверсификация экономики регионов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды» (FMGZ-2022-0012).

Введение

В 2022 году Россия продемонстрировала довольно хорошие показатели по сравнению с прогнозируемыми: фактическое сокращение ВВП составило 2,1% по сравнению с прогнозируемыми 8,8%, производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 2,2%, уровень безработицы равен 3,8%. При этом ученые сходятся во мнении, что меры, обеспечившие такой эффект, применимы только в краткосрочной перспективе, а на средне- и долгосрочную перспективу необходимы другие источники развития¹. В то же время по-прежнему остается множество нерешенных проблем: это и развитие потребительского рынка, и повышение доходов населения, и вопросы контроля миграции, и экологические проблемы² (Ускова, 2023).

В условиях новых вызовов для России (пандемия COVID-19, экономические санкции, закрытие границ зарубежных стран и т. д.) все более важным становится поиск внутренних источников развития территорий, в частности повышение инновационной активности хозяйствующих субъектов, обеспечивающей рост эффективности их работы (Леонидова, 2020). В то же время инновационная активность в России и ее административно-территориальных субъектах остается довольно низкой: наиболее высокий уровень инновационной активности организаций в

2021 году наблюдался в Приволжском федеральном округе за счет предприятий республик Татарстан, Башкортостан и Мордовия (уровень инновационной активности организаций в них составил 29, 21,2 и 20% соответственно; табл. 1). Для сравнения, в Канаде данный показатель еще в 2019 году равнялся 79%, в Китае – 39%, в Турции – 61%³.

Стоит отметить, что именно инновации позволяют обеспечить выпуск новых видов продукции, продукции с улучшенными потребительскими свойствами, повысить производительность труда работников предприятий, тем самым способствуя увеличению объема отгруженной продукции в регионе, диверсификации его экономики, росту торговых потоков и образованию новых связей одной территории с другими, а также возрастанию налоговых отчислений в бюджетную систему региона и страны в целом (Ускова и др., 2013).

Внедрение инноваций на предприятиях происходит, как правило, либо в рамках участия в различных мерах государственной поддержки (государственные программы, национальные и региональные проекты и др.), либо посредством научно-производственной кооперации; в большинстве экономически развитых стран мира повышение уровня инновационности экономики осуществляется за счет последней, а в России в основном

¹ Ивантер А. (2022). Новая парадигма развития // Эксперт. № 19. С. 50–51; Лейбин В. (2022). Отключение от научной сети // Эксперт. № 19. С. 44–49.

² «Пессимисты ошибались»: Мишустин рассказал об экономике России в 2022 году. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/11/23/15831097.shtml>

³ Гохберг Л.М., Грачева Г.А., Дитковский К.А. [и др.] (2021). Индикаторы инновационной деятельности – 2021: стат. сб. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ.

Таблица 1. Уровень инновационной активности организаций

Территория	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2010 году, п. п.
Российская Федерация	9,5	9,3	9,1	10,8	11,9	2,4
Центральный ФО	8,6	10,9	10,8	12,5	12,6	4,0
Северо-Западный ФО	9,4	9,6	10,1	10,8	11,0	1,6
Южный ФО	7,5	7,6	7,5	8,0	11,9	4,4
Северо-Кавказский ФО	6,2	4,7	1,7	3,5	4,6	-1,6
Приволжский ФО	12,3	10,6	11,6	15,5	16,7	4,4
Уральский ФО	11,5	7,9	9,3	10,2	11,1	-0,4
Сибирский ФО	8,1	8,3	7,5	9,8	9,3	1,2
Дальневосточный ФО	8,6	6,9	6,0	6,9	7,7	-0,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022.

за счет бюджетных средств, при этом бизнес финансирует научные разработки только на 30% от общего объема их финансирования. Стоит отметить, что в рамках кооперации науки и производства должно происходить их взаимовыгодное и взаимостимулирующее развитие: посредством разработанной исследовательским сектором с учетом потребностей производства инновации может быть простимулирован рост уровня производства, что в свою очередь через техническое оснащение может влиять на развитие науки. Именно такая синергия может способствовать высокому уровню производства, а также повышению уровня самообеспеченности научного сектора, что в новых геополитических условиях для России чрезвычайно важно (Шамаева, 2015; Унтура, 2020). Этим объясняется актуальность поиска барьеров для кооперации науки и бизнеса. Большое число исследований, посвященных вопросам научно-производственной кооперации, проведено на национальном уровне, в то время как на региональном уровне им не уделяется должного внимания, в связи с чем целью нашей работы стало определение проблем обеспечения кооперации науки и бизнеса в регионах на примере Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Макрорегион был выбран по причине его наибольшей подверженности негативному влиянию западных санкций. Исследование, проведенное сотрудниками Института на-

роднохозяйственного прогнозирования РАН и Вологодского научного центра РАН, показало, что более 71% предприятий, руководители которых принимали участие в опросе, в СЗФО пострадали от введенных санкций уже в первой половине 2022 года (в России – 59%), еще около четверти (24%) руководителей сочли, что их предприятия могут пострадать в будущем (в РФ – 22%) (Ускова и др., 2022).

Теоретические основы исследования

Кооперация может пониматься по-разному: как общественное движение, как форма организации труда, как организационная форма объединения лиц для совместной хозяйственной деятельности (Буздалов, 2016; Кундиус, 2021). В нашем исследовании кооперация трактуется в широком смысле как взаимодействие субъектов, сотрудничество организаций и территорий в каком-либо виде деятельности для достижения своих целей и интересов. Что касается научно-производственной кооперации, то ее общие цели следующие: для производства – увеличение производительности труда, потенциальное снижение издержек, диверсификация деятельности, повышение конкурентоспособности; для науки – частное финансирование, расширение материальной экспериментальной базы, позволяющей проводить более качественные

исследования, результаты которых могут быть опубликованы в высокорейтинговых научных изданиях (D'Este, Perkmann, 2011; Bodas Freitas, Verspagen, 2017).

За рубежом также признают пользу научно-производственной кооперации с целью решения ряда проблем. Например, в Китае функционирует Консорциум высокотехнологичных университетов Пекина (Beijing Tech). Исследовательская инфраструктура консорциума включает 30 национальных лабораторий на базе 12 китайских политехнических университетов, совместными усилиями которых ведется работа по направлениям: IT, телекоммуникации, инженерные науки, транспорт, науки о материалах, геология, ядерная физика и экономика. За время деятельности консорциума его участники получили более 300 национальных наград.

Интересен опыт C3.ai Digital Transformation Institute – консорциум, направленный на проведение исследований в области технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, интернета вещей, анализа больших данных и др. В объединение входят шесть университетов и две IT-компании. Для эффективной организации научной работы участников консорциум предоставляет гранты и грантовые программы, привлекает внештатных исследователей, реализует образовательные программы и партнерства с представителями промышленности. В настоящее время объединение предоставляет более 40 готовых корпоративных приложений искусственного интеллекта, которые удовлетворяют критически важные бизнес-потребности глобальных предприятий в сфере производства, финансовых услуг, правительства, коммунальных услуг, нефти и газа, химической промышленности, агробизнеса, обороны и разведки и т. д.⁴

Также стоит отметить Суперкомпьютерный центр Pawsey (The Pawsey Supercomputing Centre) – совместное предприятие, созданное при участии Национального агентства научных исследований Австралии и не-

скольких австралийских университетов. Центр безвозмездно предоставляет данные правительству, промышленным предприятиям и австралийским ученым. Руководство центром осуществляет Управляющий совет, в который входят представители организаций-партнеров. В Центре самым мощным является суперкомпьютер «Магнус», способный выполнять квадриллион вычислений в секунду, что делает его самым мощным суперкомпьютером в Южном полушарии и одним из ста лучших суперкомпьютеров мира. Межузловые коммуникации в суперкомпьютере почти в 10000 раз быстрее, чем в Национальной широкополосной сети (Sokolowski et al., 2020).

Российский опыт хорошо иллюстрирует проект CREMLINplus (Connecting Russian and European Measures for Large-scale Research Infrastructures plus). Это объединение представляет собой инициативу по развитию научно-технического сотрудничества между Россией и странами Евросоюза в области исследовательских инфраструктур в рамках европейской программы Horizon 2020. Консорциум объединяет 35 университетов и исследовательских организаций. Среди основных направлений его деятельности – разработка схем доступа к российской исследовательской инфраструктуре для ученых из других стран, создание платформы для обмена знаниями и опытом между российскими и европейскими пользователями научной инфраструктуры. Со стороны России в кооперации приняли участие 9 организаций, в основном это учреждения, занимающиеся изучением физики и технологий. За время сотрудничества были получены результаты в области исследования нейтронов, использования электромагнитных методов и лазерного излучения⁵ (Aleksenskii et al., 2021; Taranenko, 2020). С марта 2022 года сотрудничество с российскими учреждениями в CREMLINplus было прекращено⁶.

Исследованием проблем научно-производственной кооперации занимались V. Galan-

⁴ C3.ai Digital Transformation Institute. URL: <https://c3.ai> (accessed 21.02.2023).

⁵ Университетские консорциумы: обзор практик университетов (2020) / под общ. ред. И.Г. Карелиной. Москва: Ассоциация «Глобальные университеты». № 6. 13 с.

⁶ CREMLINplus. URL: <https://www.cremlinplus.eu/about> (accessed 05.03.2023).

Muros, C. Plewa, I. Stošić, D. Bodroža, M. Đukić, J. Kuczevska, R. Orłowska, Ю. Симачев, М. Кузык. Например, представитель Международного института высшего образования ЮНЕСКО V. Galan-Muros и сотрудник Университета Аделаиды С. Plewa провели обзор взаимодействия университетов и бизнеса в 33 странах. Были выделены некоторые барьеры и драйверы развития бизнеса, науки и образования: культурные, финансовые барьеры, барьеры в установлении связей, а среди драйверов – доступность ресурсов. В результате работы исследователи определили, что барьер в установлении связей однозначно отрицательно влияет на науку и бизнес, в сфере образования он сказался только на обучении в течение всей жизни. Финансовый барьер, как и культурный, негативно воздействует только на сферу науки. А доступность ресурсов как драйвер развития положительно влияет и на науку, и на образование, и на бизнес (Galan-Muros, Plewa, 2015).

Исследователи Института экономических наук I. Stošić, D. Bodroža, M. Đukić ставили перед собой цель определить уровень кооперации науки и бизнеса в Сербии. Результаты их работы показали, что у научного сектора в стране имеется значительный потенциал, однако бизнесом он не используется в достаточной степени. Ключевой проблемой авторы видят разнонаправленность работы того и другого секторов, так как исследователи в большей степени сосредоточены на получении научного результата, нежели на его коммерциализации, в то время как бизнес – на получении прибыли. Также ученые обратили внимание на то, что значительная часть отечественной экономики приватизирована и наибольшее количество научно-исследовательских отделов этих компаний находится за рубежом, в странах материнских компаний. Кроме того, из-за высоких затрат на исследования и разработки экономика Сербии больше полагается на покупку лицензионных решений из-за рубежа, чем на собственные разработки (Stošić et al., 2019).

J. Kuczevska, R. Orłowska из Университета Гданьска оценивали сотрудничество между научными учреждениями и бизнесом в Польше и США. Результаты их работы показали, что основными причинами отсутствия кооперации польских компаний с научными организациями стали отсутствие программ и услуг, предлагаемых университетом для бизнес-сектора, недостаток инновационных идей и восприятие бизнесом сотрудничества с университетом как дорогого и бесполезного⁷. Также отмечено, что 65% организаций США дают возможность стажировки студентам университетов, в то время как в Польше таких компаний только 10%.

Среди российских работ особого внимания заслуживают исследования НИУ ВШЭ. Сотрудники Центра исследований структурной политики НИУ ВШЭ Ю.В. Симачев, М.Г. Кузык считают, что кооперация науки и бизнеса имеет ключевое значение для обеспечения устойчивого экономического развития. В рамках такого партнерства бизнес получает доступ к научным результатам и возможность оптимизировать свои расходы на НИОКР, снижая определенные риски. В ходе анализа проблем и препятствий для научно-производственной кооперации в РФ Ю.В. Симачев и М.Г. Кузык установили, что ключевым барьером является «разнородность культур» науки и производства, под которой понимаются разные цели работы. В то время как бизнес заинтересован в решении практических задач и получении за счет этого прибыли, для науки наиболее важным остается вклад в расширение научных представлений и решение научных проблем. Кроме того, была замечена разница в отношении к временным рамкам выполнения проектов: для бизнеса скорость более важна, чем для науки. Также среди барьеров выделены недостаточная осведомленность бизнеса и науки друг о друге и о потенциальных возможностях для сотрудничества, неэффективное управление работой исследовательского сектора, дороговизна и

⁷ Kuczevska J., Orłowska R. (2015). Assessment of Cooperation between Institutions of Science and the Business Sector in Poland and in the USA. Working Papers of Economics of European Integration Division, The University of Gdansk, Gdansk.

Таблица 2. Разработанные передовые производственные технологии, ед. на 100 тыс. чел. населения

Территория	2005 год	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2005 году
РФ	0,4	0,6	1,0	1,1	1,4	1,5	В 3,4 раза
СЗФО	0,8	1,1	1,7	1,7	1,9	2,8	В 3,7 раза
Санкт-Петербург (СПб)	1,4	2,6	3,1	2,9	3,6	5,5	В 3,9 раза
Регионы СЗФО, кроме СПб	0,4	0,3	0,9	1,0	0,9	1,1	В 2,7 раза

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022.

недостаточное качество работ научных организаций и вузов (Симачев, Кузык, 2020; Симачев, Кузык, 2021). Результаты исследований, проводимых в ВолНИЦ РАН, подтвердили выводы касательно научно-производственной кооперации в России (Кузнецова, 2019; Кузнецова, 2021а; Кузнецова, 2021б).

Представители Счетной палаты Российской Федерации тоже анализировали проблемы кооперации науки и бизнеса, однако ключевые из них были отмечены именно в научном секторе и сфере государственного управления. Важная проблема состоит в том, что основным источником финансирования науки в России является бюджет (60–70% общего объема финансирования исследований и разработок в стране). В государственном управлении развитием науки отмечено, что механизм финансирования науки за счет привлечения внебюджетных источников не ведет к росту объема внебюджетных средств, расходуемых на науку, и не ориентирован на формирование спроса на отечественные результаты научной деятельности, в том числе со стороны бизнеса и промышленных потребителей, а также на создание новых научных знаний, признанных в международном академическом сообществе⁸. Также подчеркивается такая проблема, как большой временной лаг от момента разработки передовой технологии до ее внедрения в производство. Так, 55% разработанных передовых производственных технологий внедряются в эко-

номику страны спустя шесть лет и более и только 28% – в интервале трех лет⁹. На наш взгляд, справедливым является поиск проблем научно-производственной кооперации именно в науке. Как показала ситуация в России в 2022 году, большую приспособляемость к новым условиям продемонстрировал именно бизнес как в части организации производства недостающих комплектующих, так и поиска новых поставщиков и рынков сбыта. В то же время наука испытывала ряд трудностей, связанных с ограничением в публикации официальной статистики и доступом в международные базы данных.

Как можно заметить, все рассмотренные работы направлены на исследование проблем обеспечения научно-производственной кооперации на национальном уровне, а ее региональным особенностям не уделяется должного внимания.

Результаты исследования

В первую очередь рассмотрим данные по разработке производственных передовых технологий (ППТ) в регионах СЗФО. Росстат с целью обеспечения конфиденциальности в большинстве регионов не публикует данные, однако по городу федерального значения Санкт-Петербургу представлен достаточно полный динамический ряд (табл. 2).

По данным видно, что как в России в целом, так и в СЗФО и его регионах число раз-

⁸ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых» // Счетная Палата Российской Федерации, 2020. 53 с.

⁹ Сухарев О. Почему идеи ученых не востребованы в России? // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/11/30/pochemu_idei_uchenyh_ne_vostrebovany_v_rossii (дата обращения 15.02.2023).

работанных передовых производственных технологий в расчете на 100 тыс. чел. населения заметно увеличилось (в 2,7–3,9 раза). На фоне всех регионов Северо-Запада выделяется г. Санкт-Петербург, где удельные показатели по разработке ППТ и темпы роста их количества значительно больше аналогичных показателей в среднем по СЗФО и России в целом.

Если рассмотреть ППТ, используемые в регионах СЗФО, то можно заметить, что они преимущественно зарубежные. Причем большая часть из них, как и в случае с разработкой передовых производственных технологий, применяется организациями Санкт-Петербурга (рис.).

В целом по СЗФО и его регионам значительно выросло число используемых передовых технологий. Кроме Санкт-Петербурга, доля использования ППТ увеличилась в Республике Коми с 1% в 2005 году до 5,1% в 2021 году и Ленинградской области с 1,5 до 10% за тот же период. В остальных регионах наблюдается ее снижение.

Отдельного внимания заслуживают организации, занимающиеся научными исследованиями (табл. 3). В большинстве регионов

СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга, их число в расчете на душу населения увеличилось. В то же время сокращение данного удельного показателя в Санкт-Петербурге сказалось и на федеральном округе в целом.

В ходе анализа выявлено, что в большинстве регионов, за исключением Республики Карелии, Вологодской и Новгородской областей, численность персонала, занимающегося научными исследованиями, в расчете на 1 тыс. чел. населения сократилась (табл. 4).

В целом по данным табл. 2–4 можно заметить, что наибольший эффект для науки и соответственно потенциально для производственного бизнеса дают научные и образовательные организации г. Санкт-Петербурга. Об этом свидетельствует и участие образовательных и научных учреждений регионов в существующих формах кооперации.

В настоящее время в России функционируют 15 научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦМУ). В 7 из них включены организации г. Санкт-Петербурга: «Инновационные решения в АПК», «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования», «Инженерия будущего», «ТулаТЕХ», Западно-Сибирский

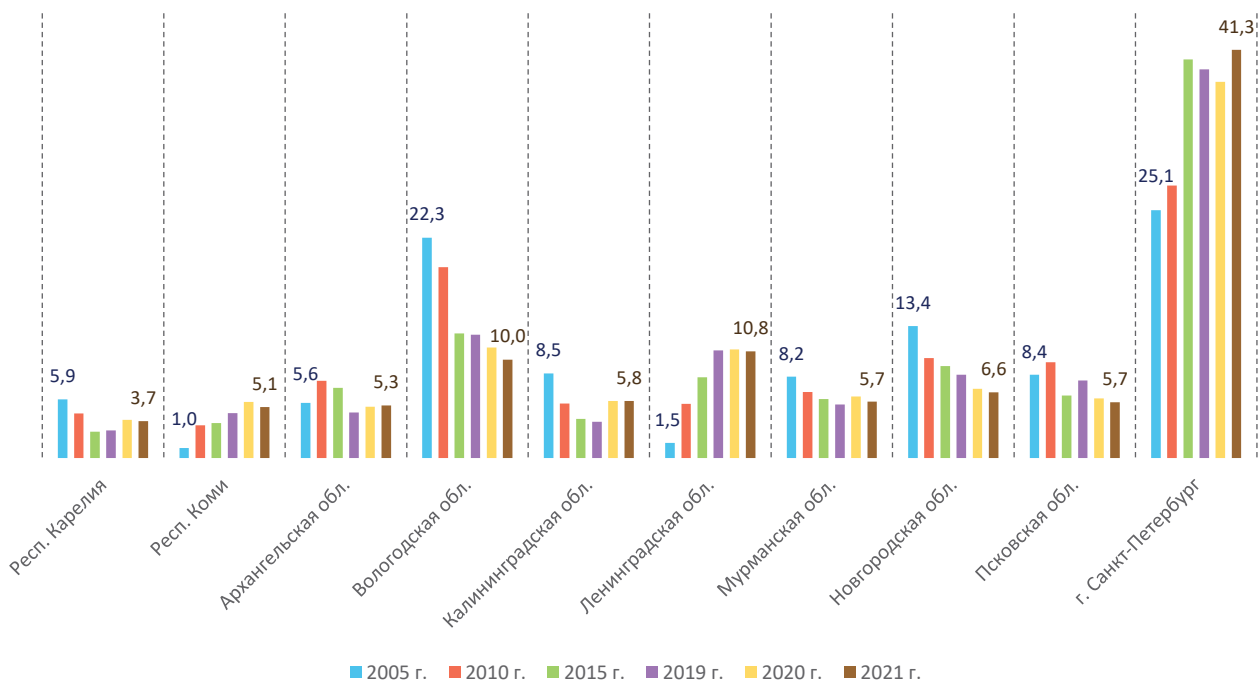

Рис. Доля использования передовых производственных технологий в регионах от их общего числа в СЗФО, %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022.

Таблица 3. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед. на 100 тыс. чел. населения

Территория	2005 год	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2005 году, %
<i>Российская Федерация</i>	2,5	2,4	2,8	2,8	2,9	2,9	115,2
<i>СЗФО</i>	3,9	3,7	3,6	3,7	3,7	3,9	99,6
г. Санкт-Петербург	8,1	6,9	5,7	5,9	5,9	6,4	78,9
Республика Карелия	2,4	2,5	3,5	3,7	3,1	3,3	140,1
Мурманская область	2,0	1,8	1,7	2,2	2,0	3,2	156,6
Республика Коми	2,0	2,6	3,3	3,0	3,1	3,1	157,8
Архангельская область	2,0	2,7	3,1	3,2	3,0	2,9	141,6
Новгородская область	1,5	1,9	2,8	3,2	2,9	2,4	159,1
Псковская область	1,4	1,9	2,0	2,6	2,1	2,1	152,9
Ленинградская область	1,7	1,5	1,7	1,8	1,8	1,9	113,3
Калининградская область	1,5	1,2	1,6	1,5	1,8	1,7	110,6
Вологодская область	1,2	1,4	1,5	1,7	1,6	1,6	130,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022.

Таблица 4. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел. на 1 тыс. чел. населения

Территория	2005 год	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2005 году, %
<i>Российская Федерация</i>	5,7	5,2	5,0	4,7	4,6	4,6	80,2
<i>СЗФО</i>	7,6	7,0	7,1	6,5	6,3	6,1	80,5
г. Санкт-Петербург	18,6	16,3	15,1	13,9	13,5	13,1	70,3
Ленинградская область	3,8	3,8	4,1	3,8	3,2	3,3	87,0
Мурманская область	2,8	2,6	3,1	2,7	2,7	2,7	97,9
Новгородская область	1,3	1,4	2,7	2,6	2,3	1,9	147,0
Республика Карелия	1,4	1,5	1,9	1,9	1,8	1,8	128,8
Республика Коми	2,1	2,0	2,3	1,8	1,8	1,8	83,5
Калининградская область	2,2	2,0	2,2	1,1	1,3	1,3	60,0
Архангельская область	1,2	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	74,1
Вологодская область	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6	147,5
Псковская область	0,4	0,5	1,3	0,3	0,2	0,2	58,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022.

межрегиональный научно-образовательный центр мирового уровня, «Мореагробiotех», «Енисейская Сибирь». Среди других регионов СЗФО в деятельности НОЦМУ принимают участие только Архангельская область, Мурманская область и Ненецкий автономный округ, являющиеся инициаторами соз-

дания НОЦМУ «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы». Сюда же относятся некоторые учреждения высшего образования и науки Республики Коми. Республика Карелия, Псковская, Новгородская и Вологодская области не вошли ни в один НОЦМУ¹⁰.

¹⁰ Научно-образовательные центры мирового уровня. URL: <https://xn--mlacy.xn--plai/centers> (дата обращения 25.02.2023).

Предлагаем рассмотреть причины такой ситуации. На наш взгляд, стоит уделить первоочередное внимание вопросу подготовки кадров для науки. Во-первых, это проблемы в стипендиальном обеспечении вузов в регионах. Кроме того, что академическая стипендия в вузах составляет порядка 10–20% от прожиточного минимума по региону, ее размер даже в крупных вузах может зависеть не только от результатов конкретного обучающегося, но и от количества других студентов, получающих оценки «хорошо» и «отлично», что также не способствует продолжению обучения в магистратуре и аспирантуре. Например, в Вологодском государственном университете в подобной ситуации ректор пояснил, что снижение академической стипендии обосновано положением университета о распределении стипендиального фонда. В частности, в 2020 году увеличилось число студентов, сдавших сессию на оценки «хорошо» и «отлично», соответственно, стипендиальный фонд был распределен на большее число людей и размер стипендии уменьшился¹¹.

Во-вторых, значительное внимание следует уделять условиям работы преподавателей высшей школы, так как от ее качества зависит уровень подготовки будущих исследователей, а также время их адаптации при начале работы в научной сфере. До недавнего времени для преподавателей высшей школы ставилась задача привлечения денег в университеты в размере 100 тыс. руб. в год с преподавателя. Такая дополнительная научно-исследовательская работа требовала времени, изымаемого, как правило, за счет качества образовательного процесса, что не могло не сказаться на подготовке кадров. Более того, это провоцировало появление фиктивных научных исследований, результаты которых не были направлены на решение фундаментальных или прикладных

задач. Ситуация доходила до того, что преподаватели брали кредиты и сами себе заказывали хоздоговорные работы, в противном случае их ожидали штрафы и увольнение¹². Только в конце 2022 года в университеты поступили разъяснения о том, что привлечение внебюджетных средств в университет является задачей ректора и его заместителей, так как обеспечение доходов университета – их прямая обязанность¹³. А такие процессы наблюдались в вузах далеко не первый год.

Все эти обстоятельства снижают востребованность вузов вне Санкт-Петербурга для абитуриентов и потенциальных сотрудников, тем самым уменьшая число подготовленных кадров для научных исследований в регионах. Работа, проведенная НИУ ВШЭ, подтверждает, что уровень востребованности вузов в регионах СЗФО значительно уступает аналогичному показателю Санкт-Петербурга (табл. 5).

В вузах регионов СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга, весьма острой является проблема финансирования. Так, если на одного сотрудника, занятого исследованиями и разработками, в Санкт-Петербурге в 2021 году приходилось порядка 2,1 млн руб. всех внутренних затрат (в 2005 году – 1 млн руб.), то в других регионах этот показатель составлял в среднем 1,5 млн руб. в год (в 2005 году – 0,78 млн руб., табл. 6).

При расчете внутренних затрат, приходящихся на организацию, еще сильнее заметна разница между Санкт-Петербургом и другими субъектами. При этом стоит отметить, что в регионах СЗФО отклонение в меньшую сторону наблюдается не только относительно макрорегиона, но и страны в целом.

Не менее важной составляющей являются капитальные затраты на исследования и разработки, так как за счет них приобретается необходимое оборудование, от которо-

¹¹ Ректор ВоГУ: стипендия уменьшилась // В точку: информационный портал. URL: https://xn--b1aqxu.xn--p1ai/articles/society/rektor_vogu_stipendiya_umenshilas/?sphrase_id=5327893 (дата обращения 01.02.2023).

¹² Спасение преподавателей – дело рук самих преподавателей: к вопросу о доходах работников сферы высшего образования. URL: <https://danilevsky.ru/stati-irsi-analitika-tg-kanala-rossiya-ne-evropa/spasenie-prepodavatelej-deloruk-samih-prepodavatelej-k-voprosu-o-dohodah-rabotnikov-sfery-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения 05.02.2023).

¹³ Ватчинин В., Сапрыгина Ю. Профессорам российских вузов сделали подарок на Новый год. URL: <https://www.pnp.ru/social/professoram-rossiyskikh-vuzov-sdelali-podarok-na-novyy-god.html> (дата обращения 25.02.2023).

Таблица 5. Значения показателя востребованности систем высшего образования регионов*

Регион	Численность студентов, поступивших сразу после окончания школы на очную форму обучения, чел.	Численность выпускников школ, желающих получить высшее образование, чел.	Показатель востребованности региональной системы высшего образования
Санкт-Петербург и Ленинградская область	38097	16477	2,31
Калининградская область	2396	2667	0,89
Республика Карелия	1539	2131	0,72
Псковская область	1053	1790	0,59
Новгородская область	1012	1706	0,59
Вологодская область	1778	3217	0,55
Архангельская область	2013	3741	0,54
Республика Коми	1554	2894	0,53
Мурманская область	797	2121	0,37

* Показатель востребованности вузов в регионе среди выпускников школ рассчитывается как отношение численности поступивших на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета в вузы региона сразу после окончания школы к численности выпускников школ региона, получивших аттестат о среднем общем образовании, помноженной на долю выпускников школ, которые идут сразу после окончания школы в вузы.
Источник: (Козлов и др., 2017).

Таблица 6. Объем внутренних затрат на исследования и разработки*

Территория	2005 год	2010 год	2015 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2005 году, %
В расчете на человека из численности персонала, занятого исследованиями и разработками, тыс. руб.							
РФ	926,8	1419,4	1633,8	1890,8	1874,0	1963,9	В 2,1 раза
СЗФО	992,5	1485,8	1727,7	2055,7	1934,1	2012,2	В 2,0 раза
г. Санкт-Петербург	1033,2	1512,9	1841,0	2190,8	2031,4	2116,8	В 2,1 раза
Остальные регионы	780,7	1350,9	1255,8	1427,9	1461,2	1521,1	В 1,9 раза
В расчете на организацию, выполнявшую исследования и разработки, млн руб.							
РФ	211,3	299,4	289,1	318,5	304,9	311,7	147,5
СЗФО	194,0	283,6	343,7	360,7	328,9	317,8	163,9
г. Санкт-Петербург	238,3	357,2	486,9	519,9	460,2	434,8	182,5
Остальные регионы	85,1	131,9	122,9	113,4	112,4	115,2	135,4

* В сопоставимых ценах 2021 года.
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022.

го зависит новизна и точность исследований. Учитывая, что в среднем по стране уровень износа лабораторного оборудования составляет выше 67%, такого рода расходы имеют принципиальное значение для обеспечения надлежащего качества проводимых фундаментальных и прикладных исследований¹⁴.

Можно отметить, что в Санкт-Петербурге они кратно выше, чем в остальных регионах СЗФО (табл. 7).

Также научно-производственной кооперации не способствует слабая диверсифицированность экономики региона. Например, если регион специализируется на добыче

¹⁴ В РАН заявили, что степень износа научного оборудования в организациях РФ остается высокой. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/11893955?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

Таблица 7. Капитальные затраты на научные исследования и разработки

Территория	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2017 году, %
Общие капитальные затраты в расчете на организацию, млн руб.						
РФ	21,3	20,0	20,8	21,6	25,8	121,1
СЗФО	18,1	18,0	18,6	18,4	19,3	106,2
Г. Санкт-Петербург	26,3	26,0	28,2	27,6	27,4	104,0
Остальные регионы	4,8	5,5	3,6	3,2	5,2	108,2
в т. ч. на оборудование, млн руб.						
РФ	11,3	11,0	10,4	12,8	15,2	135,4
СЗФО	8,5	10,1	6,7	12,3	10,7	126,2
Г. Санкт-Петербург	11,6	14,3	9,5	18,3	14,5	125,6
Остальные регионы	3,4	3,6	2,4	2,5	4,1	118,3
Общие капитальные затраты в расчете на человека, тыс. руб.						
РФ	118,9	116,0	123,7	132,7	162,8	137,0
СЗФО	91,4	94,6	105,8	108,1	122,0	133,5
Г. Санкт-Петербург	100,9	101,7	118,8	121,8	133,4	132,3
Остальные регионы	49,4	62,5	45,7	42,0	68,2	137,9
в т. ч. на оборудование тыс. руб.						
РФ	62,7	63,8	62,0	78,7	96,0	153,1
СЗФО	42,6	53,3	38,1	72,6	67,6	158,7
Г. Санкт-Петербург	44,2	56,0	39,9	80,7	70,6	159,7
Остальные регионы	35,5	41,0	29,8	33,1	53,6	150,8
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели: ст. сб. 2018–2022 гг.						

полезных ископаемых, то региональному вузу или учреждению науки сложно заключить хоздоговор на исследовательскую работу, поскольку у добывающей, как правило, крупной компании есть свой довольно высококвалифицированный исследовательский отдел. В случае достаточно диверсифицированной экономики и работы научно-образовательных структур в новых отраслях наук научные разработки будут более востребованы бизнес-структурами, не включающими в себя исследовательские отделы. Примером тому служит Санкт-Петербург, экономика которого более диверсифицирована (по данным Атласа экономической специализации регионов России, в Санкт-Петербурге выделяют 40 направлений экономической специализации), чем, например, в Мурманской области (6 направлений) и Республике Коми (6 отраслей), имеется несколько крупных вузов, разрабатывающих информационные

технологии, «умные» технологии, наноматериалы и др., что с большой вероятностью найдет применение в различных видах экономической деятельности (табл. 8).

В определенной степени научно-производственной кооперации препятствуют ориентация науки в регионах на мировое научное сообщество и неучет регионального и местного запроса. Причиной тому служат показатели результативности научной деятельности. Одними из ключевых являются библиометрические показатели, в частности публикации, входящие в базы данных WoS и Scopus, где наиболее востребованы статьи в рамках глобальной повестки, а не решения специфичных региональных и локальных вопросов. Эту проблему осветил эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Д.Р. Белоусов, отметив, что Национальный исследовательский центр эпидемиологии и

Таблица 8. Специализация регионов СЗФО

Регион	Специализация (отраслевые профили)
Г. Санкт-Петербург	Автомобилестроение; авиастроение и космос; бытовая техника; первичные и вторичные металлические изделия; деловые и IT-услуги; добыча неметаллических руд; звукозапись; изделия из дерева; киноиндустрия; кожаные изделия; культура; лесная промышленность; мебель; медицинские услуги; медоборудование; металлообрабатывающая отрасль; микроэлектроника и приборостроение; наука; образование; обувь; огнеупорные материалы и резиновые изделия; одежда; оптовая коммерция и электронная торговля; офисное оборудование и товары для досуга; пластмассовые изделия; продукты питания; производство и передача электроэнергии; производство коммуникационного оборудования; страхование; строительство и стройматериалы; текстильное производство; транспорт и логистика; туризм; тяжелое машиностроение; фармацевтическая продукция; финансовые услуги; химические вещества; судостроение и водный транспорт; электрооборудование и осветительные приборы (40 отраслевых профилей)
Мурманская область	Добыча металлических и неметаллических руд; металлообрабатывающая отрасль; производство и передача электроэнергии; строительство и стройматериалы; судостроение и водный транспорт (6 отраслевых профилей)
Архангельская область	Добыча неметаллических руд; животноводство и смешанное сельское хозяйство; изделия из дерева; культура; лесная промышленность; медицинские услуги; одежда; судостроение и водный транспорт; производство и транспортировка нефти и газа (НАО); строительство и стройматериалы (НАО); деловые и IT-услуги (НАО) (11 отраслевых профилей)
Республика Коми	Деятельность в области связи; добыча угля; изделия из дерева; производство и передача электроэнергии; производство и транспортировка нефти и газа; строительство и стройматериалы (6 отраслевых профилей)
Ленинградская область	Деятельность в области связи; животноводство и смешанное сельское хозяйство; изделия из дерева; культура; лесная промышленность; медицинские услуги, медоборудование; химические вещества; наука; огнеупорные материалы и резиновые изделия; одежда; первичные металлические изделия; продукты питания; производство и передача электроэнергии; сельскохозяйственные услуги и производство удобрений; строительство и стройматериалы; судостроение и водный транспорт; текстильное производство; транспорт и логистика; тяжелое машиностроение; электрооборудование и осветительные приборы (21 отраслевой профиль)
Республика Карелия	Деятельность в области связи; добыча металлических и неметаллических руд; транспорт и логистика; изделия из дерева; лесная промышленность; производство и передача электроэнергии; страхование; судостроение и водный транспорт (8 отраслевых профилей)
Вологодская область	Вторичные металлические изделия; деловые и IT-услуги; изделия из дерева; лесная промышленность; металлообрабатывающая отрасль; офисное оборудование и товары для досуга; первичные металлические изделия; сельскохозяйственные услуги и производство удобрений (8 отраслевых профилей)
Калининградская область	Автомобилестроение; бытовая техника; мясная продукция; страхование; судостроение и водный транспорт; табачные изделия; текстильное производство (7 отраслевых профилей)
Новгородская область	Издательское дело, дизайн и маркетинг; изделия из дерева; лесная промышленность; мебель; мясная продукция; огнеупорные материалы и резиновые изделия; производство коммуникационного оборудования; сельскохозяйственные услуги и производство удобрений; страхование; строительство и стройматериалы; целлюлозно-бумажные изделия; электрооборудование и осветительные приборы (12 отраслевых профилей)
Псковская область	Лесная промышленность; мебель; мясная продукция; одежда; туризм; первичные металлические изделия; производство коммуникационного оборудования (7 отраслевых профилей)

Источник: Атлас экономической специализации регионов России (2021) / НИУ ВШЭ. 265 с.

микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи занимался вакциной для профилактики вируса Эбола, а разработкой средств профилактики российских эндемичных заболеваний, например омской и конго-крымской геморрагической лихорадки – нет¹⁵.

Заключение

Таким образом, в условиях геополитической турбулентности одним из важных внутренних источников сбалансированного социо-эколого-экономического развития должны стать инновации. В то же время

¹⁵ Ивантер А. (2023). Ждет ли Россию технологический коллапс // Эксперт. № 1–3. С. 66–73.

уровень инновационной активности организаций в российских регионах остается довольно низким. Главной причиной этого выступает слабая научно-производственная кооперация, не позволяющая внедрять в необходимом масштабе результаты научной деятельности. В ходе работы выявлены следующие проблемы, препятствующие ее успешному взаимодействию с бизнесом. Во-первых, узкая специализация региона, ограничивающая научно-исследовательские структуры в прикладных исследованиях, востребованных предприятиями. А если в хозяйстве преобладают крупные предприятия со своими исследовательскими отделами, то результаты региональной науки и вовсе остаются не востребованными. Во-вторых, ориентация научной деятельности в регионах на мировую повестку и неучет региональных и местных вызовов, что во многом спровоцировано особенностями оценки результативности научной деятельности. В-третьих, низкая привлекательность научной деятельности для молодых кадров в регионах, что обусловлено низким уровнем оплаты труда и/или размером стипендий, механизмом их распределения, недостаточным качеством подготовки в непетербургских вузах, как следствие, необходимостью для преподавателей привлечения средств в университет, низким уровнем финансирования научной и образовательной деятельности, в том числе и на оборудование.

Для решения указанных проблем, на наш взгляд, следует усилить работу связующего звена между наукой и бизнесом, которым часто выступают различные механизмы трансфера и коммерциализации технологий, для предоставления точной и подробной информации о полученных результатах и возможностях их применения предприятиями. Одним из инструментов такого трансфера могут стать цифровые платформы для обеспечения подобной коммуникации.

Другой важной составляющей в решении выявленных проблем является высокий уровень подготовки молодежи, который возможен только при обеспечении соответствующих условий и инфраструктуры в системе образования, как для обучающихся, так и для преподавателей, где не последнюю роль играет финансирование. Без современного оборудования, обеспечивающего практику применения полученных знаний, подготовить высококвалифицированные кадры весьма затруднительно.

Не менее важно обеспечить диалог науки не только с бизнесом, но и органами власти для лучшего понимания местных и региональных вызовов, требующих научного разрешения. Со стороны власти необходимо стимулировать диверсификацию экономики, в том числе с целью обеспечения множества точек приложения научных результатов. Это, в свою очередь, повысит финансовую самообеспеченность науки, а также увеличит число рабочих мест, что будет способствовать закреплению населения на территории (Чекавинский и др., 2017).

Еще одним предложением, которое могло бы помочь решить обозначенные выше проблемы, является создание учебно-опытных производств (мастерских) при вузах и научных организациях, что может способствовать диверсификации экономики, повышению финансовой самообеспеченности научной деятельности, получению студентами практических навыков и повышению их доходов, а также создаст больше возможностей для кооперации.

Реализация предложенных мер, на наш взгляд, позволит создать благоприятные условия для развития научно-производственной кооперации на региональном уровне, что будет способствовать росту уровня инновационной активности и производительности труда в организациях, решению проблемы оттока населения, а также повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Буздалов И.Н. (2016). Теория и проблемы современного кооперативного движения в России // Вестник ИЭ РАН. № 3. С. 7–19.
- Козлов Д.В., Платонова Д.П., Лешуков О.В. (2017). Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов // Сер.: Современная аналитика образования. № 4 (12). Москва: НИУ ВШЭ. 32 с.
- Кузнецова Е.П. (2021а). О взаимодействии науки, бизнеса и государства в развитии экономики территории // Проблемы развития территории. Т. 25. № 5. С. 71–87. DOI: 10.15838/ptd.2021.5.115.5
- Кузнецова Е.П. (2021b). Проблемы, препятствующие готовности и склонности малого бизнеса к кооперации с научным и государственным сектором // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: мат-лы V Междунар. науч. интернет-конференции (Вологда, 21–25 июня 2021 г.). Вологда: ВолНЦ РАН. С. 123–128.
- Кузнецова Е.П. (2019). Современное состояние и проблемы научно-технологической кооперации в России // Молодые ученые – экономике региона: сб. мат-лов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 12 декабря 2018 г.). Вологда: ВолНЦ РАН. С. 133–137.
- Кундиус В.А. (2021). Развитие теории и практики кооперации в условиях диверсификации и формирования органического сельского хозяйства // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 2. С. 21–30. DOI: 10.37984/2076-9288-2021-2-21-30
- Леонидова Е.Г. (2020). Развитие региона на основе активизации внутренних факторов // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 3. С. 70–81. DOI: 10.19181/lspr.2020.16.3.6
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2020). Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения: доклад на конференции // XXI Апрельская междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Сессия L-31. Межфирменное взаимодействие российских компаний: сетевые и пространственные эффекты (Москва, 14 мая 2020 г.). Москва: НИУ ВШЭ. 21 с.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2021). Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения // Вопросы экономики. № 6. С. 103–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138
- Унтура Г.А. (2020). Региональная кооперация науки, высшего образования и бизнеса: национальный проект «Наука» // Регион: экономика и социология. № 3 (107). С. 62–96. DOI: 10.15372/REG20200303
- Ускова Т.В. (2023). Современные проблемы регионального развития и пути их решения // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.1
- Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В. [и др.] (2022). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В. [и др.] (2013). Проблемы экономического роста территории. Вологда: ВолНЦ РАН. 170 с.
- Чекавинский А.Н., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2017). Институты развития на местном уровне: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 200 с.
- Шамаева Н.П. (2015) Проблемы и тенденции развития научно-производственной кооперации // Экономика и финансы. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-tendentsii-razvitiya-nauchno-proizvodstvennoy-kooperatsii> (дата обращения 14.04.2023).
- Aleksenskii A., Bleuel M., Bosak A. [et al.] (2021). Clustering of Diamond Nanoparticles, Fluorination and Efficiency of Slow Neutron Reflectors. *Nanomaterials*, 11 (8), 1945. DOI:10.3390/nano11081945
- Bodas Freitas I.M., Verspagen B. (2017). Motivation of university-industry collaborations in the Netherlands. *Journal of Evolutionary Economic*, 27 (2), 379–412. DOI: 10.1007/s00191-017-0495-7

- D'Este P., Perkmann M. (2011). Why do academics engage with industry? The entrepreneurial university and individual motivations. *Journal of Technology Transfer*, 36 (3), 316–339
- Galan-Muros V., Plewa C. (2015). What drives and inhibits university-business cooperation in Europe? *A Comprehensive Assessment. Management*, September. DOI: 10.1111/radm.12180
- Sokolowski M., Jordan C.H., Slep G. [et al.] (2020). Calibration database for the Murchison Widefield Array All-Sky Virtual Observatory. *Publications of the Astronomical Society of Australia* 37, e021, 1–10. DOI: 10.1017/pasa.2020.17
- Stošić I., Bodroža D., Đukić M. (2019). Analysis of Cooperation between Science and Business in the Function of Improving the Effectiveness of the Republic of Serbia. *Economic Growth. Economic Analysis*, 52 (1), 138–148. DOI: 10.28934/ea.19.52.12.pp138-148
- Taranenko A. (2020). Status of the mega-science project NICA. *Journal of Physics: Conference Series*, 1685, 012021. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Анатольевна Лебедева – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

Lebedeva M.A.

PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND INDUSTRIAL COOPERATION IN THE REGIONS OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT)

The search for internal sources of socio-environmental and economic development is becoming increasingly important in Russia under tougher sanctions pressure. A number of researchers emphasize scientific and production cooperation as one of the possible internal factors promoting economic development, which by combining resources, on the one hand, would potentially increase the level of innovation activity, labor productivity and competitiveness of enterprises, and on the other hand, strengthen the financial support and research infrastructure. In reviewing the theoretical and methodological foundations of scientific and industrial cooperation, it was found that there are a large number of studies, devoted to the specifics of its provision at the national level, but the regional level is not given due attention. In this regard, the purpose of the work was to determine the problems of scientific and industrial cooperation in the regions of Russia (on the example of the Northwestern Federal District). The study found that the main barriers to research and industrial cooperation in the regions are the insufficient development of research infrastructure, low level of funding, and lack of demand for non-Petersburg universities; specifics of funding and distribution of funds in non-Petersburg universities, weak diversification of regional economies. To solve the identified problems it is proposed to stimulate the diversification of the region's economy, to ensure communication between science and business by creating a digital platform for a better understanding of the goals and opportunities of each sector, the creation of educational and experimental productions at some universities and scientific organizations to improve the applied skills of students and increase the financial provision of science. The materials of the article can be used by federal and regional executive authorities, coordinating the work of science and education.

Scientific and industrial cooperation, Northwestern Federal District, regional universities, regions, diversification of the regional economy.

REFERENCES

- Aleksenskii A., Bleuel M., Bosak A. et al. (2021). Clustering of diamond nanoparticles, fluorination and efficiency of slow neutron reflectors. *Nanomaterials*, 11(8), 1945. DOI:10.3390/nano11081945
- Bodas Freitas I.M., Verspagen B. (2017). Motivation of university-industry collaborations in the Netherlands. *Journal of Evolutionary Economic*, 27(2), 379–412. DOI: 10.1007/s00191-017-0495-7
- Buzdalov I.N. (2016). The theory and the issues of the modern cooperative movement in Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN=Bulletin of the Institute of Economics of the RAS*, 3, 7–19 (in Russian).
- Chekavinskii A.N., Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. (2017). *Instituty razvitiya na mestnom urovne: monografiya* [Development Institutions at the Local Level: A Monograph]. Vologda: ISEDT RAS.
- D'Este P., Perkmann M. (2011). Why do academics engage with industry? The entrepreneurial university and individual motivations. *Journal of Technology Transfer*, 36(3), 316–339.
- Galan-Muros V., Plewa C. (2015). What drives and inhibits university-business cooperation in Europe? A comprehensive assessment. *Management*, September. DOI: 10.1111/radm.12180
- Kozlov D.V., Platonova D.P., Leshukov O.V. (2017). *Gde učit'sya i gde rabotat': mezhregional'naya mobil'nost' studentov i vypusnikov universitetov. Ser.: Sovremennaya analitika obrazovaniya*, 4(12) [Where to Study and Where to Work: Interregional Mobility of University Students and Graduates. Ser.: Modern Education Analytics, 4(12)]. Moscow: NIU VShE.
- Kundius V.A. (2021). Development of the theory and practice of cooperation in the conditions of diversification and formation of organic agriculture. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki=Fundamental and Applied Researches of the Cooperative Sector of the Economy*, 2, 21–30. DOI: 10.37984/2076-9288-2021-2-21-30 (in Russian).
- Kuznetsova E.P. (2019). *Sovremennoe sostoyanie i problemy nauchno-tekhnologicheskoi kooperatsii v Rossii. Molodye uchenye – ekonomike regiona: sb. mat-lov XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 12 dekabrya 2018 g.)* [Modern State and Problems of Scientific and Technological Cooperation in Russia. Young Scientists to the Region's Economy: Proceedings of the 18th International Scientific and Practical Conference (Vologda, December 12, 2018)]. Vologda: VolRC RAS.
- Kuznetsova E.P. (2021a). On the interaction of science, business and the state in the development of the territory's economy. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 25(5), 71–87. DOI: 10.15838/ptd.2021.5.115.5 (in Russian).
- Kuznetsova E.P. (2021b). *Problemy, prepyatstvuyushchie gotovnosti i sklonnosti malogo biznesa k kooperatsii s nauchnym i gosudarstvennym sektorom. Problemy i perspektivy razvitiya nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva: mat-ly V Mezhdunar. nauch. internet-konferentsii (Vologda, 21–25 iyunya 2021 g.)* [Problems Hindering Readiness and Propensity of Small Business to Cooperate with Scientific and Public Sector. Problems and Prospects of Scientific and Technological Space Development: Proceedings of the 5th International Scientific Internet-Conference (Vologda, June 21–25, 2021)]. Vologda: VolRC RAS.
- Leonidova E.G. (2020). Development of the region based on the activation of internal factors. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 16(3), 70–81. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.6 (in Russian).
- Shamaeva N.P. (2015). Problems and trends in scientific and industrial cooperation. *Ekonomika i finansy*, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-tendentsii-razvitiya-nauchno-proizvodstvennoy-kooperatsii> (дата обращения 14.04.2023, in Russian).
- Simachev Yu.V., Kuzyk M.G. (2020). *Vzaimodeistvie rossiiskogo biznesa s naukoj: tochki soprikosnoveniya i kamni pretkoveniya: doklad na konferentsii. XXI Aprel'skaya mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Sessiya L-31. Mezhfirменноe vzaimodeistvie rossiiskikh kompanii: setevye i prostranstvennye efekty (Moskva, 14 maya 2020 g.)* [Interaction of Russian Business and Science: Points of Contact and Stumbling Stones: Conference Report. 21st April International Scientific Conference on

- Problems of Economic and Social Development. Session L-31. Interfirm Interaction of Russian Companies: Network and Spatial Effects (Moscow, May 14, 2020)]. Moscow: HSE University.
- Simachev Yu.V., Kuzyk M.G. (2021). Interaction of Russian business with science: Points of contact and stumbling blocks. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 6, 103–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138 (in Russian).
- Sokolowski M., Jordan C.H., Slep G. et al. (2020). Calibration database for the Murchison Widefield Array All-Sky Virtual Observatory. *Publications of the Astronomical Society of Australia* 37, e021, 1–10. DOI: 10.1017/pasa.2020.17
- Stošić I., Bodroža D., Đukić M. (2019). Analysis of Cooperation between Science and Business in the Function of Improving the Effectiveness of the Republic of Serbia. *Economic Growth. Economic Analysis*, 52(1), 138–148. DOI: 10.28934/ea.19.52.12
- Taranenko A. (2020). Status of the mega-science project NICA. *Journal of Physics: Conference Series*, 1685, 012021. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012021
- Untura G.A. (2020). Regional cooperation between science, higher education and business: The Science national project. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 3(107), 62–96. DOI: 10.15372/REG20200303 (in Russian).
- Uskova T.V. (2023). Regional development problems and ways of their solution in the Russian Federation. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(1), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.1 (in Russian).
- Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V. et al. (2022). The manufacturing sector of the economy of Northwest Russia: Problems of adaptation and prospects of functioning under sanctions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(6), 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1 (in Russian).
- Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V. et al. (2013). *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of Economic Growth in the Territory]. Vologda: VolRC RAS.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Lebedeva – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: МАРТ 2023 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Согласно предварительной оценке Минэкономразвития ВВП России в I квартале 2023 года¹ сократился на 2,2% (рис. 1). Можно констатировать, что экономика страны продемонстрировала определенную устойчивость, поскольку это снижение было меньшим, чем прирост индикатора в I квартале прошлого года (на 3%).

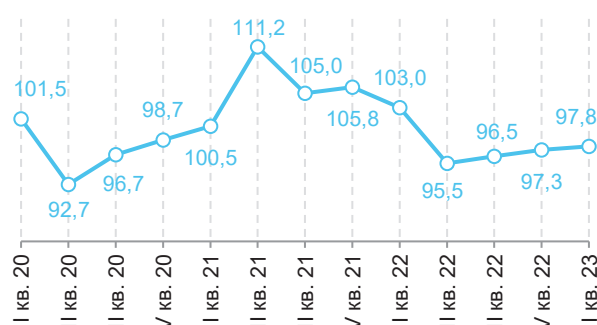

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к предыдущему году

Динамика индекса деловой активности в промышленности также свидетельствует о тенденции к восстановлению российской экономики: в апреле 2023 года предпринимательская уверенность в обрабатывающей индустрии была на достаточно высоком уровне, который ранее наблюдался лишь в 2009 году (рис. 2). В добывающей промышленности значение индикатора тоже оказалось позитивным и соответствовало уровню 2018 года.

Для цитирования: Сидоров М.А. (2023). Мониторинг экономики: март 2023 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 130–142. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.9

For citation: Sidorov M.A. (2023). Monitoring of the economy in March 2023. *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 130–142. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.9

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – март 2023 года сопоставляется с январем – мартом 2022 года.

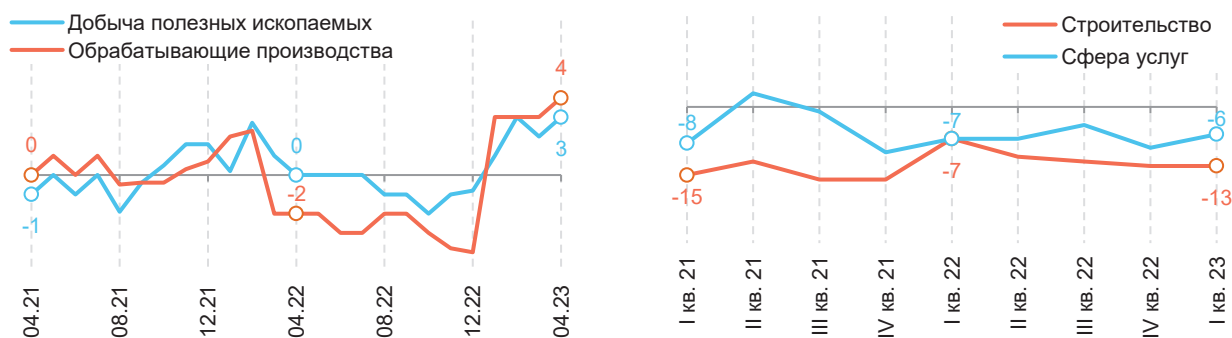

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

❖ В сфере услуг предпринимательские ожидания оставались негативными, в строительстве индекс предпринимательской уверенности ухудшился почти вдвое, что предположительно связано с негативными потребительскими ожиданиями.

1. Производство валового продукта

Начало года оказалось болезненным для экономики Северо-Западного федерального округа (СЗФО): за I квартал 2023 года в макрорегионе было произведено на 10,4% меньше товаров и услуг в физическом объеме по базовым видам экономической деятельности, тогда как в целом по стране снижение выпуска составило 1,2% (рис. 3). Спад производства зафиксирован почти во всех регионах округа, за исключением Псковской и Архангельской областей. В наибольшей степени выпуск сократился в Санкт-Петербурге,

Калининградской и Мурманской областях (на 17,7, 14,2, и 13,1% соответственно).

❖ Выпуск **промышленности** в РФ снизился на 0,9%, в СЗФО зафиксирован спад промышленного производства на 1,5%, что во многом обусловлено сокращением добычи полезных ископаемых в стране и макрорегионе на 3,3% (табл. 1). Снижение показателя отмечено почти во всех регионах СЗФО, за исключением Псковской области и Санкт-Петербурга.

⬆️ Динамика выпуска обрабатывающей промышленности в стране осталась позитивной (прирост на 1,1%).

❖ СЗФО продемонстрировал снижение производства обрабатывающей индустрии на 0,6%, при этом в ряде регионов (Калининградская, Мурманская области и Ненецкий автономный округ) спад составил 17–20%.

❖ Спад добычи полезных ископаемых объясняется сокращением производства ключевых товаров этой отрасли в СЗФО. Наиболее значи-

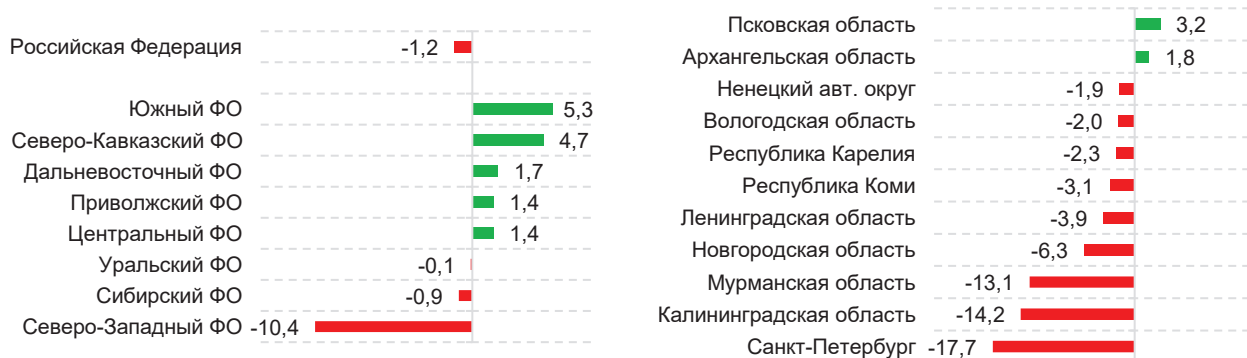

Рис. 3. Динамика выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в I квартале 2023 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к I кварталу 2022 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	12 мес. 2022 г.	3 мес. 2023 г.	р**
Промышленное производство						
РФ	105,1	101,2	100,4	99,4	99,1	-
СЗФО	102,6	99,9	97,6	99,1	98,5	4
Пск	95,9	97,8	100,8	98,6	105,6	26
СПб	98,2	97,9	94,6	103,9	103,3	39
Арх	97,6	98,3	99,6	94,1	99,7	50
Лен	102,9	99,3	97,6	97,1	99,1	54
Ком	108,5	105,9	105,0	103,3	98,5	56
Кар	97,9	95,2	93,1	91,4	98,0	60
Вол	99,4	95,6	95,6	94,4	97,5	64
НАО	123,9	115,6	114,2	112,3	95,6	73
Нов	104,4	99,2	95,2	92,7	90,9	78
Мур	110,1	106,0	97,8	95,9	86,2	81
Клн	94,0	86,6	84,2	82,4	82,9	83
Добыча полезных ископаемых						
РФ	107,4	103,1	102,0	100,8	96,7	-
СЗФО	113,5	108,2	106,7	104,8	96,7	3
Лен	108,3	109,8	110,5	109,8	114,2	12
Нов	104,8	98,0	94,5	93,0	105,7	22
Клн	86,3	88,5	87,1	86,8	101,4	27
Ком	112,3	108,7	107,9	106,3	99,6	34
Кар	100,5	95,2	94,4	94,0	99,1	35
НАО	124,3	115,8	114,2	112,4	95,5	45
Мур	96,6	93,6	92,5	90,1	92,9	54
Вол	113,1	96,1	99,2	96,4	91,6	60
Пск	120,9	103,8	101,4	96,7	84,7	71
Арх	98,4	107,9	105,8	100,5	84,6	72
СПб	136,8	93,4	78,2	67,9	20,7	83
Обрабатывающие производства						
РФ	104,9	100,3	99,5	98,7	101,1	-
СЗФО	101,7	98,3	95,7	98,0	99,4	6
Пск	92,2	97,7	102,6	100,5	110,8	16
СПб	99,1	98,2	94,8	105,1	105,0	38
Арх	98,8	97,5	99,4	92,9	102,7	49
Лен	105,2	99,8	97,9	97,3	100,6	56
Кар	96,5	94,7	91,1	88,5	98,3	63
Вол	98,2	94,0	94,4	93,5	96,7	67
Ком	100,0	98,7	97,2	94,8	94,6	71
Нов	105,8	99,5	95,1	91,8	88,8	75
Клн	93,5	84,4	81,9	80,5	82,4	79
НАО	138,7	132,1	122,5	109,6	81,4	80
Мур	121,5	113,7	99,6	98,1	80,2	81

* Условные обозначения: Вол – Вологодская область, Кар – Республика Карелия, Ком – Республика Коми, НАО – Ненецкий автономный округ, Арх – Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа, Клн – Калининградская область, Лен – Ленинградская область, Мур – Мурманская область, Нов – Новгородская область, Пск – Псковская область, СПб – Санкт-Петербург.
 ** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – марте 2023 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

мым среди них стало снижение добычи нефти и газа в январе – феврале на 1,1% (данные продукты производятся в Республике Коми и Ненецком автономном округе примерно в равных долях; отметим, что Росстат временно перестал публиковать данные по добыче нефти и газа², но динамику их производства можно косвенно оценить по изменению выпуска добывающей индустрии этих регионов). Другим негативным фактором стало сокращение добычи угля более чем на четверть (рис. 4). Практически весь уголь СЗФО добывается в Республике Коми, при этом произошедшее снижение выработки оказало весьма ограниченное влияние на совокупный объем выпуска добывающей индустрии в регионе (выпуск отрасли в Коми сократился лишь на 0,4%, т. к. доля угля в отгрузке продукции добывающей промышленности региона не превышает 10%).

В обрабатывающей промышленности СЗФО отмечена стабилизация производства в ряде отраслей, тогда как в других отраслях динамика продолжила ухудшаться.

▲ Динамика выпуска отраслей **сектора промышленности промежуточного спроса** СЗФО характеризуется определенной устойчивостью. В частности, в химической индустрии производство увеличилось на 2,2%, а выпуск металлургии, несмотря на торговые ограничения, сократился лишь на 0,3%.

▼ При этом произошел глубокий спад производства (в размере 14,6%) продукции деревообрабатывающей промышленности.

ООО ВЗ «Электросталь» (предприятие занимается изготовлением и продажей профнастила и металлопроката) открыло теплый производственный цех площадью 1500 кв. метров. Объем собственных и заемных средств на реализацию этого инвестпроекта – 120 млн руб. Выручка холдинга за последние три года выросла на 30%, работают 12 филиалов в Вологодской и Архангельской областях³.

² Росстат перестал публиковать данные по добыче нефти. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec><https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec> (дата обращения 18.05.2023).

³ Еще один производственный цех построил завод «Электросталь» в Вологде. URL: <https://вологда.рф/news/economy/95000> (дата обращения 18.05.2023).

Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в I квартале 2023 года, % к I кварталу 2022 года

* Динамика добычи нефти и природного газа приведена за январь – февраль 2023 года.

В секторе промышленности конечного спроса СЗФО динамика выпуска отраслей была разнонаправленной. Наиболее заметным стало увеличение производства в легкой промышленности: одежды – на 179,3%, кожи и изделий из кожи – на 41,2%. Схожая ситуация наблюдалась в производстве готовых металлических изделий и прочих готовых изделий (прирост их выпуска составил 52,4 и 37,8% соответственно).

При этом отмечены и резко негативные изменения: выпуск изделий из резины сократился на 69,1%, мебели – на 46%, текстильных изделий – на 30%.

Группа компаний «Фармасинтез» официально запустила вторую очередь своего петербургского предприятия «Фармасинтез-Норд»,

крупнейшего научно-производственного комплекса, где по программе импортозамещения выпускаются лекарственные препараты против рака. Число сотрудников на этом предприятии выросло с 776 до 1100 человек. Объем вложений в этот проект составляет 13,8 млрд руб.⁴

В Калининграде официально запустили новое фармацевтическое производство «Отисифарм Про». Завод будет выпускать широкий спектр лекарств, включая антибиотики, противовирусные, иммуномодулирующие, анальгезирующие, ноотропные и муколитические препараты. Инвестиции в данный проект оцениваются более чем в 4,7 млрд руб. В рамках этой истории будет создано 300 рабочих мест⁵.

⁴ В Санкт-Петербурге запустили вторую очередь завода Фармасинтез-Норд. URL: <https://zavodfoto.livejournal.com/7165850.html> (дата обращения 18.05.2023).

⁵ Под Калининградом запустили фармзавод за 4,7 млрд рублей. URL: <https://zavodfoto.livejournal.com/7165459.html> (дата обращения 18.05.2023).

❖ Большинство отраслей **сектора промышленности инвестиционного спроса** СЗФО продолжило демонстрировать сокращение производства, в частности автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов было выпущено лишь 7,8% от уровня I квартала 2022 года. Также заметно снизилось производство транспортных средств и оборудования (на 7,3%). Стабилизирующим фактором машиностроения стало увеличение производства компьютеров, электронных и оптических изделий (на 29%). Негативная динамика ипотечного кредитования и ввода жилых домов привела к сокращению производства неметаллических минеральных продуктов (на 11,6%).

В Петербурге открылся новый завод нефтегазового оборудования. Строительство начали в 2020 году, проект обошелся в более 2,3 млрд руб. <...> Производство запустят в апреле. Предполагается, что благодаря новому заводу общая мощность производства увеличится на 40%⁶.

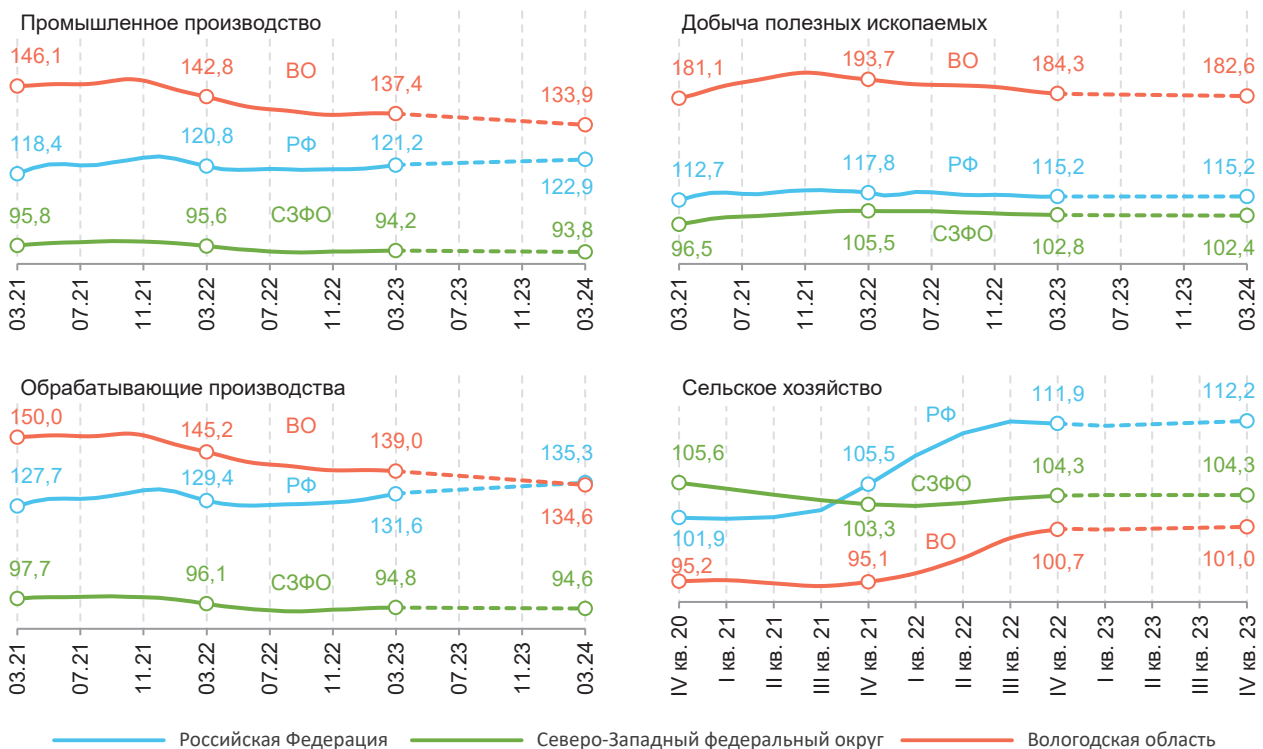
⁶ В Петербурге начал работу новый завод нефтегазового оборудования. URL: <https://neva.today/news/2023/3/30/426052> (дата обращения 18.05.2023).

⬆️ **Сельское хозяйство** страны увеличило выпуск продукции на 2,9% (табл. 2). По доступным данным Росстата в регионах СЗФО индекс сельскохозяйственного производства также был положительным: в Новгородской области прирост составил 14,9%, в Вологодской области и Республике Карелии – на 5,5 и 3,9% соответственно.

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	р
РФ	105,4	107,3	110,6	110,2	102,9	-
СЗФО	95,9	97,3	100,4	100,7	-	-
Нов	86,4	88,7	93,4	100,1	114,9	-
Вол	100,9	99,3	105,4	104,8	105,5	-
Кар	99,8	98,6	100,7	100,5	103,9	-
Ком	96,8	97,9	96,0	97,0	-	-
НАО	97,6	98,5	100,3	101,1	-	-
Арх	98,5	98,9	99,1	99,0	-	-
Клн	107,0	106,3	106,2	104,5	-	-
Лен	103,4	102,5	103,1	102,7	-	-
Мур	92,1	90,8	92,2	92,7	-	-
Пск	76,7	82,6	89,8	92,0	-	-

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2020–2024 гг., % к уровню 2008 года

На **рынке труда** сохраняются положительные тенденции.

Уровень безработицы в России опустился на 0,6 п. п. до 3,5% (табл. 3). В СЗФО индикатор снизился до 3%, при этом безработица сократилась во всех регионах округа кроме Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Таблица 3. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	I кв. 2022 г.	II кв. 2022 г.	III кв. 2022 г.	IV кв. 2022 г.	I кв. 2023 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	4,3	4,3	4,2	4,0	3,5	-
СЗФО	3,2	3,3	3,1	3,1	3,0	3
СПб	1,5	1,5	1,6	1,4	1,7	1
Лен	2,9	3,2	2,6	3,0	3,0	24
Нов	3,2	3,2	3,3	3,7	3,1	26
Вол	3,7	3,9	3,0	3,6	3,1	27
Клн	3,7	4,5	3,3	3,2	3,2	33
Пск	4,0	4,0	4,1	4,1	3,5	41
Мур	4,7	4,5	4,9	5,2	4,4	65
Арх	6,2	6,4	5,5	5,5	5,6	68
Кар	6,5	6,0	6,3	5,8	5,7	70
НАО	7,3	6,4	7,5	8,2	6,7	72
Ком	7,3	7,5	7,5	7,1	6,7	73
	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	Р
Потребность работодателей в работниках						
РФ	126,4	121,3	117,8	115,3	87,8	-
СЗФО	124,2	118,5	115,2	113,4	-	-
Нов	132,7	120,9	123,1	120,9	116,0	-
СПб	129,2	121,9	116,2	114,7	114,8	-
Пск	108,8	104,9	102,1	99,8	104,3	-
Арх	100,3	100,7	102,9	103,1	99,9	-
Вол	131,5	119,3	114,8	106,8	91,7	-
Кар	140,3	127,6	125,4	123,1	89,4	-
Клн	107,4	103,5	103,2	103,4	79,3	-
Лен	134,4	135,2	134,8	133,6	74,4	-
НАО	125,6	106,5	109,0	113,0	67,5	-
Ком	89,3	90,3	93,6	94,0	-	-
Мур	129,7	122,1	115,6	111,3	-	-

Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работниках в целом по стране сократился на 12,2%. В регионах СЗФО динамика количества заявленных вакансий была различной – показатель заметно вырос в Новгородской области и Санкт-Петербурге (на 16 и 14,8% соответственно), в то же время в Ленинградской области объем зарегистрированной потребности работодателей в работниках снизился более чем на четверть, в Калининградской области – более чем на пятую часть.

2. Образование доходов

На стадии образования доходов большинство индикаторов демонстрируют позитивную динамику.

Реальные денежные доходы россиян увеличились на 0,1%, реальный размер назначенных пенсий – на 5,4%, реальная начисленная заработная плата в январе – феврале 2023 года в среднем по стране выросла на 1,7% относительно первых двух месяцев прошлого года. В большинстве регионов СЗФО заработная плата в реальном выражении также увеличилась, исключением стали экспортоориентированные Ненецкий автономный округ и Вологодская область (где заработная плата снизилась на 5,8 и 2,5% соответственно).

Сальдированный финансовый результат деятельности организаций РФ с учетом инфляции в январе – феврале продемонстрировал снижение на 19,5%. Предприниматели СЗФО понесли наибольший спад финансового результата в сравнении с остальными федеральными округами (на 45,8%). В частности, сальдированный финансовый результат организаций Калининградской области стал отрицательным, в Ненецком автономном округе сократился до 0,5% в сравнении с январем – февралем 2022 года, в Республике Карелии – до 6%. Положительное значение индикатора отмечено лишь в Псковской и Архангельской областях.

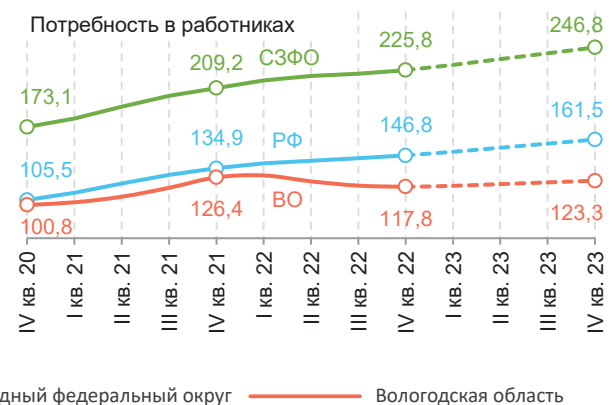
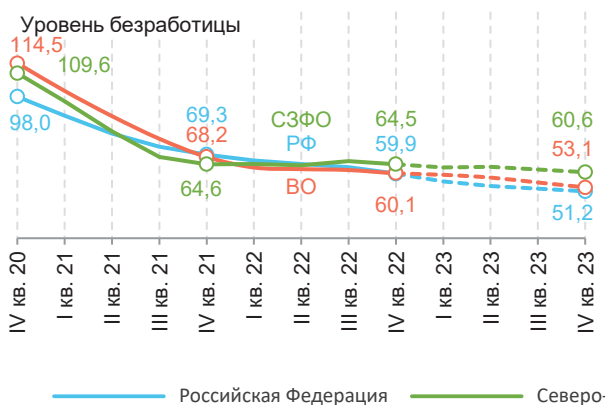
Таблица 4. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	Р
Реальные денежные доходы населения						
РФ	101,8	95,7	93,8	98,6	100,1	-
СЗФО	104,2	96,1	91,1	97,5	-	-
Нов	106,5	100,7	97,2	101,0	-	-
Лен	98,6	98,4	94,3	98,7	-	-
НАО	106,8	102,3	100,3	98,5	-	-
СПб	107,3	94,2	87,1	98,4	-	-
Пск	103,6	96,2	93,6	97,5	-	-
Мур	100,2	96,4	93,5	96,4	-	-
Вол	108,4	100,2	97,1	96,3	-	-
Кар	98,6	95,9	94,5	96,1	-	-
Ком	98,1	97,1	96,4	95,1	-	-
Арх	101,8	97,4	95,4	94,7	-	-
Клн	101,8	96,2	93,5	93,7	-	-
Реальный размер назначенных пенсий						
РФ	91,7	96,7	99,8	100,8	105,4	-
СЗФО	91,0	96,5	99,7	100,6	-	-
Пск	93,6	98,4	101,3	101,9	-	-
Вол	93,2	97,6	100,8	101,7	-	-
Мур	92,8	98,0	100,8	101,6	-	-
Кар	90,2	96,1	100,0	101,2	-	-
Лен	91,4	96,7	100,2	101,1	-	-
СПб	91,6	96,4	99,9	100,9	-	-
Клн	90,4	95,8	99,2	100,6	-	-
Ком	91,4	96,3	99,5	100,5	-	-
НАО	88,5	95,2	99,1	100,3	-	-
Нов	90,2	94,6	97,3	97,8	-	-
Арх	87,1	92,8	95,6	96,1	-	-

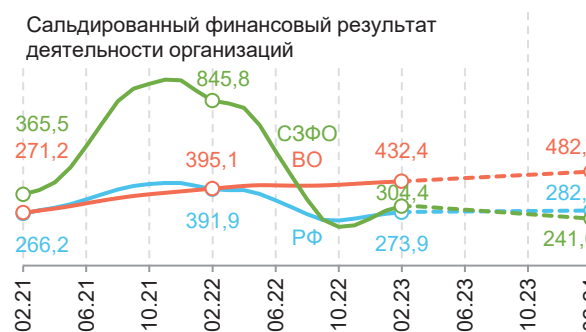
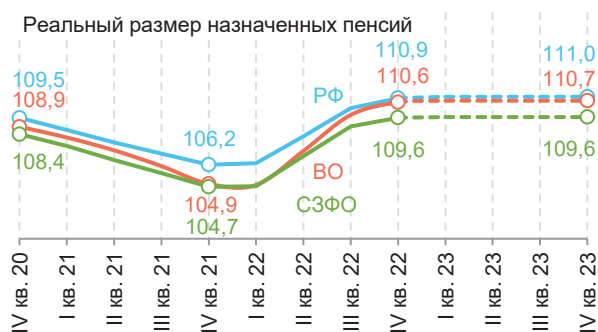
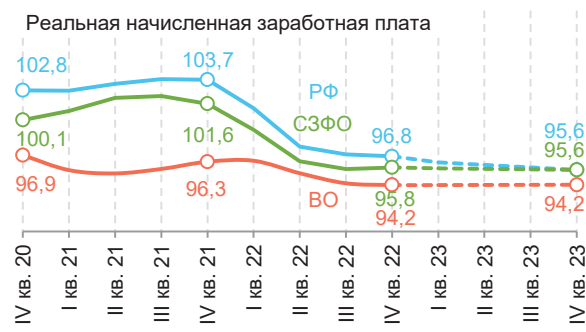
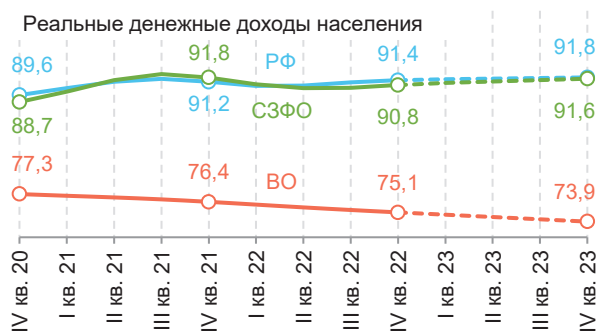
Продолжение таблицы 4

	2 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	12 мес. 2022 г.	2 мес. 2023 г.	Р
Реальная начисленная заработная плата						
РФ	102,7	98,7	98,5	99,0	101,7	-
СЗФО	99,1	98,4	98,1	98,8	-	-
Нов	103,0	97,8	97,7	100,1	104,4	-
Ком	101,4	96,6	97,7	98,9	102,4	-
Лен	100,1	98,5	98,4	99,0	102,0	-
СПб	101,2	97,5	97,3	98,0	102,0	-
Пск	100,6	97,7	96,8	97,1	101,8	-
Кар	101,4	96,1	96,5	97,2	101,2	-
Арх	95,1	93,7	94,4	95,6	101,1	-
Клн	102,6	96,5	95,6	96,5	100,0	-
НАО	98,9	95,8	96,7	97,6	97,5	-
Вол	112,5	102,6	101,0	100,6	94,2	-
Мур	-	100,3	99,0	99,0	-	-
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций						
РФ	165,9	132,0	97,3	87,4	80,5	-
СЗФО	128,0	134,2	94,6	70,4	54,2	8
Пск	71,8	88,4	103,6	147,0	286,1	1
Арх	58,8	-	-	200,1	175,4	12
Лен	204,7	155,3	128,4	127,4	87,6	39
Вол	150,1	253,4	125,8	145,6	76,4	46
Мур	128,3	98,0	79,0	78,4	71,6	50
СПб	88,3	119,7	85,9	52,5	56,4	55
Нов	603,6	223,3	132,6	89,1	41,2	64
Ком	437,1	94,5	89,8	72,8	21,6	69
Кар	78,0	64,3	44,2	40,8	6,0	71
НАО	1059,8	229,3	724,7	491,8	0,5	72
Клн	1772,9	90,6	85,6	86,1	-	-

Тренды развития рынка труда в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Северо-Западный федеральный округ — Вологодская область

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** динамика показателей была преимущественно негативной.

❖ **Оборот розничной торговли** в целом по России уменьшился на 7,3%, в СЗФО – на 9,7% (табл. 5), при этом индикатор снижался существенно быстрее, чем доходы населения, что может свидетельствовать об изменении потребительского поведения. Наиболее глубоким был спад розничной торговли в Санкт-Петербурге, Вологодской и Ленинградской областях (на 13,6, 12,2 и 10,6% соответственно), что стало одним из худших результатов в стране. В целом по России оборот торговли непродовольственными товарами сократился на 10,6%, продовольственными – на 3,3%. В СЗФО снижение оборота торговли непродовольственными товарами (в целом по макрорегиону на 15,8%) затронуло все регионы округа, при этом в Санкт-Петербурге спад превысил 20%. Оборот продовольственных товаров в СЗФО сократился на 1,1%, что отчасти обусловлено снижением показателя в Вологодской области (на 13,7%). В Республи-

ке Коми и Псковской области зафиксировано увеличение оборота продовольственных товаров (на 2,1 и 1,9% соответственно).

⬆️ **Объем оказанных населению страны платных услуг** увеличился на 3,9%, в СЗФО – на 4,3% после прироста годом ранее на 7,9 и 5,1% соответственно. В Республике Коми отмечен спад объема оказания услуг населению на 1,4%, в остальных субъектах СЗФО динамика индикатора была положительной. Наиболее значимым стало увеличение объема оказанных населению платных услуг в Республике Карелии, Санкт-Петербурге и Ленинградской области (на 6,5, 5,9 и 3,7% соответственно).

⬆️ **Потребительская инфляция** в России продолжила расти и составила 1,7% к декабрю предыдущего года (годом ранее после мартовского скачка индекс потребительских цен был на уровне 110%). Цены на непродовольственные товары в целом по стране стабилизировались после резкого увеличения годом ранее (показав прирост на 0,3%); цены на продовольственную продукцию выросли на 2,3%, цены на услуги ЖКХ – на 1,8%. В СЗФО инфляция составила 1,9%, непродовольственные товары в макрорегионе также

**Таблица 5. Динамика потребительского рынка,
% к соответствующему периоду предыдущего года**

	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	12 мес. 2022 г.	3 мес. 2023 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	104,8	97,3	94,7	93,5	92,7	-
СЗФО	107,9	98,6	95,3	93,7	90,3	7
Ком	95,9	91,1	91,0	91,6	99,7	21
Мур	99,1	99,4	99,4	99,4	99,4	23
Нов	101,2	98,6	97,8	98,8	98,0	34
НАО	102,6	101,3	100,8	99,7	97,1	48
Кар	97,6	90,9	90,1	90,2	96,8	49
Арх	100,1	94,0	93,1	92,9	94,7	62
Пск	104,2	99,3	98,6	97,6	94,4	64
Клн	103,6	99,1	97,4	96,7	92,8	71
Лен	109,7	105,0	99,7	96,5	89,4	81
Вол	101,4	93,9	91,8	91,5	87,8	82
СПб	113,1	99,1	94,3	92,0	86,4	83
Объем платных услуг населению						
РФ	107,9	104,9	104,0	103,6	103,9	-
СЗФО	105,1	103,2	103,0	103,2	104,3	4
Кар	106,7	106,1	105,1	104,2	106,5	6
СПб	107,2	104,5	104,2	105,0	105,9	11
Лен	105,2	105,8	106,1	105,2	103,7	30
Вол	101,8	101,3	101,3	100,7	103,6	32
Пск	102,4	101,5	101,2	101,1	103,5	33
Клн	105,2	104,8	104,2	104,1	103,4	35
НАО	96,7	93,4	94,2	94,7	102,7	43
Мур	105,4	103,1	101,6	100,7	101,5	54
Арх	99,3	93,1	94,3	94,7	100,3	61
Нов	101,1	102,4	102,3	101,6	100,1	64
Ком	97,4	97,1	97,0	97,5	98,6	73
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)						
РФ	110,0	111,4	110,5	111,9	101,7	-
СЗФО	110,3	111,1	110,3	111,9	101,9	7
НАО	108,7	113,0	109,6	115,6	100,5	4
Мур	110,6	113,3	112,5	115,3	101,0	9
Клн	111,4	111,7	110,8	112,9	101,2	16
Вол	110,5	111,3	110,9	112,6	101,4	30
Пск	109,3	111,3	110,4	112,0	101,4	30
Нов	108,2	110,3	109,4	111,1	101,9	63
СПб	110,3	110,7	110,0	111,5	101,9	63
Ком	110,5	111,2	110,0	111,4	102,1	73
Лен	108,1	109,9	109,2	110,8	102,2	75
Кар	111,4	112,6	110,1	111,8	102,4	80
Арх	113,1	112,8	111,0	111,9	102,4	80
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)						
РФ	110,2	104,6	100,4	96,7	102,6	-
СЗФО	108,2	105,1	102,6	102,4	101,9	3
Арх	104,5	107,0	99,8	100,2	95,8	2
НАО	123,1	107,0	101,2	76,0	97,8	6
Ком	108,1	93,0	90,7	89,0	98,1	8
Клн	109,5	113,1	106,4	105,5	99,1	12
Нов	102,8	101,9	100,7	101,6	101,2	24
Лен	104,1	106,0	110,5	108,9	101,8	30
Пск	106,4	107,0	106,6	105,4	101,9	31
СПб	106,3	114,5	115,9	115,3	102,1	35
Вол	103,4	90,0	76,6	77,3	103,7	49
Мур	124,9	103,4	106,5	121,0	104,8	55
Кар	110,9	99,3	92,8	93,6	105,7	63

дорожали медленнее, чем продовольственные (на 0,4 и 2,2% соответственно). При этом в Республике Карелии и Вологодской области отмечено снижение цен на непродовольственные товары (на 0,3%). В Архангельской области и Республике Коми продовольственные товары дорожали быстрее, чем в других регионах округа (на 3,5 и 3,3% соответственно). Услуги ЖКХ в макрорегионе подорожали на 2,1%, наиболее существенным стал рост цен в Ленинградской области (на 5%). Одним из важнейших факторов замедления потребительской инфляции стала динамика промышленной инфляции.

📌 В целом по России **цены производителей промышленных товаров** выросли на 2,6% к декабрю предыдущего года (что, впрочем, выглядит незначительным подорожанием в сравнении с увеличением на 10,2% годом ранее). В СЗФО цены на промышленные товары повысились на 1,9%, что также существенно меньше, чем в предыдущем году. В ряде регионов (преимущественно энерго-сырьевых) цены производителей на промышленную продукцию снизились, Архангельская область по этому показателю заняла 2 место среди остальных регионов, продемонстрировав снижение на 4,2%.

📈 В **строительстве** России отмечен прирост объема выполненных работ (на 8,8%; табл. 6). В СЗФО прирост строительства был менее значительным и составил 0,3%, при этом динамика индикатора в регионах резко различалась: если в Калининградской и Вологодской областях темпы строительства заметно ускорились (почти на 30 и на 25% соответственно), то, к примеру, в Псковской и Новгородской областях значение показателя сократилось на 53,6 и 33,2% соответственно.

📌 **Ввод жилья** в целом по России замедлился на 1,1%. В СЗФО снижение было более существенным (на 10,1%), прирост отмечен лишь в трех регионах округа. В Псковской области ввод жилья сократился более чем на треть, в Республике Коми и Калининградской областях – более чем на 17%. Значимое увеличение индикатора отмечено в Новгородской и Вологодской областях (на 9,6 и 6,5% соответственно).

Таблица 6. Динамика строительства,
% к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	12 мес. 2022 г.	3 мес. 2023 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	103,9	103,7	104,4	105,2	108,8	-
СЗФО	95,9	92,9	91,1	89,5	100,3	8
Клн	90,0	98,9	115,2	117,5	129,7	19
Вол	50,9	62,7	74,1	72,9	124,5	23
Кар	156,7	148,2	138,6	135,2	122,3	24
Ком	63,8	70,7	66,9	66,9	120,5	27
НАО	89,4	93,0	83,2	95,3	112,8	44
Арх	81,9	78,7	78,4	59,1	112,6	46
СПб	102,4	97,9	97,5	98,0	106,7	53
Лен	113,8	105,6	89,3	79,4	84,1	70
Мур	93,4	85,4	78,5	87,0	71,9	75
Нов	57,9	70,5	89,0	112,5	66,8	77
Пск	195,8	101,5	107,0	107,1	46,4	84
Ввод жилых домов						
РФ	164,6	144,2	126,5	111,0	98,8	-
СЗФО	143,3	138,8	114,9	108,4	89,9	6
Нов	206,4	127,6	122,3	111,9	109,6	37
Вол	346,6	167,7	127,9	101,4	106,5	41
Арх	134,0	113,1	99,4	100,9	101,1	49
Лен	106,6	120,4	117,4	117,2	94,3	56
СПб	157,4	157,1	99,5	100,3	91,0	62
Кар	220,5	174,0	142,7	95,5	85,8	68
Клн	138,3	127,3	122,5	103,7	82,9	74
Ком	354,8	161,5	146,9	113,0	82,3	76
Пск	165,8	139,4	119,0	108,0	65,1	78
НАО	594,4	293,7	276,4	200,8	39,9	84
Мур	429,8	454,9	423,2	355,2	20,8	85
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	103,5	62,6	71,6	75,5	94,5	-
СЗФО	100,3	61,7	69,2	70,7	79,8	8
НАО	93,9	62,8	79,2	73,3	107,9	18
Пск	102,5	63,0	70,7	72,6	97,0	48
Ком	91,7	55,3	64,9	70,7	94,6	54
Кар	96,6	53,8	61,8	68,3	93,4	59
Вол	107,9	61,0	67,3	70,3	91,2	67
Лен	99,8	62,2	73,5	76,2	89,9	71
Мур	111,7	62,8	74,2	77,4	90,6	72
Арх	99,6	57,3	66,2	72,8	88,1	76
Нов	106,7	59,8	69,3	73,7	88,2	77
Клн	99,1	54,9	59,9	62,9	88,1	78
СПб	99,9	63,8	70,0	69,5	71,0	85

✓ Объем выданных ипотечных кредитов в стране сократился на 5,5%. В СЗФО индикатор показал существенно большее снижение (на 20,2%), что во многом обусловлено спадом в Санкт-Петербурге (на 29%). Единственным регионом с положительной динамикой ипотечного кредитования стал Ненецкий автономный округ, вклад которого в объем макрорегиона незначителен.

В ожидании официальных данных Росстата за I квартал 2023 года можно сделать предварительные оценки динамики **инвестиций** в начале 2023 года на основании косвенных индикаторов. В частности, в целом по стране в январе 2023 года относительно января 2022 года зафиксировано снижение импорта продукции машиностроения с 10,8 до 9,1 млрд долл. Кроме того, цена импортируемых товаров могла увеличиться из-за трансформации транспортно-логистических цепочек. При этом в первые 4 месяца 2023 года произошел резкий рост продаж такого инвестиционного товара, как новые грузовые автомобили (на 39,7%)⁷, также позитивная динамика отмечена в строительстве (см. табл. 6). Определенную тревогу вызывает снижение сальдированного финансового результата деятельности организаций. Обобщая вышесказанное, динамику инвестиций в I квартале 2023 года можно предварительно охарактеризовать как умеренно негативную.

➡ По последним доступным данным Росстата объем инвестиций в основной капитал в РФ в 2022 году увеличился на 4,6% (табл. 7).

✓ В СЗФО индекс инвестиций был худшим среди остальных округов (95%). В территориальном разрезе на динамику этого показателя в большей степени повлиял характер взаимодействия регионов СЗФО с недружественными странами. Так, в специализирующейся на экспорте металлопроката в Европу Вологодской и приграничной Псков-

⁷ Продажи новых грузовых автомобилей в апреле 2023 года: ТОП-10 марок и моделей. URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/54551> (дата обращения 18.05.2023).

ской областях объем инвестиций сократился на 29,6 и 29,1% соответственно, тогда как в Калининградской и Ленинградской областях зафиксирован рост показателя на 20,2 и 11,6% соответственно.

Таблица 7. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	Р
РФ	108,6	107,7	112,8	107,8	104,6	-
СЗФО	103,6	100,9	103,4	100,1	95,0	8
Клн	86,3	77,5	172,4	152,1	120,2	11
Лен	103,0	105,6	124,1	127,4	111,6	15
НАО	82,7	80,4	77,9	88,0	104,5	32
Кар	134,8	121,0	157,9	114,1	103,7	34
Нов	89,0	85,9	89,2	100,3	101,7	41
СПб	109,1	105,5	95,4	93,6	94,9	56
Арх	91,9	92,2	83,4	101,8	86,7	72
Мур	121,3	114,5	121,2	104,2	84,4	75
Ком	88,0	84,0	95,7	79,6	82,6	77
Пск	118,4	107,0	145,0	65,0	70,9	81
Вол	94,9	95,0	77,1	76,6	70,4	82

✓ **Цены на мировых рынках** в I квартале 2023 года на наиболее значимые для экспорта страны товары существенно снизились: природный газ подешевел почти в 2 раза, металлопрокат – более чем на четверть, фосфоросодержащие удобрения – на 22,4%, нефть – на 18,2% (табл. 8). При этом, согласно данным Федеральной таможенной службы, в январе 2023 года экспорт страны в долларовом объеме снизился на 28,2% к январю 2022 года, импорт сократился на 4,2%.

Таблица 8. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	12 мес. 2022 г.	3 мес. 2023 г.
Нефть	162,9	163,6	153,1	140,6	81,8
Газ	500,4	419,9	385,8	250,2	51,6
Мет.	131,7	126,2	105,5	102,1	74,4
ФУ	160,7	154,8	143,1	128,5	77,6

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

На начало мая 2023 года цены на металлопродукцию на мировом рынке демонстрируют еще более существенное снижение, чем на внутреннем (табл. 9, 10).

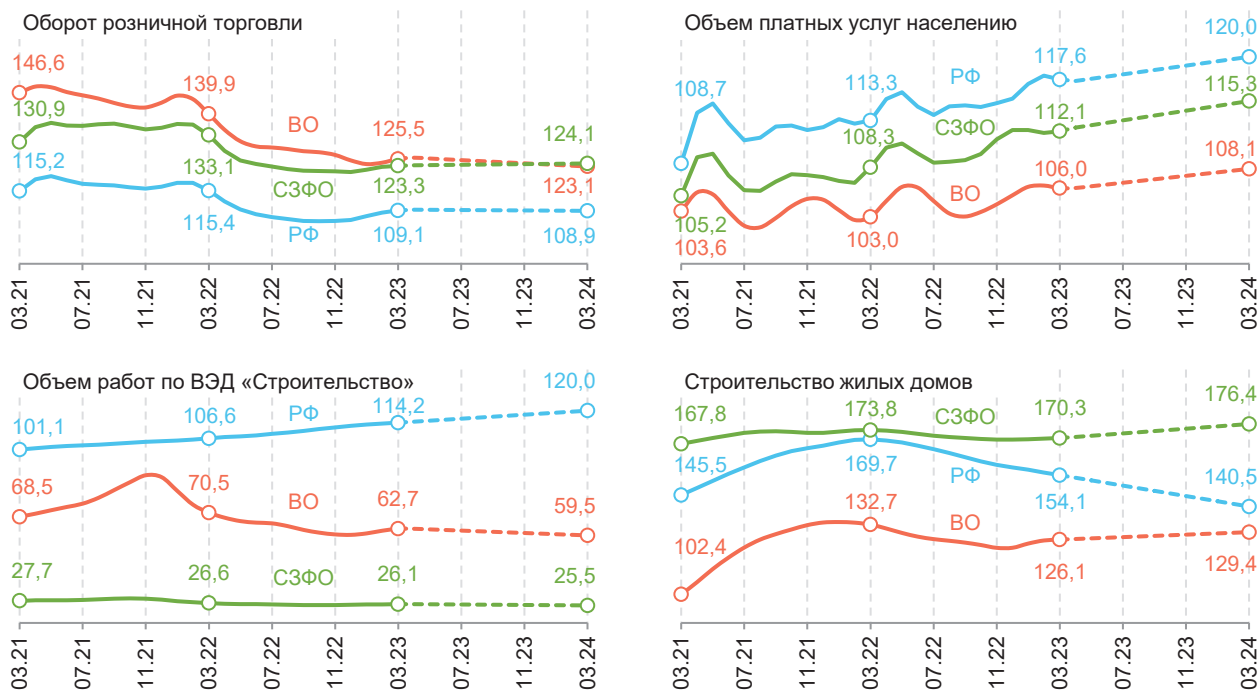
Таблица 9. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало мая соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	965	1465	1360	65,9	71,0
Лист оцинкованный	долл. США	990	1605	1388	61,7	71,3
Лист горячекатаный	долл. США	803	1340	1185	59,9	67,7
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	813	1210	730	67,1	111,3
Конструкционные профили	долл. США	950	1478	970	64,3	97,9
Сортовой прокат	долл. США	905	1343	830	67,4	109,0

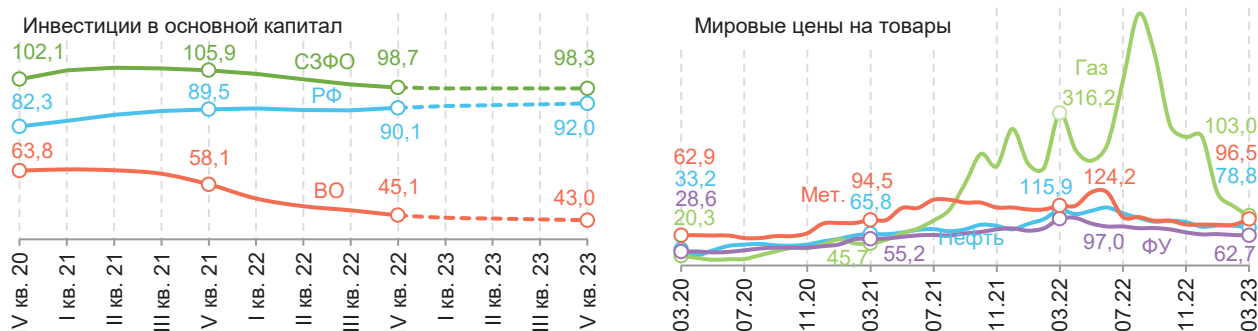
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало мая соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	74667	91029	120875	82,0	61,8
Лист оцинкованный	руб.	85760	102750	146083	83,5	58,7
Лист горячекатаный	руб.	73286	82050	110889	89,3	66,1
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	57817	68563	72850	84,3	79,4
Балка и швеллер	руб.	76959	91411	96938	84,2	79,4
Круг	руб.	57900	66000	81071	87,7	71,4
Уголок	руб.	63543	79656	81778	79,8	77,7

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2021–2024 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Подводя итог, отметим, что в I квартале 2023 года экономика страны, несмотря на широкий круг внутренних и внешних ограничений, продемонстрировала высокую устойчивость, в результате чего стабилизировались инфляция, доходы населения и промышленное производство. Схожим образом, хотя и более болезненно, проходила адаптация экономики СЗФО, которая в силу своей экспортоориентированности пострадала сильнее остальных округов. Вместе с тем усугубился комплекс негативных тенденций: сократился выпуск продукции базовых отраслей экономики, существенно снизились доходы предпринимателей, продолжилось сжатие оборота розничной торговли, ключевые экспортируемые товары СЗФО резко подешевели на мировых рынках. В сложившейся ситуации критически важ-

но предпринимать усилия по поддержанию потребительского спроса и ускоренной модернизации отраслей обрабатывающей промышленности, испытывающих наиболее острый компонентный голод и временно лишившихся ключевых рынков сбыта. Отметим, что в апреле 2023 года правительство определило приоритетные направления поддержки отраслей экономики суммарным объемом на 10 трлн руб.⁸

Источники: Росстат, Федеральная таможенная служба, Банк России, metaltorg.ru, metalinfo.ru, indexmundi.com

Материал подготовил

М.А. Сидоров

научный сотрудник

ФГБУН ВолНЦ РАН

⁸ Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о предоставлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации».

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В АПРЕЛЕ 2023 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.10 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В марте – апреле 2023 года ФГБУН ВолНИЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественно-го мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНИЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском муниципальных округах и Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

🟡 В апреле 2023 года по сравнению с февралем 2023 года социальное настроение жителей области существенно не изменилось: доля положительных оценок сохранилась на уровне 64%, отрицательных – 30%. Соответствующий индекс составляет 134 п. (табл. 1).

🟢 В большинстве социально-демографических категорий населения за последние два месяца отмечаются позитивные изменения. Наиболее существенный рост индекса социального настроения наблюдается в возрастных группах до 30 лет (на 8 п., со 148 до 156 п.),

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. (2023). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2023 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 143–151. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.10

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. (2023). Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in April 2023. *Problems of Territory's Development*, 27 (3), 143–151. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.10

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Изменение (+/-), апр. 2023 к	
																февр. 2023	апр. 2022
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	66,4	68,6	70,0	64,1	65,6	62,6	64,2	+2	-2
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	29,0	27,0	24,8	31,1	30,9	31,6	29,9	-2	+1
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	137,5	141,6	145,2	133,0	134,7	131,0	134,3	+3	-4
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	75,7	78,9	79,3	75,4	75,6	75,7	75,9	0	0
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	17,7	16,3	14,1	16,0	14,7	15,5	15,4	0	-2
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	158,0	162,6	165,2	159,4	160,9	160,2	160,4	0	+2

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

среди лиц со средним образованием (на 9 п., со 123 до 132 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 7 п., со 152 до 159 п.).

🟡 Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составила 76%, удельный вес тех, кто не в состоянии «терпеть бедственное положение», – 15%. Соответствующий индекс равен 160 п.

🟢 В разрезе социально-демографических групп населения за период с февраля по апрель 2023 года оценки запаса терпения наиболее значительно улучшились в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 5 п., со 158 до 163 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 12 п., со 132 до 144 п.), среди жителей Вологды (на 6 п., со 139 до 145 п.).

🔴 В апреле 2023 года по сравнению с апрелем 2022 года показатели социального настроения несколько ухудшились: соответствующий индекс уменьшился на 4 п. (со 138

до 134 п.). Индекс запаса терпения не перенес значительных изменений (160 п.).

🟢 В динамике самооценок материального положения в среднем по области в апреле 2023 года произошли положительные изменения. Рост фактических доходов наблюдался во всех группах населения, наиболее существенный – среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наиболее обеспеченных (с 38849 до 40600 руб., табл. 2).

🟢 В апреле 2023 года по сравнению с апрелем 2022 года уровень доходов возрос во всех группах населения.

🟡 В период с февраля по апрель 2023 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 10 и 13%, отрицательных – 31 и 32% соответственно (табл. 3). В распределении по социально-демографическим группам в оценках населения не наблюдалось заметных изменений.

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Изменение (+/-), апр. 2023 к	
															февр. 2023	апр. 2022
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	9827	9792	10595	10414	10347	11032	11639	+607	+1812
60% средне-обеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	16913	16925	17645	18187	18833	19566	19873	+307	+2960
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	36116	36559	36385	40641	37550	38849	40600	+1751	+4487
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	19333	19423	19987	21123	20879	21714	22385	+671	+3052
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	12781	14059	14059	14059	14059	14519	14519	0	+1738
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	0,8	0	0
60% средне-обеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,4	+0,1	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,8	2,6	2,6	2,9	2,7	2,7	2,8	+0,1	0
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	0	0
Источник: Постановления Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru																

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Изменение (+/-), апр. 2023 к	
															февр. 2023	апр. 2022
Экономическое положение России																
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	9,9	11,2	13,0	9,7	11,9	9,8	10,1	0	0
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	40,7	43,1	43,7	42,3	41,9	43,9	43,3	-1	+3
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	34,3	33,3	30,5	34,8	34,6	32,2	30,7	-2	-4
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	75,4	77,9	82,5	74,9	77,3	77,6	79,4	+2	+4
Экономическое положение области																
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	8,8	10,6	13,1	10,6	12,4	11,2	12,5	+1	+4
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	38,3	40,2	41,3	39,1	41,7	44,5	44,4	0	+6
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	38,7	37,3	34,6	37,6	34,5	32,8	32,3	-1	-6
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	70,1	73,3	78,5	73,0	77,9	78,4	80,2	+2	+10
Материальное положение семьи																
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	7,3	8,2	10,2	8,8	9,3	9,0	8,2	-1	+1
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	47,5	47,9	46,7	48,6	48,5	50,7	50,6	0	+3
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	34,4	32,3	31,2	30,3	31,3	30,2	28,5	-2	-6
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,7	72,9	75,9	79,0	78,5	78,0	78,8	79,7	+1	+7

В период с апреля 2022 года по апрель 2023 года оценки экономической ситуации в стране и области улучшились: соответствующие индексы увеличились на 4 и 10 п., с 75 до 79 п. и с 70 до 80 п. соответственно.

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Изменение (+/-), апр. 2023 к	
															февр. 2023	апр. 2022
В России																
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	29,2	28,0	28,6	22,3	22,8	22,0	22,9	+1	-6
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	56,6	55,9	54,0	61,4	62,9	64,3	63,0	-1	+6
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>70,6</i>	<i>72,6</i>	<i>72,1</i>	<i>74,6</i>	<i>60,9</i>	<i>59,9</i>	<i>57,7</i>	<i>59,9</i>	<i>+2</i>	<i>-13</i>
В области																
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	46,4	48,1	50,2	44,1	48,5	47,2	48,9	+2	+3
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	40,2	39,2	38,5	45,2	43,1	43,0	41,0	-2	+1
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>107,5</i>	<i>106,2</i>	<i>108,9</i>	<i>111,7</i>	<i>98,9</i>	<i>105,4</i>	<i>104,2</i>	<i>107,9</i>	<i>+4</i>	<i>+2</i>

○ Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 8%, негативные суждения высказывали 29% жителей региона. В большинстве социально-демографических групп населения заметных изменений не наблюдалось. Исключение составляют группа лиц в возрасте старше 55 лет, в которой соответствующий индекс снизился на 5 п. (с 75 до 70 п.), и 20%-я группа наименее обеспеченных, в которой индекс, напротив, возрос на 12 п. (с 51 до 63 п.).

▲ В апреле 2023 года по сравнению с апрелем 2022 года индекс материального благополучия семьи увеличился на 7 п. (с 73 до 80 п.).

○ За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России не изменился: доля положительных оценок сохранилась на отметке 23%, отрицательных – 63%. Соответствующий индекс остался на уровне 60 п. (табл. 4).

▲ В разрезе социально-демографических групп заметное улучшение оценок политической обстановки в стране наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (на 13 п., с 67 до 80 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 16 п., с 39 до 55 п.), ухудшение – в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 10 п., с 64 до 54 п.).

▲ Характеристики политической обстановки в регионе стали более благоприятными: соответствующий индекс увеличился на 4 п. (с 104 до 108 п.).

▲ Наиболее заметные положительные тенденции в оценках политической ситуации в области наблюдаются среди лиц в возрасте до 30 лет (на 16 п., с 106 до 122 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 13 п., с 68 до 81 п.).

▼ По сравнению с апрелем 2022 года индекс оценок политической обстановки в стране снизился на 13 п. (с 73 до 60 п.), в регионе – существенно не изменился (108 п.).

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в феврале – апреле 2023 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- не изменились значительно оценки социального настроения и запаса социального терпения (соответствующие индексы фиксировались на отметках 134 и 160 п.);
- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (79 и 80 п.);
- существенно не изменились оценки политической обстановки в стране (60 п.);

– на уровне двухмесячной давности сохранились оценки материального положения семей (80 п.).

Исключение составляют оценки политической ситуации в регионе. По данному показателю отмечаются положительные тенденции (соответствующий индекс возрос на 4 п., со 104 до 108 п.).

В распределении по социально-демографическим группам за два последних месяца наиболее заметные позитивные тенденции отмечались в следующих категориях:

– в зависимости от возраста – в группе до 30 лет (индекс социального настроения увеличился на 8 п., политической ситуации в стране – на 13 п., в области – на 16 п.);

– в зависимости от уровня образования – среди жителей области со средним образованием (индекс социального настроения возрос на 9 п., материального положения – на 5 п.);

– в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей региона (индекс социального настроения увеличился на 6 п., запаса терпения – на 12 п., индексы политической обстановки в России и регионе – на 16 и 13 п., индекс экономической ситуации в области – на 7 п., индекс материального положения – на 12 п.);

– в территориальном разрезе – среди жителей областной столицы (индекс запаса терпения увеличился на 6 п., индекс политической обстановки в стране – на 8 п.).

Отсутствие положительных тенденций в оценках населения Вологодской области по ключевым параметрам (оценки экономической и политической ситуации, материального положения) во многом обусловлено отсутствием позитивных изменений в динамике уровня жизни. По данным официальной статистики, реальная начисленная зара-

ботная плата в регионе в январе 2023 года по сравнению с декабрем 2022 года составила 78,4%, с январем 2022 года – 99,4%, индекс потребительских цен в январе – феврале 2023 года по отношению к соответствующему периоду 2022 года – 111,6%¹. С данными статистики коррелируют результаты социологических опросов: в апреле 2023 года, как и двумя месяцами ранее, более 40% жителей региона отнесли себя к категории «бедных и нищих», 38% заявили о низкой покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»), индекс потребительских настроений составил 83 пункта.

Аналогичные тенденции характерны для России в целом. По данным Левада-Центра², главной среди социально-экономических проблем, по мнению респондентов, остается рост цен (58%); на втором месте – бедность (24%), на третьем – рост безработицы (20%)³. По результатам исследований Фонда «Общественное мнение», 20% россиян характеризуют свое материальное положение как плохое, средним его назвали чуть больше половины опрошенных (57%). Каждый четвертый россиянин (25%) указал на то, что за последние два – три месяца материальное положение ухудшилось, 64% – не изменилось⁴.

Как будет изменяться общественное мнение жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНИЦ РАН, который пройдет в июне 2023 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

² Внесен в реестр иностранных агентов.

³ Представления о наиболее острых проблемах российского общества: март 2023 года. URL: <https://www.levada.ru/2023/04/14/predstavleniya-o-naibolee-ostryh-problemah-rossijskogo-obshhestva-mart-2023-goda>

⁴ Динамика материального положения. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14848>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

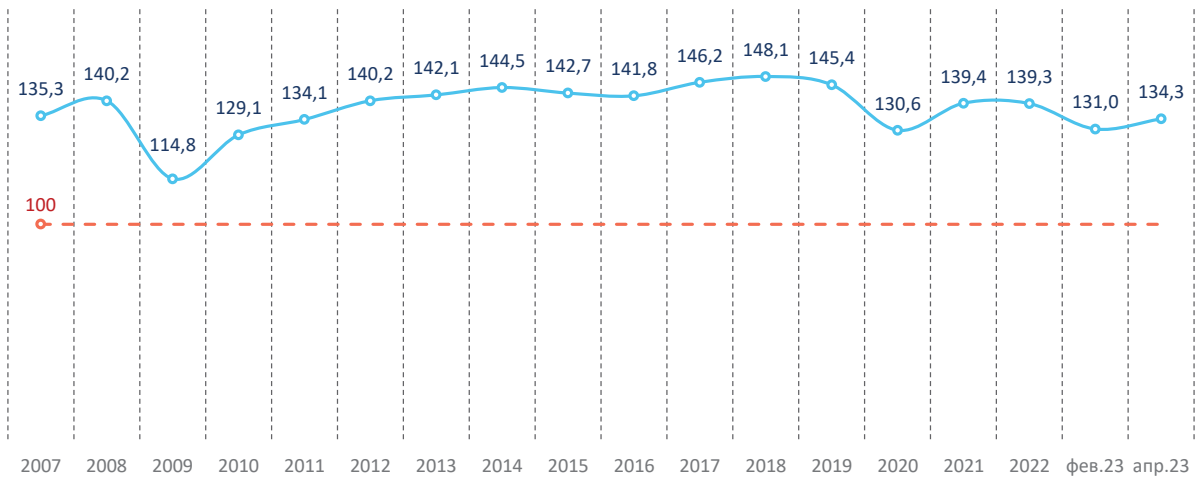

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В апреле 2023 года по сравнению с февралем т. г. индекс социального настроения жителей Вологодской области увеличился на 3 пункта (со 131 до 134 п.).

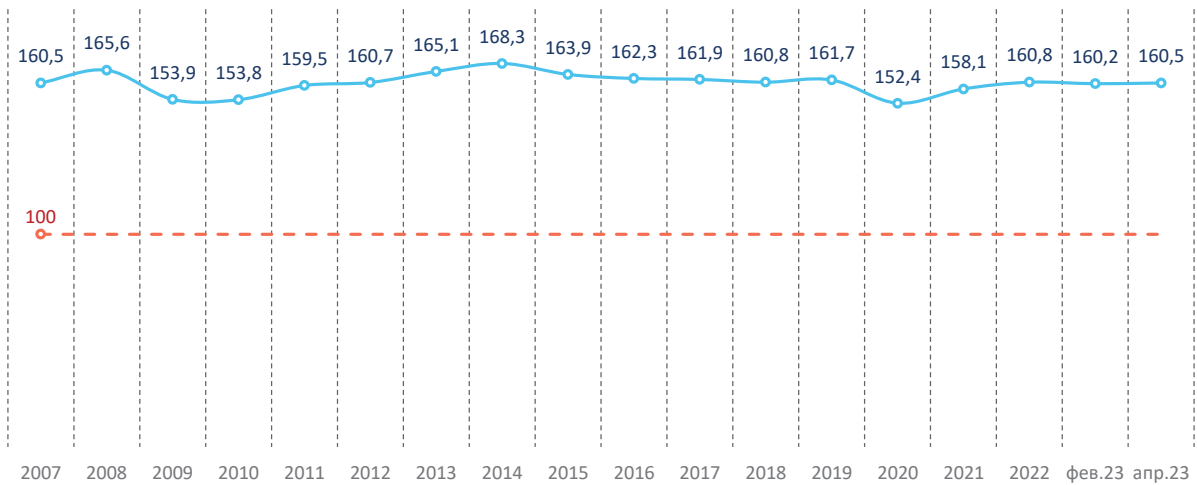

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

С февраля по апрель 2023 года индекс запаса терпения жителей Вологодской области не претерпел изменений и составляет 160–161 п.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- -).

Представлены среднегодовые данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

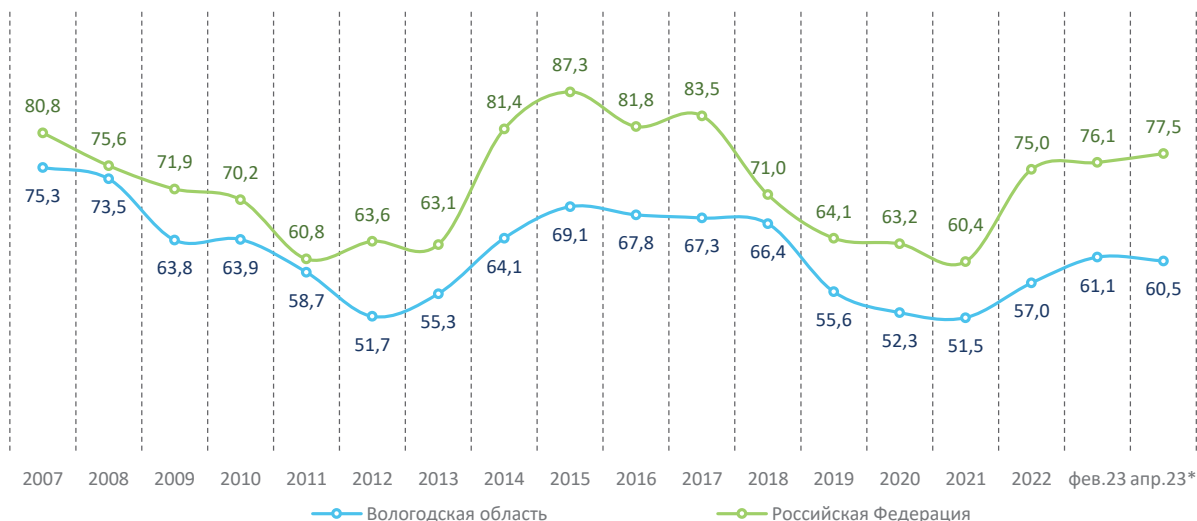

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С февраля по апрель 2023 года удельный вес населения как Вологодской области, так и России в целом, одобрительно оценивающего деятельность Президента РФ, не изменился. По региону данный показатель составляет 61%, по стране – 76–78%.

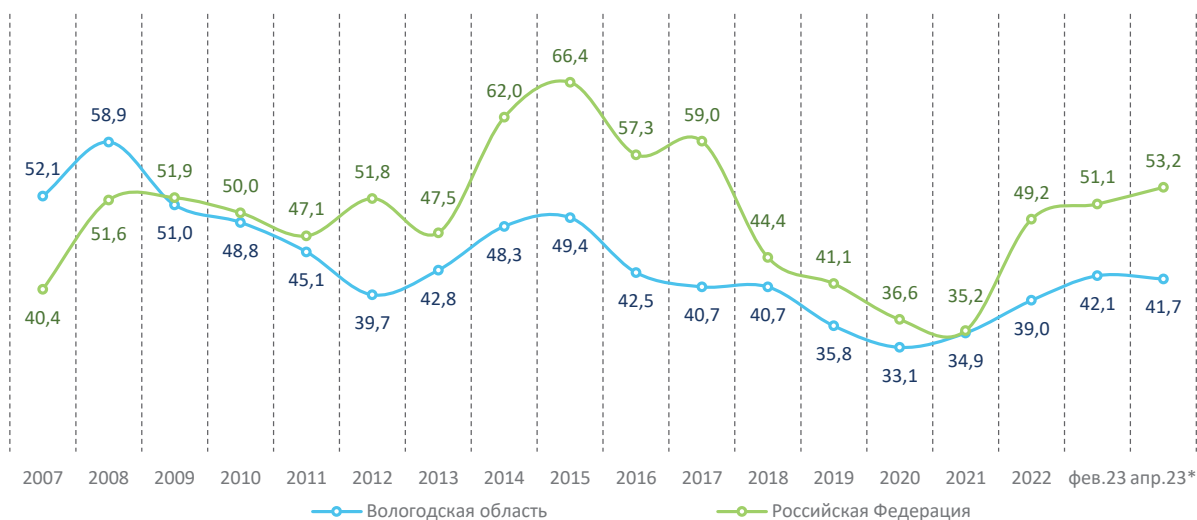

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В апреле 2023 года доля жителей Вологодской области, одобряющих деятельность Правительства РФ, не изменилась и остается на уровне февраля т. г. (42%). В целом по стране удельный вес населения, положительно оценивающего работу высшего федерального органа исполнительной власти, также не претерпел значительных изменений и находится на уровне 51–53%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (<https://wciom.ru>).

* Данные ВЦИОМ – одобрение деятельности Президента РФ и Правительства РФ: среднее за 3 опроса (от 2, 9 и 16 апреля 2023 года).

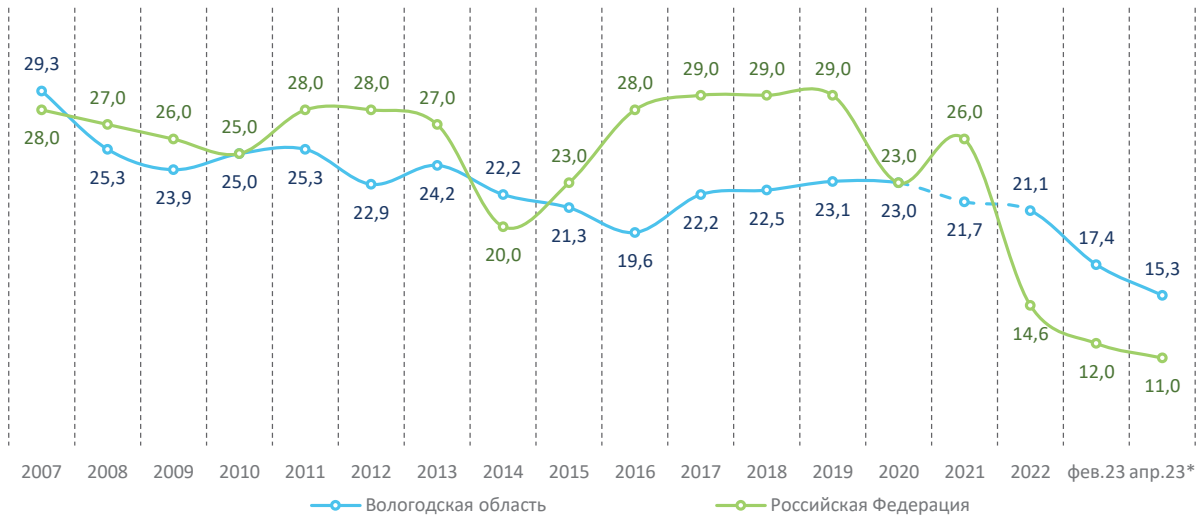

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

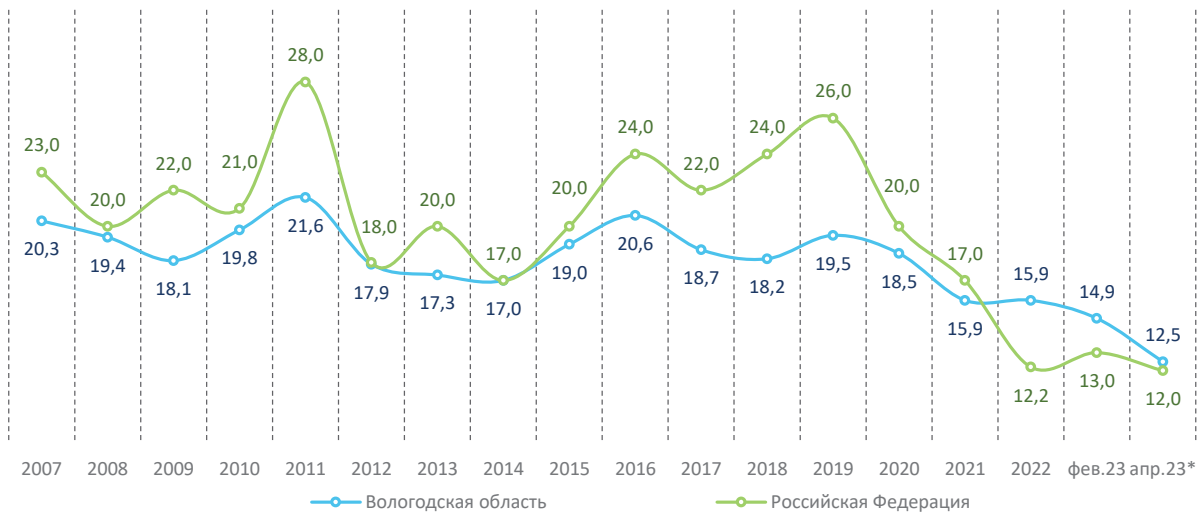

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В период с февраля по апрель 2023 года в Вологодской области и России в целом уровень социальной напряженности не изменился. Представительство населения Вологодской области, отмечающего вероятность протестных выступлений и выражающего свою готовность к участию в акциях протеста, составляет 15–17 и 13–15% соответственно. Удельный вес жителей России, считающих, что акции протеста не исключены, – 11–12%, готовых принять в них участие – 12–13%.

* Данные ВЦИОМ – вероятность протестных выступлений: среднее за 3 опроса (от 2, 9 и 16 апреля 2023 года); возможность участия в выступлениях: данные за март 2023 года.

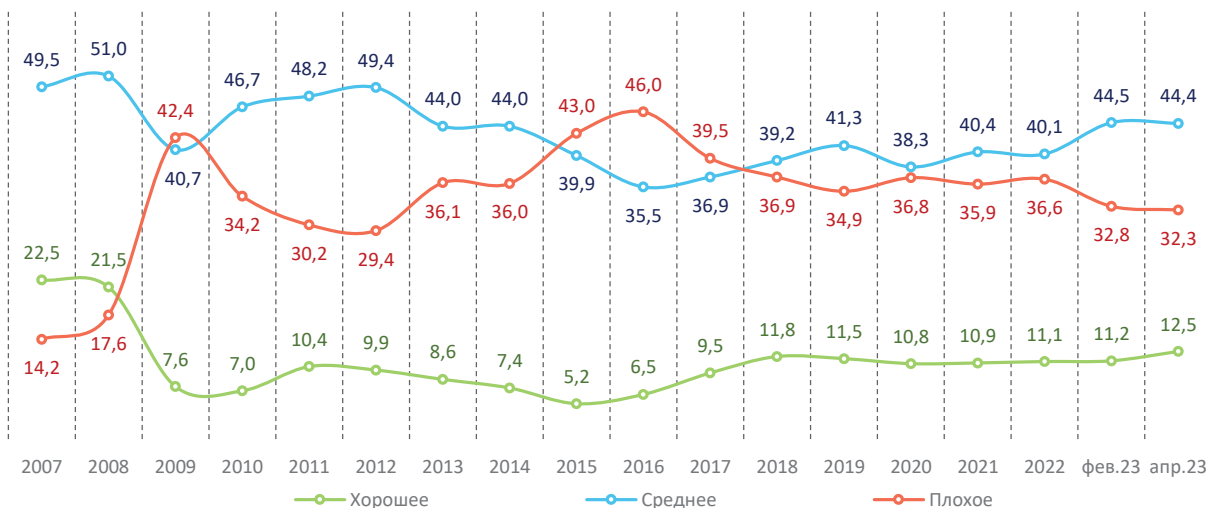

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

С февраля по апрель 2023 года существенных изменений в оценках населения Вологодской области относительно экономического положения региона не зафиксировано: доля позитивных оценок составляет 11–13%, нейтральных – 44–45%, негативных – 32–33%.

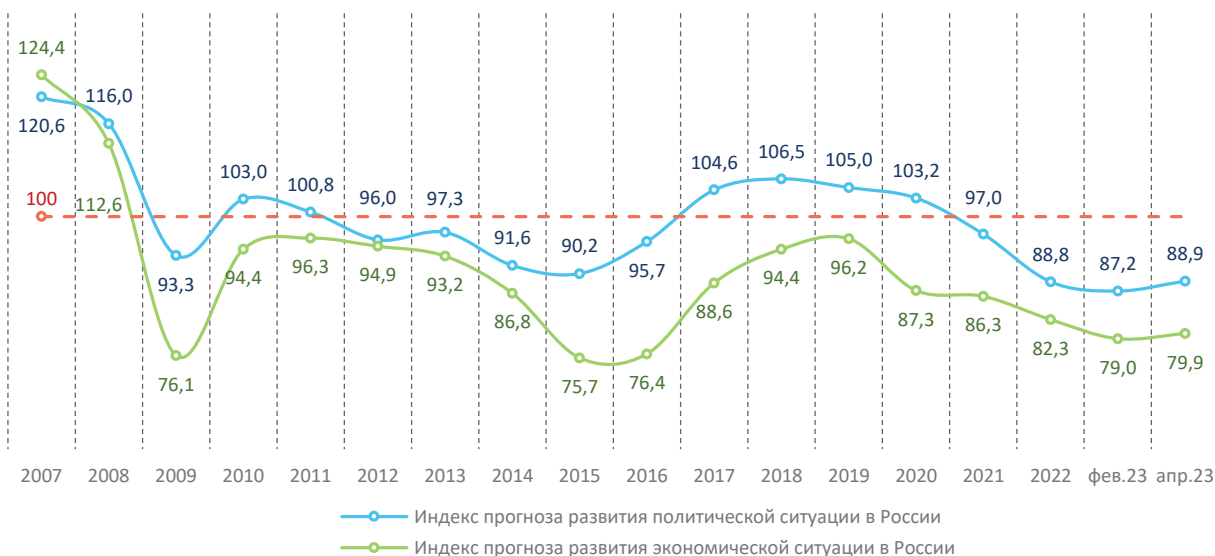

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В апреле 2023 года индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России не претерпели значительных изменений и находятся на уровне значений февраля т. г. (87–89 п. и 79–80 п. соответственно).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ОБ ИТОГАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА «ЭКОЛОГИЯ: ГОРОД, ЭКОНОМИКА, ЛЮДИ»

С 22 по 28 апреля 2023 года в г. Вологде проходил Международный форум «Экология: город, экономика, люди». Вологодский научный центр РАН выступил организатором и активным участником многих мероприятий форума.

В рамках форума 24–25 апреля на базе Вологодского научного центра РАН проходила олимпиада-конкурс научных работ «БиоЭкоПрорыв-2023». Мероприятие состояло из двух этапов: олимпиады по биологии и экологии и защиты научно-исследовательских работ. Как отметили члены жюри, представленные работы участников интересны, актуальны и имеют определенный научный потенциал. Победители и призеры были награждены дипломами и научно-популярными книгами по биологии.

26 апреля по приглашению Вологодского научного центра РАН в Вологодской областной универсальной научной библиотеке им. И.В. Бабушкина с публичной лекцией «Современная концепция устойчивого

развития на принципах ESG: проблемы и перспективы реализации» выступила главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования социального и эколого-экономического развития регионов Института проблем региональной экономики РАН д-р экон. наук, профессор Маргарита Федоровна Замятина. Она рассказала о федеральных проектах по экологии и биотехнологиям и их реализации в регионах, о ESG-рейтингах в цифрах и «пионерах» ответственного инвестирования на принципах ESG в рамках отраслевого и регионального управления, а также о мировых трендах в области экологии.

Во второй части встречи старший научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН д-р экон. наук Вера Петровна Самарина представила практический опыт реализации ESG-принципов в докладе «Арктический поселок горняков как образ «умного города», в котором описала,

как на основе исследований земных недр в 1960-е гг. были получены важнейшие сведения, перевернувшие представления о геологическом составе почвы, о возможностях выживания в замкнутых суровых условиях.

Ключевым мероприятием форума стала научно-практическая конференция «Экология и общество: баланс интересов», которая состоялась 27 апреля. Конференция была организована Министерством науки и высшего образования РФ, Отделением общественных наук РАН, Правительством Вологодской области, Администрацией города Вологды, Вологодским научным центром РАН и Вольным экономическим обществом России в преддверии празднования 300-летия Российской академии наук и в рамках мероприятий, приуроченных к Десятилетию науки и технологий.

В адрес конференции поступили письма, которые направили директор Департамента координации деятельности научных организаций Министерства науки и высшего образования РФ Кира Алексеевна Швед, заместитель академика-секретаря – руководитель Секции экономики Отделения общественных наук Российской академии наук, академик РАН Борис Николаевич Порфирьев, президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН Сергей Дмитриевич Бодрунов, генеральный директор Объединенного института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси Сергей Владимирович Кругликов, Председатель Комитета Государственной Думы по экологии Дмитрий Николаевич Кобылкин, заместитель Генерального секретаря Правительства города Интаня (Китай) Чжо Фень.

На пленарном заседании конференции были представлены доклады, посвященные вопросам стратегии реализации ESG-принципов, устойчивого развития регионов, социально-демографическим тенденциям, концепции «умного города». Спикеры отметили готовность вологжан к созданию «умного города» и формированию «зеленой» экономики.

Мероприятие открыл доклад мэра города Вологды Сергея Александровича Воропанова

«Вологда: ESG – повестка и стратегия реализации». С.А. Воропанов представил промежуточные результаты реализации стратегии «ЭкоВологда-2030», направленной на формирование экономики замкнутого цикла и создание экологичного пространства для жизни по принципам устойчивого развития. Он отметил, что Вологда стала первым городом, разработавшим экологический стандарт на муниципальном уровне. Этот стандарт закрепляет принципы ESG-повестки для всех жителей города и реализуется в проектах, ориентированных на создание комфортной инфраструктуры, реновацию промышленных территорий, общественных пространств, объектов деревянного зодчества.

С докладом «Социо-эколого-экономические модели регионов» выступил директор Центрального экономико-математического института РАН член-корр. РАН, профессор РАН, д-р экон. наук Альберт Рауфович

Бахтизин. Доклад посвящен вопросам разработки математических моделей для прогнозирования и оценки различных инициатив, связанных с устойчивым развитием, переходом к климатически-нейтральной экономике и достижению целей устойчивого развития. Сделан акцент на экологических агент-ориентированных моделях, имитирующих процессы загрязнения окружающей среды вследствие деятельности человека, влиянии состояния экологии на заболеваемость и смертность населения, процессах управления экологической нагрузкой на территорию. Представлена разработанная в рамках сотрудничества ЦЭМИ РАН и ВолНЦ РАН агент-ориентированная модель Вологодской области, которая позволяет прорабатывать различные сценарные воздействия, связанные с изменением естественного движения населения, а также управлять бюджетом области и оценивать влияние различных сценариев на социально-экономические и экологические показатели как на уровне всего региона, так и на уровне отдельных муниципалитетов. Доклад был встречен с интересом и одобрением, были высказаны пожелания о продолжении исследования по оцениванию уровней социальной напряженности в субъектах РФ совместно с Вологодским научным центром РАН.

Об особенностях урбанизации в России в целом и в Вологодской области в частности рассказала и. о. директора Вологодского научного центра РАН д-р экон. наук Александра Анатольевна Шабунова в докладе «Социально-демографические тенденции и вызовы для устойчивого развития городов». Она отметила очаговый характер расселения, сокращение площади освоенного пространства, высокий темп роста городского населения за счет миграции сельского населения, что приводит к отставанию качественного развития урбанизации. Были предложены пути решения данных проблем: необходимо поддержание производственных, рыночных, личностных и социокультурных связей, важно стратегическое понимание территориального размещения населения и производства, поиск способов снижения институциональных барьеров.

Главный научный сотрудник лаборатории прогнозирования производственного потенциала и межрегиональных взаимодействий Института народнохозяйственного прогнозирования РАН д-р экон. наук Ольга Владимировна Кузнецова выступила с докладом «Устойчивое развитие городов в контексте проблематики пространственного развития современной России». Докладчик также отметила наблюдающийся рост концентрации населения в столичных городах и выделила существующие в связи с этим проблемы развития, рассказала о возможных направлениях научно-технологической государственной и муниципальной политики и необходимости поддержки «вторых» городов.

Профессор департамента мировой экономики НИУ «Высшая школа экономики» д-р экон. наук, профессор Светлана Николаевна Растворцева в докладе «Умные города как ответ на современные вызовы» рассказала о концепции «умного города» в связи с понятием «зеленого города». Были представлены ресурсы формирования «умного города», интеллектуальная инфраструктура города, технологии формирования и конечные цели реализации данной концепции.

На пленарном заседании звучали благодарности в адрес администрации города и области за выбранный курс развития. Приглашенные гости города, ученые чл.-корр. д-р экон. наук А.Р. Бахтизин, д-р экон. наук О.В. Кузнецова и д-р экон. наук С.Н. Растворцева поблагодарили Вологодский научный центр РАН за плодотворное сотрудничество и оценили высокий уровень активной научной деятельности центра, способствующей грамотной реализации экономической, социально-демографической и экологической региональной политики.

Мероприятие транслировалось на YouTube-канале Официального портала Вологодской области: https://www.youtube.com/live/kF4Si2FRD_M?feature=share

Работа конференции продолжилась по трем тематическим секциям: «Эколого-экономические проблемы устойчивого развития территорий», «Цифровизация в развитии экономики и жизни общества: риски

и возможности», «Социальные аспекты экологии человека: новые перспективы и вызовы». Также был организован круглый стол «Современные тренды в экологизации сельского хозяйства».

С 24 по 28 апреля сотрудники нескольких департаментов Администрации города Вологды участвовали в интенсивной образовательной программе «Устойчивое развитие», организуемой Вологодским научным центром РАН. Результатом обучения стала публичная защита социальных проектов по направлениям «Перспективная и достойная работа», «Модель ESG-трансформации города» и «Цифровой город». Все проекты получили положительную оценку членов комиссии,

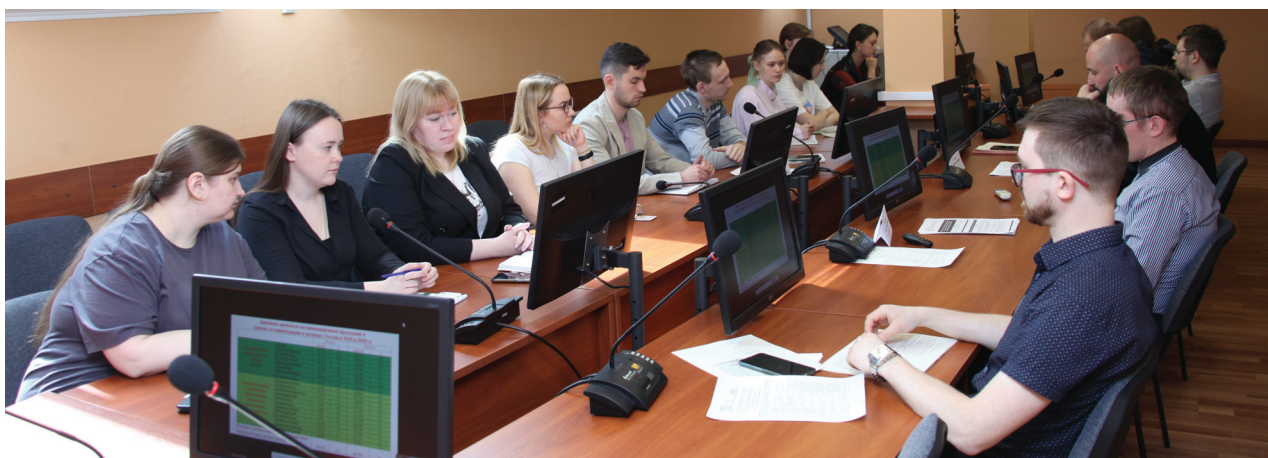
возглавляемой мэром города Вологды С.А. Воропановым, и были рекомендованы к реализации.

Вологодский научный центр РАН не в первый раз вносит вклад в работу Международного форума «Экология: город, экономика, люди». Участники и эксперты форума подтверждают, что информация, полученная на мероприятиях, организованных ВолНЦ РАН, позволит выполнять рабочие задачи более профессионально и внедрять природоохранные мероприятия с высоким эколого-экономическим эффектом.

Материал подготовили

М.А. Фомина
И.А. Кукушкина

ОБ ИТОГАХ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ»

В политических кругах и научном сообществе России развернулась дискуссия, в фокусе внимания участников которой – обеспечение устойчивого экономического роста, факторы и причины падения отечественной экономики, позиция страны в мире, перспективы развития и преодоления негативных тенденций.

Вологодский научный центр РАН не остается в стороне от обсуждения этих вопросов, выступая организатором научно-практических конференций с привлечением широко-

го круга ведущих российских ученых, представителей органов регионального и местного управления, руководителей социальных учреждений и хозяйствующих субъектов.

С 2016 года в отделе проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ежегодно проходит научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий». Работа интернет-конференции организована по трем научным направлениям: про-

блемы социально-экономического развития и управления территориями; проблемы и перспективы пространственного развития территорий; проблемы и пути повышения финансовой устойчивости территории.

На первой интернет-конференции (27–29 апреля 2016 года) был представлен 31 доклад. Участие в ней приняли ученые и эксперты из таких городов, как Апатиты, Белгород, Вологда, Екатеринбург, Ижевск, Курск, Москва, Санкт-Петербург и Донецк.

Во время второй конференции (16–18 мая 2017 года) формат проведения мероприятия претерпел изменения: было организовано пленарное заседание, которое проводилось в режиме вебинара с подключением докладчиков из различных регионов и стран. География участников значительно расширилась, конференция получила статус международной. Заявки подали 75 участников из российских и зарубежных научных учреждений и вузов.

Третья конференция (16–18 мая 2018 года) была организована при поддержке Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси и Института экономических исследований (г. Донецк). Существенно расширилась география участников. Было прислано 168 докладов из 31 региона России и 7 зарубежных стран. В обсуждении докладов приняли участие 215 человек, представлявших 80 научных и образовательных организаций.

Четвертая интернет-конференция (15–17 мая 2019 года) стала одной из региональных площадок Московского академического экономического форума (МАЭФ), проводившегося впервые. Ученые и начинающие исследователи, студенты и аспиранты из России, Беларуси, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики обсудили факторы повышения экономического роста и устойчивого развития территорий. Всего на конференции было представлено 110 докладов.

Пятая международная интернет-конференция (18–22 мая 2020 года) собрала участников из России, Донецкой Народной Республики, Армении, Беларуси и Узбекистана. В обсуждении докладов приняли

участие более 230 человек. Всего на конференции представлено 182 доклада.

Шестая международная интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий» (19–21 мая 2021 года) стала региональной площадкой III международного Московского академического экономического форума. На мероприятии был представлен 151 доклад от участников из России, Беларуси, Донецкой Народной Республики и Армении.

Седьмая международная интернет-конференция (11–13 мая 2022 года) традиционно прошла в рамках IV международного Московского академического экономического форума. В мероприятии приняли участие 172 человека с 129 докладами из России, Беларуси, Казахстана, Донецкой Народной Республики и Армении.

В 2023 году была проведена восьмая международная интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», которая прошла в рамках V международного Московского академического экономического форума. С 17 по 19 мая ученые и начинающие исследователи, студенты и аспиранты из России, Беларуси, Таджикистана и Армении обсудили современные тенденции национальной и региональной экономики, проблемы и пути их решения. В конференции приняли участие 148 человек, представлено 107 докладов.

19 мая 2023 года состоялось пленарное заседание в онлайн-формате на платформе ZOOM, которое транслировалось на YouTube канале ВолНЦ РАН. Зам. зав. отделом социально-экономического развития и управления в территориальных системах, ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук Е.В. Лукин поприветствовал участников региональной площадки V международного Московского академического экономического форума, подчеркнул растущий научный вес интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», отметив широкую географию участников, перечень обсуждаемых вопросов и количество докладов.

На пленарном заседании в режиме вебинара выступили зав. лабораторией Института

экономики УрО РАН канд. экон. наук, доцент И.В. Наумов (доклад «Сценарное моделирование и прогнозирование пространственной неоднородности инновационного развития России»), доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова канд. экон. наук А.А. Пугачев («Способствуют ли налоговые вычеты по НДС к сглаживанию неравенства граждан?»), старший научный сотрудник ВолНЦ РАН канд. экон. наук Н.В. Ворошилов (доклад «Особенности и перспективы развития института местного самоуправления в России (к 20-летию принятия Федерального закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года)»), старший научный сотрудник ВолНЦ РАН канд. экон. наук А.В. Попов (доклад «Российский рынок труда в условиях новой реальности: дилемма между стабильностью и развитием»), младший научный сотрудник ВолНЦ РАН М.К. Мальшев (доклад «Способность корпораций металлургической, угольной и химической отраслей к генерации доходов бюджетной системы в новых условиях глобальных вызовов»).

В ходе работы пленарного заседания развернулась дискуссия о перспективах развития экономики страны в современных геополитических и экономических условиях.

Обсуждение докладов традиционно осуществлялось на интернет-форуме конференции, на котором в ходе онлайн-дискуссии участники и все заинтересованные лица могли задавать вопросы и присылать комментарии авторам. Всего на интернет-форуме участниками было оставлено более 400 сообщений.

В рамках секции 1 «Проблемы и перспективы социально-экономического развития территорий в условиях структурной трансформации российской экономики» (модераторы – зам. зав. отделом, ведущий научный сотрудник канд. экон. наук Е.В. Лукин; старший научный сотрудник канд. экон. наук Е.Г. Леонидова) обсуждались проблемы цифровой трансформации экономики, повышения устойчивости развития регионов, перспективы развития предпринимательства, моделирование и прогнозирование развития территорий и другие актуальные вопросы. Самым обсуждаемым в секции стал доклад студента Уфимского универ-

ситета науки и технологий Гульшат Равиловны Валиахметовой «Инвестиционная привлекательность Республики Башкортостан».

На секции 2 «Проблемы и перспективы пространственного развития территорий» (модераторы – ведущий научный сотрудник канд. экон. наук С.А. Кожевников; старший научный сотрудник канд. экон. наук Н.В. Ворошилов) обсуждались вопросы формирования и реализации межмуниципального сотрудничества территорий, проблемы малых и средних городов Российской Федерации и пути их решения, а также тенденции социального-экономического и пространственного развития территорий. Наибольшее количество вопросов было задано инженеру-исследователю ВолНЦ РАН Анастасии Алексеевне Безгачевой, выступившей с докладом «Подходы к определению научного туризма».

В ходе работы секции 3 «Проблемы и актуальные вопросы развития финансовой системы» (модераторы – ведущий научный сотрудник канд. экон. наук М.А. Печенская-Полищук; инженер-исследователь А.А. Богомолова) рассматривались вопросы государственно-частного партнерства, финансовые проблемы социально-экономического развития территорий, тенденции и перспективы развития бюджетной системы на федеральном, региональном и местном уровнях. Наиболее обсуждаемым стал доклад младшего научного сотрудника ВолНЦ РАН Михаила Константиновича Мальшева «Способность корпораций металлургической, угольной и химической отраслей к генерации доходов бюджетной системы в новых условиях глобальных вызовов».

С полными текстами докладов и материалов можно ознакомиться на сайте конференции (<http://econproblem.volnc.ru/>).

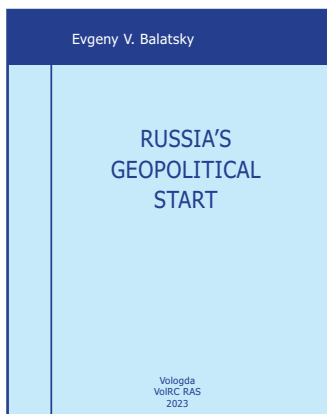
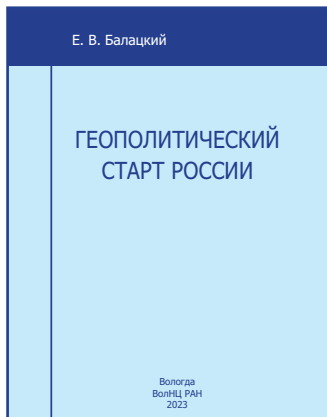
По итогам конференции будет подготовлен сборник докладов.

Хочется отметить высокий уровень представленных на конференцию докладов, активность участников интернет-форума, а также широту рассматриваемых вопросов.

Материал подготовила

Д.С. Палкина
инженер-исследователь
ФГБУН ВолНЦ РАН

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Балацкий Е.В. (2023). Геополитический старт России. Вологда: ВолНЦ РАН. 129 с.

Balatsky E.V. (2023). Russia's Geopolitical Start. Vologda: VolRC RAS.

Книга посвящена рассмотрению тех объективных принципов, правил, законов, механизмов и эффектов, которые управляют динамикой периодической смены мировых центров капитала. Раскрывается ошибочность концепции многополярности мира и доказывается, что геополитическое пространство планеты подчиняется принципу моноцентричности. Сделана попытка обосновать, что сегодняшняя Россия обладает уникальными геополитическими преимуществами по сравнению со всеми остальными странами мира и может претендовать на роль нового центра капитала и нового центра мировой активности. С единых общенаучных позиций раскрываются многие недостаточно изученные вопросы: возникновение идеологии трансгуманизма, работа системы неокOLONиализма, особенности гибридных войн, кристаллизация пассионарности народа и т. п. Книга может быть полезна всем интересующимся международными отношениями и мировой политикой.

Кожевников С.А., Мазилев Е.А., Ворошилов Н.В. [и др.] (2022). Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 297 с.

Монография подготовлена коллективом молодых ученых ВолНЦ РАН на основе грантов, поддержанных фондом Президента Российской Федерации. В ней дана характеристика особенностей реакции региональной и национальной экономики на глобальные вызовы и угрозы; выявлены наиболее острые социально-экономические проблемы российских регионов; представлен взгляд исследователей на возможные инструменты решения проблем российской экономики и общества на региональном уровне.

Данная работа адресована работникам органов государственного управления, научным сотрудникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, аспирантам, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы развития экономики регионов и страны в целом в условиях глобализации.

Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В., Соколова А.А. (2022). Демографическое развитие Вологодской области и самоохранительное поведение населения в условиях постпандемии COVID-19: III региональный демографический доклад / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН. 107 с.

В 2020 году коллективом авторов Вологодского научного центра РАН впервые был подготовлен региональный демографический доклад, содержащий анализ тенденций демографического развития Вологодской области в период с 2000 по 2019 год в сравнении с ситуацией в среднем по России и регионам Северо-Западного федерального округа, а также мер демографической политики с акцентом на региональный кейс. Доклад 2022 года посвящен демографическому развитию Вологодской области и самоохранительному поведению населения в условиях постпандемии COVID-19. В частности, авторами рассматриваются тренды в динамике численности населения региона, показателей его воспроизводства и миграции, брачности и разводимости, половозрастной структуры, в том числе в разрезе муниципальных образований. Изучены особенности отношения жителей Вологодской области к собственному здоровью и его самооценки, распространенность среди населения самоохранительных практик, а также оценки влияния на здоровье коронавирусной инфекции. Кроме того, в докладе рассмотрены новые меры региональной социально-демографической политики в направлении снижения смертности и увеличения продолжительности жизни населения, предложены рекомендации по ее совершенствованию.

Анализ базируется на официальных данных федеральной и региональной служб государственной статистики, результатах мониторинговых социологических исследований Вологодского научного центра РАН, материалах научных публикаций.

Доклад предназначен ученым, исследователям, обучающимся и преподавателям, представителям органов власти и некоммерческого сектора, а также всем, кто интересуется вопросами демографического развития и демографической политики.

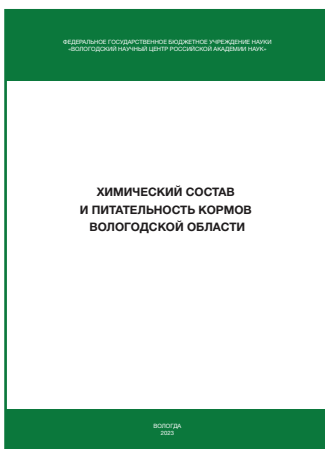
Молодые ученые – экономике региона (2023): мат-лы XXII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 12–16 декабря 2022 г.) / науч. ред. Т.В. Ускова; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 241 с.

Конференция «Молодые ученые – экономике региона» проходит в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» ежегодно. Ее цель – создание дискуссионной площадки для обсуждения молодыми учеными результатов исследований по проблемам социально-экономического развития регионов. Доклады, озвученные в рамках конференции, разделены на следующие тематические секции: «Социально-экономическое развитие и управление территориальными системами и комплексами», «Социальное

развитие территорий», «Развитие инновационного потенциала территорий и построение экономики знаний» и «Биоэкономика как потенциал развития региона». Научным руководителем курса является заместитель директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН доктор экономических наук, профессор Т.В. Ускова.

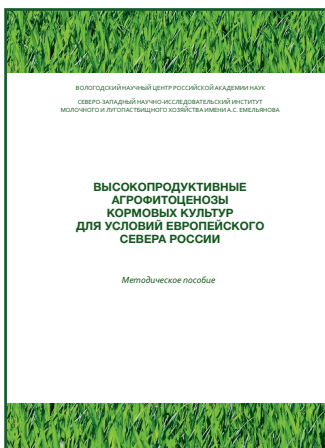
В сборнике опубликованы материалы XXII Международной научно-практической конференции «Молодые ученые – экономике региона», состоявшейся в 2022 году.

Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям высших учебных заведений экономического профиля, а также всем, кто интересуется проблемами развития региональной экономики.

Фоменко П.А., Богатырева Е.В. (2023). Химический состав и питательность кормов Вологодской области: ежегодное справочное издание / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 48 с.

В справочнике представлены усредненные данные химического состава кормов Вологодской области, заготовленных в 2022 году. Информация предназначена для специалистов и руководителей сельхозпредприятий, работников департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов, научных сотрудников, студентов, аспирантов, преподавателей вузов (по данному профилю) и других лиц, заинтересованных в области кормления животных.

Безгодова И.Л., Коновалова Н.Ю., Прядильщикова Е.Н., Вахрушева В.В., Коновалова С.С. (2023). Высокопродуктивные агрофитоценозы кормовых культур для условий Европейского Севера России: метод. пособие / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 59 с.

Методическое пособие «Высокопродуктивные агрофитоценозы кормовых культур для условий Европейского Севера России» предназначено для научных работников, руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности, занимающихся проблемами кормопроизводства. Оно может служить учебным пособием для студентов и учащихся общеобразовательных учреждений сельскохозяйственного профиля.

В полевых опытах в составе смесей однолетних зернобобовых культур изучались горох посевной, вика яровая, люпин узколистный, бобы кормовые, овес и райграс однолетний; в составе травосмесей изучались: одноукосный клевер, двухукосный клевер, люцерна изменчивая, овсяница луговая, овсяница тростниковая, тимофеевка луговая, кострец безостый, райграс пастбищный; обобщены результаты исследований по изучению влияния видов и сортов однолетних кормовых культур, многолетних злаковых и бобовых трав на ботанический состав, продуктивность, питательность агрофитоценозов.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Расчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.05.2023.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18,95. Тираж 500 экз. Заказ № 23.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru